

Французскіе повести

Вертер и Коринна

Мартин Тьерс

Мадонна Корнелия

Андре Ривароль

Веркор и Коронель

Квота, или «Сторонники изобилия»

Веркор

Коронель

Один из авторов повести «Квота, или «Сторонники изобилия» – Веркор – писатель всемирно известный. Другой – друг его детства инженер Коронель. Авторы в повести «Квота, или «Сторонники изобилия» в сатирически-гротескном виде представляют социально-экономические механизмы, создающие психоз потребления, знакомят с техникой превращения людей в «покупательные машины».

Повесть опубликована в сборнике «Французские повести». М.: Правда, 1984.

От авторов

Эта книга – плод пятидесятилетней дружбы.

Действительно, полвека назад, чуть ли не день в день, Жан Брюллер, он же Веркор, ученик предпоследнего класса Эльзасской школы, увидел, как в класс вошел какой-то неуклюжий верзила, с симпатичной физиономией, по фамилии, как считал первые несколько недель Брюллер, Корне, на самом деле оказавшийся Коронелем, Тогда-то и возникла их дружба, которой оба ни разу не изменили.

То же можно сказать и об их сотрудничестве. Началось оно с музыки. Брюллер играл на пианино, Коронель – на банджо, и они выступали вдвоем на вечеринках, стремясь произвести как можно больше шума. Позже, году в двадцать пятом, они перекинулись на любительский мюзик-холл, не без успеха подражая одновременно и Гроку и братьям Фрателлини, но однажды, на открытии студенческого городка, выйдя на подмости, они обнаружили, что не знают, через какие двери им уходить со сцены; они сразу сникли, и в течение томительного получаса им не удалось ни разу рассмешить взиравших на них с удивлением зрителей. Коронель утверждает, будто Брюллер потом сказал: «Это было для них слишком тонко», но у Веркора есть подозрение, что придумал он это просто со злости. Как бы то ни было, но о мюзик-холлом было покончено и Коронель стал собирать гоночный автомобиль, на котором они должны были вдвоем совершить «голубой пробег» Париж – Каир по не существующим еще тогда дорогам, через Балканский полуостров и Ближний Восток. Машина – «сильва-коронель», марку для которой нарисовал Брюллер, действительно появилась на свет божий (чертежи ее хранятся в Музее автомобилестроения), но, к счастью для них, при предварительной попытке покрыть расстояние от Парижа до Шамони за шесть часов, побив рекорд на эту дистанцию, они из-за целого ряда технических неполадок проделали весь путь за семьдесят два часа. Таким образом, «голубой пробег» не состоялся.

Затем на некоторое время (если не считать небольшого юмористического сборника, для которого один написал текст, а другой сделал иллюстрации и который вышел в 1935 году под названием «Краски Египта») их сотрудничество прервалось, так как различие профессий – Коронель стал инженером, а Брюллер художником – не слишком способствовало новым начинаниям. Но вот однажды – было это в 1939 году – Коронель сообщил своему другу о новом психологическом методе, открытом в Соединенных Штатах, в соответствии с которым в той крупной фирме, где он работал, готовят опытных продавцов автомашин. Рассказ о том, как самого нерешительного покупателя чуть ли не с помощью гипноза заставляют подписать заказ, показался Брюллеру настолько комичным и в то же время настолько страшным, что он воскликнул: «А ведь это сюжет для пьесы. Это же «Кнок» от коммерции!» ^[1] И вот, хотя еще ни один из них не пробовал своих сил в беллетристике, они взялись за дело, радуясь, что снова работают вместе. Но началась война, потом оккупация, и судьба развела их в разные стороны. В течение двадцати лет они раз десять то возвращались к пьесе, то бросали ее. Как-то Брюллер, уже ставший к тому времени Веркором, рассказал сюжет этой пьесы своему нью-йоркскому издателю, и тот уговорил его написать на эту тему роман; по словам издателя, такой роман жизненно необходим американскому читателю, так как большинство даже не подозревают о губительных последствиях американской системы торговли и о критическом состоянии экономики

страны. Вот почему роман появился в Америке раньше, чем во Франции. Действительно, рожденные фантазией авторов бредовые выдумки, которые двадцать лет назад казались им шаржем, успели воплотиться в жизнь – мы имеем в виду пышный расцвет «гаджетов» [\[2\]](#), то есть товаров, которые за океаном самым серьезным образом продаются и покупаются как предметы первой необходимости. Ходят слухи, что вскоре на рынок поступят, а, может быть, уже поступили, оксигеноль и деревенский воздух в консервированном виде.

Вот почему сегодняшний читатель отнесется к пророчествам авторов, какими бы невероятными они ни казались, с большим доверием, чем читатель 1939 года. К тому же, поскольку известная часть их фантастических измышлений стала ныне былью, то и все остальное приобретает большую правдоподобность, иными словами, то из наших предсказаний, что еще не осуществилось – пусть оно даже не вполне серьезно, – будет воспринято не просто как вздор, нелепая выдумка, а как нечто вызывающее беспокойство, к чему можно и должно прислушаться. Именно этого от всего сердца и желают авторы. Ибо этот сатирический роман, вернее, сигнал тревоги, и впрямь выражает наши общие страхи.

Часть первая

Тагуальпа – небольшая североамериканская республика, лежащая между Соединенными Штатами и Мексикой. С одной стороны ее обрамляет Сьерра-Хероне, с трех других – широкой петлей охватывает река Рио-Гранде. В 1526 году испанцы, одержав победу над тагуальпекскими индейцами, завоевали Тагуальпу. В дальнейшем сюда хлынули переселенцы самых различных рас и национальностей: французы, голландцы, немцы, скандинавы, итальянцы, а также семиты с Кипра и Ближнего Востока. Государственным языком Тагуальпы остался испанский. Экономика Тагуальпы, богатой сырьем, прекрасными тучными пастбищами, находится в расцвете. Площадь: 54660 кв. км; население: 6700000 чел. (тагуальпеки). Столица – Хаварон.

Вот что сообщается о Тагуальпе в кратком словаре Ларусса. Желающих получить более подробные сведения мы отсылаем к богато документированным трудам профессора Жоржа Брено и в первую очередь к его замечательному исследованию «Американская Швейцария». Но пусть такое название не введет вас в заблуждение. Тагуальпа напоминает Швейцарскую конфедерацию лишь размерами своей территории да высоким уровнем промышленного развития, что и в самом деле поразительно для такого крохотного государства. Да еще, пожалуй, удивительной диспропорцией доходов жителей разных провинций, как то наблюдается в Швейцарии, если, к примеру, сравнить районы Цюриха и Тессена. Но по всему прочему маленькая Тагуальпа скорее напоминает мексиканский отросток Техаса. Сюда все больше проникает американский образ жизни, и кое в чем тагуальпеки, пожалуй, даже перецеголяли Соединенные Штаты. Иными словами, социальные барьеры, разделяющие разные слои населения в зависимости от их доходов, еще многочисленнее в Тагуальпе, чем в Соединенных Штатах. При малейшем изменении материального положения человек вынужден полностью менять образ жизни. Он должен немедленно переехать в другой квартал города, сменить машину, клуб, знакомых, друзей.

Вот именно к этому и не могла никак привыкнуть Флоранс Петерсен-Бретт. Флоранс рано осталась сиротой и имела самое смутное представление о своей Дании. Девочку взял к себе немолодой родственник Самюэль Бретт, внук шведа, эмигрировавшего в Тагуальпу в 1882 году, и все-таки, к великому его удивлению, в ее воззрениях сохранилось что-то атавистическое – европейское. Жили они вдвоем, как отец и дочь. Так как Бретт был намного старше Флоранс, она называла его «дядей» и работала его секретарем в фирме «Фрижибокс», где он был генеральным директором. Еще в юные годы в ней проявились кое-какие черты характера, которые нравились дяде, но в то же время внушали ему тревогу. Бретту приходилось почти силой заставлять девочку подчиняться общепринятым правилам. Учиться он послал ее в Миллс-колледж в Калифорнию. За год до окончания колледжа она вернулась домой чуть ли не бунтаркой, до того претила ей благонамеренность воспитанников колледжа. В последующие два-три года этот бунт распространился уже на всю общественную жизнь. Когда Самюэль Бретт, занимавший в то время пост заместителя директора «Фрижибокса», сумел приобрести крупный пакет акций и неожиданно стал генеральным директором, а оклад его с тридцати шести тысяч песо (около восемнадцати тысяч долларов – тагуальпекское песо примерно равняется половине доллара) подскочил сразу до сорока восьми тысяч, Флоранс было воспротивилась тем переменам, которые повлекло за собой это повышение, начиная с перемены друзей и знакомых. Но все ее усилия были тщетны. «Богач» не может ходить в гости к просто «состоятельным» людям, не может жить с ними по соседству. Пришлось переехать в другой квартал, в другой дом, сменить машину и вступить в новый клуб. Тем не менее Флоранс попыталась сохранить

приятельские отношения со своими знакомыми молодыми людьми. Однако они сами отделились от нее – настолько укоренилась в тагуальпекском обществе эта традиция социальных мутаций. Флоранс страдала от этого. Она питала нежные чувства к одному юноше, своему ровеснику, которого друзья слегка презирали за его склонность к музыке и изящным искусствам, в чем они находили какую-то «женственность». И вот, чтобы отвлечь племянницу от девичьих горестей, дядя взял ее к себе в секретари. Флоранс было тогда двадцать два года. Входя в курс дела, она заинтересовалась работой, и очень быстро к ней вернулась ее былая жизнерадостность и живость.

Сейчас ей исполнилось уже двадцать восемь лет. Дядя Самюэль мечтал выдать ее замуж. Но она не желала связывать свою судьбу с таким же конформистом, как и все те, с кем ей приходится встречаться в деловых кругах. Кроме того, она слишком дорожила своей независимостью, уже давно оценив всю ее прелесть.

В то утро ее выбил из колеи один неожиданный визит.

Первым посетителем, о котором доложил швейцар Эстебан (на три четверти испанец, на одну восьмую киприот и на столько же индеец), оказался генерал Перес, старый университетский товарищ Бретта. Перес – наполовину португалец, наполовину немец – унаследовал от двух этих рас кучу недостатков и малое количество достоинств. Флоранс его недолюбливала. Ее дядя встретился с Пересом после почти двадцатилетней разлуки, за время которой один из них стал военным, а другой – промышленником. Три года назад Самюэль Бретт, пытаясь оживить захиревшую торговлю холодильниками – страна переживала кризис, который все усиливался и которому не видно было конца, – основал с несколькими друзьями нечто вроде кредитного банка с целью облегчить и расширить торговлю в рассрочку. Банку для предоставления ссуд требовался крупный оборотный капитал. Кроме того, чтобы привлечь вкладчиков – а в связи с кризисом это было весьма затруднительно, – следовало добиться их доверия. И тогда Бретту пришло в голову, что неплохо бы иметь в числе учредителей банка нескольких известных деятелей из дипломатических кругов, высшего духовенства и генералитета. Бывший однокашник Бретта, Перес, дослужившийся до генерала, из чисто дружеских, по его словам, соображений дал свое согласие, хотя и не отказался от сотни бесплатных акций, которые ему были незамедлительно вручены. Затем он снова исчез или почти исчез с горизонта, сославшись на то, что ничего в делах не смыслит. Раза два, от силы три, он обедал у Бретта. Но так как за столом речь шла в основном о политике, генерал даже словом не обмолвился, что помнит о существовании банка.

Вот почему неожиданное появление Переса в «Фрижибоксе» поразило Флоранс. Но еще больше она удивилась, когда швейцар в ответ на ее слова, что директор еще не приехал, заявил, что генерал настаивает на свидании лично с нею.

– Хорошо, – проговорила она смущенно, даже, пожалуй, взволнованно. – Что ж, проведите его ко мне.

Перес, уже седеющий полноватый мужчина, безуспешно пытался скрыть намечающееся брюшко двубортным пиджаком (мундир он надевал только при официальных визитах). Он церемонно поклонился Флоранс. Она пригласила его сесть.

– В глубине души я отчасти рад, – сказал он, усаживаясь в слегка продавленное кресло, – что застал вас одну. Я не так уж жажду повидать нашего дорогого Самюэля. Пожалуй, будет даже лучше, если то, что я хочу ему сказать, он узнает из ваших уст.

«Что случилось?» – со всевозрастающим беспокойством подумала Флоранс и спросила:

– Какая-нибудь серьезная неприятность?

– Да, приятного мало.

Он помолчал, словно подыскивая нужные слова.

– Ходят слухи, сеньорита, что дела идут неважно.

«Вот уж типичный солдафон! Целых шесть лет Тагуальпа не выходит из кризиса, а он только сейчас заметил это», – не сдержав грустной улыбки, подумала Флоранс.

– Это ни для кого не тайна, – сказала она.

– Но я имею в виду дела вашего дяди, – проговорил генерал, испытующим взглядом окидывая кабинет.

Флоранс стало как-то не по себе. Хотя Флоранс настолько привыкла к окружающей обстановке, что даже перестала ее замечать, тем не менее она догадывалась, какое впечатление на нового человека должен производить кабинет дяди: выгоревшие стены, которые давно следовало бы покрасить, пропыленные продавленные кресла, потертый ковер на полу, ветхая мебель, пожелтевшие рекламы, одна даже порвана, и никому в голову не пришло ее заменить! Все достаточно красноречиво говорило о том, что дела, и прежде неважные, теперь пошли из рук вон плохо и что больше нет сил бороться с обстоятельствами.

– Так чем же вы здесь занимаетесь? – спросил генерал.

– Да вот... – удивленно проговорила Флоранс, показывая на рекламы, – холодильниками, вы же сами видите.

– Поддержанными?

– Что вы! Почему вы так решили? – воскликнула Флоранс.

– Просто мне показалось... Ну и как... покупают?

– Конечно, – живо ответила она. – Во всяком случае, гораздо больше, чем у других.

– Что ж, тем лучше, – сказал генерал. Потом грубоватым тоном добавил: – Я пришел с вами не о холодильниках говорить, а о кредитном банке, для учреждения коего я дал разрешение воспользоваться своим именем.

Флоранс сразу догадалась, что за этим последует, она чувствовала, что катастрофа приближается.

– Я вас слушаю, – прошептала она.

– Я не желаю, чтобы армия в моем лице оказалась замешанной в финансовом скандале.

– Простите, генерал, – возразила Флоранс, – но никакой скандал нам не грозит.

– Я в делах не разбираюсь, а говорю только то, что слышал, – отрезал генерал. – И слышал неоднократно. – И почти без колебаний нанес сокрушительный удар: – Словом, я решил выйти из правления. Не дожидаясь, пока станет уже поздно.

Флоранс слабо ахнула.

Дальнейшие слова генерала доходили до нее как сквозь сон. Говорил он так велеречиво, что Флоранс лишь с трудом сквозь это нагромождение туманных фраз догадалась о намерениях генерала. Только через несколько минут она расшифровала истинный смысл его слов: генерал хотел, чтобы у него выкупили акции.

Она чуть не подскочила от возмущения:

– Что, что?

– Я хочу, – настойчиво повторил он, – узнать, примерно по какой цене у меня могут их выкупить.

– Позвольте, генерал, но вам же вручили эти акции бесплатно.

С наивным видом простачка генерал возразил:

– Это еще не довод. Я предоставил свое имя для привлечения вкладчиков и надеюсь, что могу за это рассчитывать на вознаграждение. Разве не так?

– Но вы же получали дивиденды.

– Ничего я не получал, – вздохнул генерал. – Каждый раз от меня требовали, чтобы я вложил эти деньги обратно для увеличения оборотного капитала.

Флоранс решила положить конец разговору.

– Лично я, генерал, занимаюсь холодильниками. Банковские дела вне моей компетенции. И кроме того, акции учредителей не подлежат продаже. Впрочем, я поговорю с дядей Самюэлем.

Наступило тягостное молчание. Генерал медленно поднялся с продавленного кресла.

– Я могу, – сказал он, – выйти из правления по-тихому. А могу и со скандалом. Вы меня поняли?

Он стоял перед ней, горделиво выпрямив стан. Флоранс тоже встала.

– Я все прекрасно понимаю, генерал. И это я тоже передам дяде Самюэлю.

Генерал улыбнулся, так, должно быть, улыбалась кошка Алисы из Страны чудес.

– Передайте ему, что я очень его люблю. Но дела есть дела.

– А я-то думала, – кротким голоском проговорила Флоранс, – что вы в них не разбираетесь, генерал.

Он наклонился и поцеловал ей руку.

– Разбираюсь как раз настолько, чтобы защищать свои интересы, – отпарировал он.

– Или нападать, – все также кротко ответила Флоранс.

– Лучшая защита – это нападение, таков древнейший стратегический принцип.

Генерал направился к выходу.

– До свидания, сеньорита. Поцелуйте за меня Самюэля. Моего доброго старого дружищу. Я буду в отчаянии, если поставлю его в тяжелое положение.

Он повернул ручку двери.

– Пусть он подумает.

– До свидания, генерал, – ледяным тоном произнесла Флоранс.

Генерал поклонился и вышел. Флоранс прислонилась к закрытой двери и замерла. Вид у нее был несчастный.

– Господи, – прошептала она, – час от часу не легче... Если уж крысы бегут с корабля...

В таком печальном раздумье и застал ее дядя Самюэль полчаса спустя. Ее вымученная улыбка не обманула его.

– В чем дело? – спросил он. – Что-нибудь случилось?

– К вам приходил генерал Перес.

– Вот как! – воскликнул Бретт. – Это не часто случается. И он не мог меня подождать?

Флоранс постаралась как можно мягче передать ему разговор с генералом. Бретт долго молчал, глядя куда-то в пространство. Наконец он проговорил:

– Ничего не поделаешь, придется выкупать у него акции.

– На какие же деньги?

– Ясно – на мои, – вздохнул Бретт. И бодро добавил, желая утешить Флоранс: – Ладно, не унывай! Как бы плохо ни шли дела, мы с тобой еще не нищие.

На следующий день, как и обычно в субботу, Флоранс отправилась в храм Чичигуа,

неподалеку от Хаварона, посмотреть, как продвигаются реставрационные работы. Интеллигенция Тагуальпы проявляла большой интерес к древним индейским памятникам. Современная цивилизация тагуальпеков целиком зиждется на индейской культуре. Не так давно эти памятники лежали в руинах, заросшие бурьяном и кустарником, и являли еще более грустное зрелище, чем храмы Греции и Сицилии, хотя воздвигнуты были сравнительно недавно; только в XVII веке, когда испанские иезуиты и голландские протестанты, объединив свои христианнейшие усилия, постарались выправить все следы (включая служителей культа, рукописи, памятники искусства и архитектуры) религии Солнца, наиболее чтимой религии Тагуальпы в течение двух тысяч лет, храмы были заброшены. Но сразу же испанцы, голландцы, немцы и итальянцы повели между собой не менее жестокие религиозные войны. Президент Боонен завоевал себе бессмертную славу – во всяком случае в масштабах страны, – положив этим распрямить конец при помощи Конвенции о религиозной терпимости 1837 года. Именно под его влиянием и сложился тот единый жизненный уклад, который в дальнейшем, объединив все разношерстные элементы населения, лег в основу морального кодекса тагуальпеков. В силу этого кодекса большинство людей с полным безразличием относились к перемене знакомых и друзей, обстоятельство, так удручавшее Флоранс, ибо, по их мнению, любого друга можно безболезненно заменить новым; одни и те же телевизионные программы, кинофильмы, одинаковый комфорт, одни и те же воскресные газеты с комиксами на двенадцати страницах и рекламами на сорока, а главное – всеобщая схожесть вкусов, выработанных одинаковым чтением, одинаковыми развлечениями, сформировала в конце концов настолько похожих друг на друга людей, что переезд в новый район города, в новый дом, смена автомобиля, клуба и общества, по сути дела, ничего не меняли в жизни тагуальпеков.

Надо сказать, что жители столицы Тагуальпы не так уж усердно посещают храм Чичигуа. Большинство предпочитает бейсбол, борьбу и американский футбол. Но зато многочисленные туристы, главным образом из Техаса, из Калифорнии (всего два часа лету из Лос-Анджелеса), реже – из Мексики (как ни занимателен был храм Чичигуа, он не выдерживал сравнения с храмами ацтеков или майя), толпятся каждую субботу и воскресенье у подножия высоченной пирамиды, карабкаются на развалины и наперебой фотографируют все достопримечательности. Потом они спускаются на землю, индейцы умело всучивают им фальшивые реликвии и грубые подделки, торговля ведется с подлинным индустриальным размахом.

Правда, иногда в корзинах индейцев можно откопать какие-нибудь черепки, представляющие настоящий интерес. Если индейцы видят, что вы что-то ищете и знаете толк в старине, они ведут вас в свои хижины поблизости от храма и высыпают перед вами содержимое консервных банок, куда они складывают все, что нашли в земле, обрабатывая свое поле. И там случается порой обнаружить что-нибудь ценное. Флоранс знала это. Вот в одну из таких индейских хижин она и вошла вслед за торговкой, несшей корзинку. В хижине находился какой-то мужчина, перед которым старая женщина, видимо мать той, что привела Флоранс, уже разложила свои сокровища.

Посетителю, очень высокому, худощавому, с густой шевелюрой, длинным лицом, перерезанным узкой щелью рта и тонким острым носом, было лет сорок. Одет он был вполне прилично, но не броско.

Флоранс с первого взгляда решила, что он «весьма интересный». Незнакомец торговал у хозяйки глиняную головку, величиной с грецкий орех, с широким приплюснутым носом и

очень выразительным личиком. Торговка – та, что помоложе, – в свою очередь, вывернула перед Флоранс старую кастрюлю со своими находками. Тут тоже были головки, но еще более миниатюрные, размером с лесной орех. Флоранс искоса поглядывала на ту, первую. Кажется, покупатель потерял к ней интерес. Он уже перебирал другие реликвии. Флоранс взяла ее в руки. Мужчина взглянул на Флоранс, улыбнулся и заговорил с нею. Она ответила из вежливости. Он бросил еще несколько слов. Флоранс тоже. И пока они перекидывались какими-то незначительными фразами, Флоранс, держа в руках глиняную головку, чувствовала, что все больше влюбляется в нее, и вдруг, неожиданно для себя, не торгуясь, дала старухе столько, сколько та просила. Мужчина, как-то странно усмехнувшись, поздравил ее с покупкой.

– Я вас не обездолила? – извиняющимся тоном спросила Флоранс, когда они вместе вышли из хижины.

– О нет... Одну потеряешь, десять найдешь... Ведь она так понравилась вам. Я рад, что благодаря мне вы ее купили.

– Да, пожалуй, именно благодаря вам, – согласилась Флоранс.

И действительно, она только сейчас отдала себе отчет, что именно его поведение побудило ее на этот шаг.

– Вы американец?

Говорил он по-испански с легким акцентом.

– Я приехал из Оклахомы.

– На субботу и воскресенье?

– Нет, очевидно, на более продолжительный срок. Это зависит...

– От чего?

– От того, соответствует ли Тагуальпа моим представлениям о ней.

– А как вы ее себе представляете? – весело спросила Флоранс.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? Это быстро под навесом выглядит довольно гостеприимно.

– Я, пожалуй, не откажусь, сегодня такая жара...

Она заказала себе кока-колу, он засмеялся.

– Что это вас так насмешило?

– Ничего. Лично я возьму чоуат.

Лет десять назад, еще до появления кока-колы, национальным напитком в Тагуальпе считался чоуат – слегка забродивший сок грейпфрута, к которому добавляли немного пальмового спирта, чтобы остановить брожение. Но теперь, хотя большинство в душе предпочитали этот привычный, легкий, освежающий напиток изумительного вкуса, никто не осмеливался пить его в публичном месте, за исключением, понятно, индейцев, которым нечего терять в смысле своей репутации. Пить чоуат – как это вульгарно! Вот почему его пьют тайком только дети, да еще – как вызов общественному мнению – кое-кто из киноактеров и самых богатых дельцов.

– А вы сноб, – сказала Флоранс.

– Ничего подобного. Просто люблю чоуат.

Он добавил что-то в похвалу чоуату, и тут Флоранс с удивлением услышала собственный голос:

– В таком случае закажите и мне...

Теперь наступила его очередь спрашивать, и она рассказывала ему о своей работе, о

дяде, о «Фрижибоксе».

– Но это же чудесно! – воскликнул он. – Мне просто повезло!

– В чем?

– Сейчас еще рано раскрывать карты. Но разрешите мне завтра зайти к вам в контору.

– Только не в часы работы.

– Наоборот, к работе это имеет самое непосредственное отношение.

Флоранс почувствовала укол разочарования.

– Вы ищете работу?

Незнакомец от всей души рассмеялся.

– Пускай будет так, – сказал он. – Но немножко по-иному, чем вы думаете.

– Вы говорите загадками.

– Пожалуй. Запаситесь терпением, сейчас вы просто ничего не поймете. Расскажите-ка мне еще о «Фрижибоксе».

– Что именно?

– Дела идут неважно, не так ли?

Флоранс ответила не сразу:

– Да нет, не хуже, чем у других.

– Вот это я и хотел сказать.

– Даже, пожалуй, лучше. У нас замечательный коммерческий директор.

– Вот как? Расскажите-ка мне о нем.

В душе Флоранс шевельнулось сомнение. Зачем он ее спрашивает? А вдруг это агент какой-нибудь конкурирующей фирмы? Подослан Спитеросом, например?

Этот самый Спитерос, хотя и поддерживал прекрасные отношения с дядей Самюэлем, был ярким его соперником на коммерческом поприще. Десятки раз они пытались договориться о нормализации производства холодильников, создать нечто вроде картеля, но всякий раз безуспешно.

– Вы, верно, по этой части? – спросила она. – Тоже занимаетесь холодильниками?

– Я занимаюсь всем. Можно и холодильниками. Вполне подходит. И даже очень.

– Опять загадки, – проговорила Флоранс.

– Ничего подобного. Я только хотел сказать, почему бы мне не заинтересоваться и холодильниками.

Похоже было, что он просто потешается над ней, но Флоранс почувствовала какую-то странную слабость, близкую к головокружению, будто от этого незнакомца, сидевшего напротив нее, исходила некая таинственная сила и сопротивляться ей было бесполезно.

– А что вообще вы делаете? – пробормотала она. – Чем занимаетесь?

– И всем и ничем. Я подготавливаю.

– Что?

– Это вы узнаете, если захотите, все зависит только от вас. Я не могу все объяснить вам здесь, сразу. Но это нечто весьма важное. Даже может изменить всю вашу жизнь, – добавил он серьезным тоном.

И вдруг душа ее словно распахнулась. Пропала настороженность, и ей захотелось поговорить с этим незнакомцем откровенно, довериться ему.

– Да, моей жизни это крайне необходимо, – вздохнула она.

– Правильно.

– Жаловаться я не вправе, я счастлива. Обожаю дядю. Работаю с увлечением. Но дела

идут все хуже и хуже. И это очень меня огорчает.

Вечером, возвращаясь домой, Флоранс думала, что это с ней случилось. Она нервничала, тревожилась. С чувством вины она поцеловала дядю. Чего только она не наболтала этому человеку, изливая свою душу! Какая неосторожность!

Ей захотелось тут же признаться во всем дяде. Но она пообещала незнакомцу молчать. А сам-то он, этот дьявол в образе человека, что доверил ей взамен? Только назвал себя. В сумочке у нее лежала его нелепая визитная карточка, на которой стояла одна лишь фамилия, да и то какая-то диковинная: КВОТА. А она взялась помочь ему, не заручившись никакими обязательствами с его стороны. Каким же образом он достиг этого?

Слово за слово он вытянул из нее все сведения об их фирме. О производстве, о сбыте товара. О том, что медленно, но неуклонно уменьшается объем сделок, хотя благодаря Каписте, их незаменимому коммерческому директору, этот процесс идет, надо полагать, не столь стремительно, как у других, но все равно идет упорно и неуклонно среди всеобщей экономической деградации Тагуальпы.

– Расскажите мне о Каписте, – попросил Квота.

И она рассказала. Описала ему этого подвижного, энергичного, но не слишком воспитанного человека, ожиревшего в тридцать пять лет; у него маленькие усики, тяжелый подбородок, даже после бритья отливающий синевой, очень темные густые брови, сплошной чертой перерезающей лоб, словом, сразу видно его испанское происхождение. Флоранс рассказала Квоте о столкновениях Каписты с дядей Самюэлем. Коммерческий директор грубоват, но в то же время обидчив, дядя же раздражителен, вспыльчив, и, с тех пор как дела пошли плохо, они все время ссорятся, так как дядя несправедливо упрекает Каписту в том, что он бездельник, болтун, а тот, оскорбленный, грозит директору, что немедленно все бросит и уйдет к Спитеросу (который, кстати, спит и видит, как бы его к себе переманить) и там сможет наконец проявить свои непризнанные коммерческие таланты. Тут Бретт, перетрусив, призывал на помощь племянницу, чтобы та удержала Каписту. Каписта поддавался уговорам. Ведь он ужасно привязан к их «старой омерзительной лавчонке», как он именовал «Фрижибокс», гораздо больше привязан, чем может показаться со стороны. Но все это в конце концов осточертело Флоранс.

– В один прекрасный день все лопнет, – сказала она Квоте. – Если Каписта уйдет от нас, мы прогорим. И даже если не уйдет... Дядя уже впал в отчаяние. Этим-то и объясняется его дурное настроение.

– Великолепно, великолепно, – подхватил Квота.

– Что великолепно? – возмутилась Флоранс.

– Именно то, что мне требуется. Предприятие на грани краха. Нежданная удача.

– Вы хотите его купить?

– Бог с вами. Кстати, у меня нет на это ни одного песо.

– Так что же вы собираетесь делать?

– Увидите.

Больше она не сумела вытянуть из него ни слова. И однако пообещала ему уже в понедельник утром устроить свидание с дядей Самюэлем, не предупредив того заранее.

Квота явился точно в назначенный час, держа в руках довольно тяжелый чемодан.

– Что это вы притащили? – спросила Флоранс. – Если вы намерены предложить нам дополнительное оборудование, то дело не пройдет: мы выпускаем все сами и ни в чем не нуждаемся.

– О, я знаю, но это вовсе не оборудование.

– Так что же в таком случае?

– Слишком уж вы любопытны.

Его слова уязвили Флоранс. Что это он о себе воображает? Она чуть было не указала ему на дверь. Ее удержало только данное обещание.

– Хорошо, – холодно произнесла она. – Пройдите сюда. Дядя еще не пришел.

Флоранс усадила Квоту в приемной, которая отделяла ее кабинет от кабинета дяди, и оставила одного. Его поведение ее задело.

Через несколько минут в кабинете Флоранс появился Бретт. Он был в отвратительном настроении. Его голый череп так и пылал.

– Квота! Ну и фамилия! – буркнул он, нервным движением выхватив визитную карточку, которую протянула ему племянница. – Что ему от меня надо?

– Он говорит, что объяснять это слишком долго.

– Но у меня нет времени возиться с твоим приятелем! Я его спроважу в два счета.

Флоранс промолчала и, желая переменить разговор и дать дяде время остыть, спросила:

– А как дела с армейскими столовыми?

– Застопорило, – проворчал Бретт, окончательно помрачнев. – Я виделся с военным министром. Теперь он заявляет, что не может, мол, давить на администраторов столовой. А администраторы утверждают, будто вполне могут обойтись старым оборудованием. Не исключено, что все это подстроил мерзавец Перес, видно, решил таким способом показать мне, чего можно от него ждать, если я не выкуплю его акций по высокой цене.

– Скажите, дядечка... – решила наконец Флоранс.

– Ну что?

– Я вот часто думаю, – она поколебалась, – для кого мы производим эти проклятые холодильники?

– Как это для кого? – удивился Бретт.

– Ну, словом... Вам вот хотелось бы, чтобы военное начальство заставило армейские столовые покупать наши холодильники, хотя они им и не нужны, верно? Ну я и подумала... а если бы армия скупила весь наш запас и потом регулярно стала бы забирать нашу продукцию...

– Так, так! – одобрительно воскликнул Самюэль.

– Но, – продолжала Флоранс, – стала бы скупать холодильники лишь для того, чтобы выбрасывать их в море. Что тогда вы скажете?

– Если она у нас все скупит... и оплатит?

– Конечно.

Эта мысль, казалось, заинтересовала Бретта.

– Недурно. Что я сказал бы? Сказал бы – браво!

– Так я и знала... – задумчиво протянула Флоранс. – Мы производим наши холодильники, как другие печатают фальшивые деньги, лишь бы нажиться...

– А для чего же, по-твоему, мы должны их производить?

– Ну, хотя бы для того, чтобы облегчить жизнь людям...

– А чем люди облегчают жизнь мне? – взорвался Бретт. – Чем облегчает мне жизнь

Перес? А правление? Ну-ка скажи! Или твой Каписта? Он, что ли, облегчил мне жизнь?

Флоранс были уже давно знакомы эти вспышки, когда дядя, устав от неприятностей, срывал свой гнев на ком попало. Она попыталась защитить их коммерческого директора.

– Но он делает все, что в его силах, дядя.

– Вот, вот. Заступайся за него. А знаешь, что он мне сейчас заявил?

– Вы снова поссорились?

– Поссорились, поссорились! Просто я сказал ему, что в этом месяце сбыт опять понизился и если так будет продолжаться... Знаешь, что он мне ответил?

– Нет.

– «Если у вас плохое настроение, – говорит, – накручивайте себе локоны на бигуди!»

Взглянув на сверкающую дядину лысину, Флоранс фыркнула. Бретт, не лишенный чувства юмора, тоже засмеялся. Но тут же, погасив улыбку, спросил:

– А как бы ты поступила на моем месте?

– С Капистой? Он бывает груб, слов нет, он невыносим, но вы сами знаете, мы вынуждены терпеть его. Иначе он прямым ходом отправится к Спитеросу.

– Так как бы ты поступила?

Флоранс улыбнулась.

– На вашем месте, – сказала она, – я бы пошла... пошла бы накручиваться...

– Можно бы говорить с дядей попочтительнее.

Эти слова он произнес шутливо – племянница сумела его развеселить. Но тут же, без всякой причины, лицо его и лысина опять побагровели, и он громовым голосом, так, что задребезжали стекла, принялся выкрикивать ругательства. Удивленная, даже немножко испуганная, Флоранс невольно отступила назад.

– Что с вами, дядя?

– А то, – вопил Бретт, – что мне тоже все осточертело! Меня тоже тошнит от этой лавочки! С утра до вечера сносить оскорбления, чтобы с превеликим трудом пристроить два десятка идиотских консервных банок. И так каждый божий день. А в благодарность в конце недели председатель правления, этот старый краб, обзывает тебя мальчишкой перед всем советом! Что он возомнил о себе? Вот возьму и швырну ему в физиономию заявление об отставке, тогда посмотрим, что-то он запоет! Подумать только: этот старый педераст осмеливается обзывать меня мальчишкой! Ну нет, черт подери, теперь мы наконец посмеемся. Прямо в морду швырну!

Продолжая бушевать, он швырял папки, лежащие на столе у Флоранс. По всей комнате, как по нью-йоркским улицам во время чествования очередного героя, кружились листки. Флоранс молча, чтобы еще больше не раздражить дядю, нагнулась и принялась старательно их собирать. Она не сразу заметила, что дядя с криком вышел из кабинета в приемную, где ждал Квота, и громко хлопнул дверью. Тут она поняла, что произошло. Она резко выпрямилась и стояла, прижав к груди, как веер, кучи папок. Что ей делать? Только смотреть на закрытую дверь, за которой Квота – интересно, слышал ли он их разговор? – попал сейчас в руки буйного сумасшедшего, как пророк Даниил в львиный ров.

– Боже мой, – прошептала она, – бедняга, его проглотят живьем...

В полном душевном смятении, неподвижно застывшую среди разбросанных по полу папок и застал ее Каписта, войдя в кабинет минутой спустя. Он услышал крики и, заподозрив, что причиной директорского гнева послужила его острота насчет бигуди, явился чуть

смущенный, с виноватым видом узнать, что такое происходит.

– Конечно, все это из-за вас, – заявила Флоранс. – А через минуту на вашей совести будет еще и убийство.

Она прислушалась. Каписта последовал ее примеру, но ничего не услышал. Убийство! Что она хочет этим сказать?

– Я знаю, я вел себя как последний мерзавец, но из этого еще не следует...

– В том состоянии, в которое вы привели дядю, – прервала Каписту Флоранс, – он вполне способен выкинуть его в окно.

– Кого это «его»? – в недоумении спросил Каписта.

– Вы не знаете. Посетителя.

Каписта облегченно вздохнул. Значит, все в порядке. Патрон изольет всю ярость на другого и, когда они встретятся, уже сменит гнев на милость. Но Флоранс по-прежнему не спускала с него мрачного взгляда.

– Я очень сожалею, – сказал он, чтобы умиротворить ее. – Искренне сожалею. Конечно, я перешел границы. Но поставьте себя на мое место: я из кожи вон лезу, лишь бы продлить существование этой паршивой лавочки, а вместо благодарности одни упреки...

Флоранс подняла руку, прося его замолчать. Из кабинета дяди, несмотря на две обитых двери и приемную, доносились возбужденные, нетерпеливые голоса, и, так как слов разобрать было нельзя, становилось еще страшнее.

– Ясно, при таком отношении руки опускаются, – продолжав Каписта, не обращая внимания на гул голосов. – К чему все наши усилия? В этой проклятой стране уже сейчас холодильников больше, чем жителей...

– Помолчите, – попросила Флоранс.

– ...И рано или поздно все равно придется прекратить их выпуск. Так почему же не сделать этого сразу? Зачем упорствовать?

– Да замолчите же вы наконец!

А там, в кабинете Бретта, голоса становились все громче. Теперь ясно слышался крик патрона, словно он хотел заставить замолчать своего противника. И вдруг, перекрывая голоса, раздались какие-то странные звуки: не то застрочил пулемет, не то заработала камнедробилка. Но скорее всего, это был грохот посуды, которую опрокинули на пол вместе со столом.

– Так и есть! – воскликнула Флоранс. – Так я и знала. Дядя делает из него котлету! О Каписта, умоляю вас, будьте миленьким, пойдите туда, я не смею.

Но Каписта не спешил выполнить эту просьбу, этот грохот его не тревожил. А ведь дело и впрямь могло кончиться дракой.

Однако шум внезапно прекратился. Наступила грозная тишина. Потом загрохотало с новой силой.

– Боже мой! – простонала Флоранс.

Тут Каписта решил. Неуверенным шагом он вышел в приемную – за ним следовала Флоранс. Но не успел он сделать и трех шагов по направлению к кабинету директора, как шум оборвался.

Дверь медленно открылась.

Застыв от изумления, Флоранс и Каписта увидели, как из своего кабинета быстрыми деловыми шажками вышел сам директор с сияющим детской радостью лицом. За ним на почтительном расстоянии следовал Квота со скромным видом.

Бретт нес в руках какой-то странный громоздкий предмет. Это было сложное сооружение из хромированных и белых пластмассовых деталей, отдаленно напоминавшее, если уже обязательно прибегать к сравнениям, силуэт крылатого коня, присевшего на задние ноги, – плод фантазии скульптора-сюрреалиста, страдающего гигантоманией и дурным вкусом.

Директор многозначительно подмигнул племяннице, поставил этот диковинный агрегат на край стола и, размотав электрический провод, воткнул вилку в розетку.

Приемная тут же наполнилась адским шумом, и Флоранс облегченно вздохнула.

– Боже мой, дядя, что это такое?

Ей приходилось кричать, чтобы ее услышали, но Бретт, не отвечая, повел с Квотой удивительный диалог, причем оба они орали во все горло.

– Я могу приобрести этот аппарат? – кричал Бретт.

– Что? Какой аппарат? – вопил Квота.

– Вот этот! – Бретт хлопнул рукой по аппарату.

– Я уже вам сказал, нет!

– Почему нет?

– Он уже продан!

– А когда я получу свой?

– Не беспокойтесь!

– На этой неделе?

– Чутьочку терпения. Для того чтобы сделать, нужно время.

– Что? Что?

– Я говорю: чу-то-чку тер-пе-ния!

Флоранс заткнула уши.

– Ради бога, – прокричала она, в свою очередь, – остановите эту гадость!

Бретт с неохотой нажал кнопку, и сразу наступило блаженство: так бывает, когда перестает болеть зуб...

– Послушайте-ка, – сказал Бретт уже нормальным голосом. – Нажмите, пожалуйста... У меня как раз в воскресенье к обеду будет несколько друзей...

– Сожалею, но это невозможно. Невозможно, чутьочку терпения, сеньор Бретт.

– Ну тогда к следующему воскресенью, а? Еще целых двенадцать дней... Надеюсь вы не скажете...

– Посмотрим. Не беспокойтесь. Я вас извещу.

Только тут Бретт, обернувшись, заметил, с каким удрученным видом его племянница и Каписта разглядывают этого нелепо скорчившегося Пегаса, который в тихом состоянии внушал, пожалуй, еще большую тревогу. Поначалу Бретт решил было, что их подавленность объясняется восторгом.

– Каково, а? Небось обалдели?

– Есть немного, – ответила Флоранс. – А что это такое? Бетономешалка?

Дядя даже в лице изменился.

– Да, догадливостью ты не блещешь, – возмущенно проговорил он. – Бетономешалка! Надеюсь, ты пошутила?

– Но что это на самом деле? – недоумевающе спросил Каписта. – Пневматический молот?

По выражению лица директора он уже понял, что дал промашку.

– Тогда, признаться, не представляю себе... Может, это насос для пива?

– А-а догадалась! – воскликнула Флоранс. – Это мотор к машине, которой вскрывают асфальт... Разве не так?

На Бретта больно было смотреть. Его сияющая физиономия постепенно вытягивалась, теряла первоначальное выражение самоуверенности.

– Вы действительно не понимаете, что это такое? – пробормотал он. – Ведь сразу же видно, что это...

Он осекся, очевидно, и сам почувствовал, что тут не все ладно, и, повернувшись к Квоте, который стоял неподвижно, с видом полнейшего безразличия, что особенно поражало Флоранс, обратился к нему за поддержкой:

– Хотя вы объясните им...

Квота неопределенно махнул рукой, словно говоря: «Если вам угодно, пожалуйста», и с легким поклоном сказал:

– Это крошкособиратель.

Наступило тягостное молчание. Его нарушил Каписта: склонившись над машиной, он вполголоса, как бы про себя, повторил:

– Крошкособиратель.

– Ну да, вы же сами видите, – с усилием пробормотал Бретт, – он собирает крошки.

Тут же с жалкой улыбкой, которая плохо скрывала его смущение, уточнил:

– Любые крошки, ну хотя бы от сыра, это же понятно.

И, окончательно растерявшись, добавил, показывая пальцами на машину:

– Хлебные крошки... после того как...

Голос его прервался, и Флоранс ласково спросила дядю:

– Но... куда же деваются крошки?

Бретт нервно приподнял то, что отдаленно напоминало круп коня, и ответил:

– Да вот, взгляни сама, через эту маленькую щель.

– А крупные? – спросила Флоранс еще более ласково.

– Крупные? – повторил Бретт.

Дядя бросил умоляющий взгляд на Квоту, который упорно держался так, словно все происходящее не имеет к нему ни малейшего отношения, но, не получив и от него поддержки, пролепетал:

– Ну и что ж, сначала нужно раскрошить помельче, тут ничего мудреного нет: раскрошить крошки.

– Да, – подтвердил Каписта. – Надо только придерживаться этого правила. Простите за нескромный вопрос, но позвольте узнать, во сколько вам обойдется этот, этот... крылатый конь?

Бретт широко раскрыл глаза и побледнел.

– Во сколько... – пробормотал он. – Хм, недорого, словом, не очень дорого.

– Во сколько же?

– Хм... по правде говоря...

– Как! – воскликнула Флоранс. – Вы купили его, даже не поинтересовавшись ценой?

– О цене мы пока еще не говорили, – вмешался Квота, и на его лице промелькнула неопределенная улыбка: – Двести песо. Плюс, естественно, налог на предметы роскоши.

Двести песо – почти девяносто долларов, то есть цена превосходного сапфира или золотых часов.

– Но это великолепная модель! – поспешил оправдаться Бретт. – Модель люкс!

Не говоря ни слова, Каписта оглядел поочередно Квоту, аппарат, своего директора. Затем медленно проговорил:

– Двести песо. Так. Хорошо. Великолепно. Раз так, сеньор директор, прошу прощения, но моя работа...

Он направился к двери. Бретт вытянул руки.

– Нет. Подождите, Каписта.

Голос его звучал тверже. Теперь и он озадаченно оглядел молчавшее чудовище и прошептал:

– Так... так... так... – потом поднял голову и, поморгав, спросил: – Скажите, Каписта... Хм... Только честно... Каково ваше мнение...

– Я вам скажу, дядя, каково наше мнение, – вмешалась Флоранс. – Такая цена! Такой шум! Такой вес! Такое уродство! И все это только для того, чтобы собирать крошки! Да еще при условии, если они совсем маленькие...

– Спасибо, – прервал ее дядя. – Я все понял!

Уставившись на сфинкса из пластмассы и хрома, он медленно тер себе лоб и задумчиво хмурил брови. Квота выступил вперед.

– Разрешите мне... – начал он.

– Сеньор, я разговариваю не с вами, – резко прервал его Бретт. Затем, как бы размышляя вслух, добавил: – И ты, и Каписта, да и я сам тоже просто не понимаю, как у меня могло возникнуть желание, хотя бы даже мимолетное, приобрести это дурацкое сооружение. А ведь и правда – вот что самое поразительное! – две минуты назад я умирал от желания поскорее получить это воющее чудовище.

– Неправда, – сказал Квота.

– Что? Как? Что неправда? Что именно...

– Вовсе вам не его хотелось приобрести, не этот аппарат, не в нем дело.

– Как, я не... Да вы что, издеваетесь надо мной?

– Вам хотелось одного: хотеть. И я пробудил в вас желание.

– Флоранс, – проговорил Бретт, и его голый череп порозовел, а потом стал перламутрово-белым. – Мне нехорошо. Я не знаю, в своем ли я уме.

– Но, насколько я понял, – продолжал Квота все тем же спокойным тоном, – этот аппарат вам понравился, и, если хотите, я расторгну наш договор...

Квота показал подписанный Бреттом заказ, и тот недоверчиво протянул к нему руку, но Квота продолжал:

– ...и могу вызвать у вас такое же желание приобрести другой аппарат, кстати не менее экстравагантный, дорогостоящий и никчемный, скажем, к примеру, сортировщика чечевицы, или машинку для стрижки ковров, или еще...

– Хватит, сеньор.

В мгновение ока щеки, затылок и лысина Бретта снова приобрели кирпичный цвет.

– Не знаю, – бросил он, яростно стиснув зубы, – не знаю почему, но вы просто издеваетесь надо мной. Да, я попался на удочку, не спорю. Сам не знаю, каким образом, но вы у меня буквально вытянули заказ на этот... могильный памятник. Отлично.

И вдруг его снова затопил гнев:

– Если вас не прельщает перспектива самому превратиться в крошкособиратель, настойчиво рекомендую вам тотчас же убраться прочь.

Но Квота (Флоранс испытывала чуть ли не восхищение от его хладнокровия) сохранял спокойствие, словно бык во время урагана.

– Вы только выслушайте меня... – начал было он. Из глотки Бретта вырвался вопль:

– А я вам говорю, убирайтесь отсюда! Каписта, будьте добры, выведите этого сеньора!

Но уже через минуту Самюэль Бретт понял, что гордиться собой ему нечего. В который уже раз не сдержал себя, вместо того чтобы запастись терпением и разобраться в происходившем. А чем больше он думал, тем более непонятной казалась ему вся эта история. Одно из двух: или Квота сумасшедший, или же за этим на первый взгляд довольно дурнотонным розыгрышем кроется какой-то смысл, какая-то тайная цель. Почему, думал Бретт, почему этот человек из всех жителей Хаварона и служащих «Фрижибокса» выбрал именно его – ведь он не желторотый птенец какой-нибудь, чтобы в его собственном кабинете всучить ему дурацкий крошкособиратель, который в лучшем случае может служить подпоркой для вьющихся растений? Мало того, что сама затея нелепа, так Квота еще выбрал самую неподходящую кандидатуру.

– По моему, ему было бы гораздо проще, – сказал Бретт племяннице, – сыграть эту шутку с тобой, например, ведь ты то и дело притаскиваешь в дом всякие древние черепки, которыми уж наверняка гораздо легче собирать крошки...

Но Флоранс, которую обычно ничего не стоило рассмешить, на сей раз не приняла дядину шутку. Она сердилась на дядю за эту глупейшую сцену и досадовала на себя за то, что разрешила Квоте прийти к нему. Бретт и впрямь упрекнул ее за это. Впрочем, и себя он упрекал задним числом в несдержанности. В последующие два дня все эти переплетения чувств сильно осложнили отношения между дядей и племянницей. Каждую свободную от работы минуту они проводили во взаимных упреках, высказывали туманные догадки по поводу Квоты. Трудно сказать, сколько бы длилось это положение, если бы к концу второго дня вдруг не открылась дверь и в кабинет Бретта быстрыми, деловыми шажками, с сияющей по-детски физиономией не вошел собственной персоной председатель, да, да, сам сеньор председатель правления «Фрижибокса», тот самый «старый краб», который обозвал Самюэля Бретта мальчишкой. Он держал в руках странный аппарат из хрома и белой пластмассы, на первый взгляд напоминавший уже не крылатого коня, а гигантского скорпиона. На почтительном расстоянии за председателем скромно следовал Квота.

Еще минуту назад Самюэль Бретт с племянницей обменивались колкими упреками. Но это зрелище, от которого они сначала оцепенели, вновь объединило их, вызвав в их душах бурю ликования и неумеренного веселья.

– Но почему не этот? – спрашивал председатель, подыскивая место, куда бы водрузить свою ношу.

– Этот уже продан, – ответил Квота.

– А когда я получу свой? На этой неделе?

– Нет, чуточку терпения. Для того чтобы его сделать, нужно время.

– Тогда на следующей? Скажите, значит, к следующему воскресенью? Я как раз жду к обеду кое-кого из друзей.

– Посмотрим. Не беспокойтесь. Я вас извещу.

Во время разговора председатель нервно искал штепсельную розетку.

– Ни у кого не найдется в долг яичного желтка? – взволнованно спросил он. – И немножко горчицы. Как включается аппарат? – обернулся он к Квоте.

– Я вижу, дорогой сеньор председатель, вы принесли великолепную машину, – весело заметил Бретт.

– Не правда ли? – отозвался председатель. – Я пришел показать ее вам. Замечательная, верно?

– Да. Только что это такое? Мусоропровод?

– Вот уж догадливый, – возмущенно бросил председатель и даже в лице изменился.

– Мойщик бутылок? Вантус для прочистки ванны? – весело выдвигала предположения Флоранс.

– Вы что, смеетесь? – закричал председатель, бросив на нее сердитый взгляд, в котором, однако, уже проскользнуло сомнение.

– Что же это в таком случае?

Квота, как в первый раз, поклонившись, ответил:

– Майонезовосстановитель.

Через несколько минут после подсчетов, сделанных безжалостным Бреттом в явно издевательском тоне, председатель вынужден был признать, что при такой цене, – а раньше он даже не поинтересовался ею, – аппарат окупится лишь через год, да и то при условии, если заново сбивать свернувшийся майонез каждый день с утра до вечера, причем стоимость ложки майонеза будет равна стоимости коробки сигар, и удалится с оскорбленно-брезгливым видом.

– Сеньор Квота, – сказал Бретт, – в прошлый раз я был неправ, обойдясь с вами столь нелюбезно. Простите мне мою несдержанность. Приношу вам свои глубочайшие извинения и благодарю вас за то, что вы снова пришли к нам. Не буду спрашивать, как вам удалось проникнуть к председателю...

– Я стал акционером, – сказал Квота.

– «Фрижибокса»?

– Но ведь для вас не секрет, что на бирже ваши акции можно купить по цене, как бы сказать помягче, более чем сходной...

– Это не существенно, – поспешно прервал его Бретт. – Вы знаете, сеньор Квота, в вас есть что-то такое, что меня заинтересовало. И даже, пожалуй, озадачило. Я имею в виду вашу способность подчинять людей своей воле... Может быть... вы обладаете какой-то магнетической силой...

– К сожалению, нет, – ответил Квота. – Нет, я не сплю на гвоздях и не питаюсь толченым стеклом. Любой может достичь тех же результатов, что и я, – просто добавил он.

– Любой? – хором воскликнули дядя и племянница.

– Да, любой, в любое время и в любом месте точно также продал бы вам любую вещь.

Странное дело, но Бретта бросило разом и в жар и в холод.

– Прощу вас, сеньор Квота, – начал он, – скажите откровенно, почему вы пришли к нам, к нашему председателю и ко мне? Почему именно к нам?

– Это чистая случайность.

– Вы бывали и у других?

– Конечно. И всюду я...

– Знаю, знаю, – нетерпеливо перебил его Бретт. – Всюду добивались такого же успеха...

– Отнюдь нет. – Квота улыбнулся. – Меня выставляли вон, не дав даже раскрыть рта.

– Как мило! – заметил Бретт, задетый за живое. – Иными словами, я оказался глупее других?

– Нет. Просто после всех моих неудач меня осенила идея, и я создал эти три жемчужины

современного гения, – объяснил Квота, указывая на восстановитель майонеза и на стоящий на камине крошкособиратель.

– Две, – поправил Бретт.

– Три, – возразил Квота. – Разве Каписта вам ничего не рассказал?

– Да, кстати, куда это он запропастился? Я не видел его с тех пор...

– Ему, вероятно, не по себе: в тот день перед уходом я всучил ему один из моих аппаратов.

– Ему?!

– Так, пустячок, – скромно ответил Квота. – Жемчугонанизыватель.

Флоранс в полном упоении захлопала в ладоши и рассмеялась. Каписте! Их коммерческому директору! Ведь ему же было поручено вывести Квоту!

Она распахнула дверь и сквозь смех крикнула:

– Каписта! – Потом, повернувшись к Квоте, который стоял все с тем же флегматичным видом, кинула на него восторженный взгляд. Да, значит, она не ошиблась, она действительно напала на феникса. Правда, она еще не могла понять, что он такое замыслил, но уже не сомневалась, что в голове у него таятся столь же поразительные проекты, как и он сам.

Бретт тоже изумленно уставился на Квоту.

– Но зачем вам все это? – спросил он наконец. – Объясните же мне, ради бога.

– Чтобы заставить себя выслушать.

– Да я же только это и делаю!

– Сегодня. Не спорю. А позавчера? Когда вы и так были в отвратительном настроении, а тут еще вас ожидал какой-то незнакомец. Если бы я тогда напрямик сказал вам: «Я пришел, чтобы перестроить полностью работу вашей торговой фирмы», разве вы стали бы меня слушать? Вы бы обратились в полицию!

Бретт потер себе нос. Открылась дверь, и на пороге появился Каписта.

– Вы меня звали, сеньорита?

Заметив Квоту, он весь залился краской.

– Ну как, Каписта, пересчитали весь свой жемчуг? – спросил Бретт.

– И это говорите вы, владелец крошкособирателя! – раздраженно отпарировал Каписта.

– Простите, старина, но я тогда еще ничего не знал. Ну, ладно, ладно, Каписта, отнеситесь к этому проще. Берите пример с меня, я уже нахожу это забавным, даже очень забавным. Итак, сеньор Квота, что же вы хотите от нас? Чего добиваетесь?

Квота серьезно посмотрел ему прямо в глаза:

– Мне нужна, сеньор директор, первоклассная фирма, а к числу их можно, безусловно, отнести вашу...

Квота подождал, пока Самюэль Бретт ответил ему улыбкой, и продолжал:

– ...где – и это сразу бросается в глаза – никто ничего не смыслит в торговле.

– Ну, знаете!

Флоранс, Бретт и Каписта не сразу поняли, что это камень в их огород.

– Вы на ложном пути, сеньоры, и вы, сеньорита, тоже, – сказал Квота, жестом руки успокаивая их.

Он бросил быстрый взгляд на обшарпанные обои, на ветхую мебель и продолжал:

– Я знаю, что ваша фирма одна из лучших в стране... среди ей подобных... знаю, что

ваши успехи, скажем прямо, весьма недурны по сравнению с другими...

– Так в чем же тогда дело? – спросил Бретт.

– А в том, что все это печально, – ответил Квота. – Весьма печально.

Он вздохнул.

– Весьма печально, что ваши конкуренты докатились до того, что завидуют вашим жалким успехам. Что они строят против вас козни, лишь бы отбить вашу мизерную клиентуру, которая и состоит-то из трех плешивых да двух стриженных. Вот что по мнению этих уважаемых фирм называется торговлей. В том числе и по мнению вашего достойного коммерческого директора, здесь присутствующего.

– А вы попробуйте-ка хоть этого добиться, – огрызнулся Каписта.

– Боже мой, почему бы и не попробовать? Ведь это же мне не снится, – сказал Квота, показывая на свои аппараты, – вы трое – я имею в виду вас двоих и председателя – единственные владельцы после господ бога этих изумительных созданий Техники Новейшего Времени. И если вы, Каписта, не способны распродать все ваши великолепные агрегаты, предмет вожделения всех домашних хозяек, то хотел бы я видеть, как бы вы продали им крошкособиратель, годный лишь на то, чтобы обеспечить своему хозяину штраф за нарушение общественной тишины в ночное время, или жемчугонанизыватель, который нельзя приспособить даже в качестве шампура для шашлыков. Скорее это я должен сказать вам: попробуйте добиться этого.

Каписта побледнел, потом покраснел и возмущенно возразил:

– Но это же жульничество, плутовство, фокусы, а серьезная фирма так торговать не может. Мы не нуждаемся ни в фокусниках, ни в мошенниках. Нам не это нужно.

– Неужели? – сказал Квота. – А что же, по-вашему, нужно такой солидной фирме?

– Опыт, – отрезал Каписта. – И коммерческий нюх.

– И разумеется, природа щедро вас ими одарила.

– Справьтесь у директора.

– Каким нюхом: продавца или покупателя? – сладким голосом спросил Квота.

Наступило неловкое молчание.

– Если вам, – безжалостно продолжал Квота, – настолько не известны тайные пружины покупателя, что вы не способны разобраться даже в себе самом, то как же вы можете нажать нужную пружину у клиента?

Квота повернулся к Бретту:

– Сеньор директор, мой крошкособиратель просто-напросто шутка. Но способ, к которому я прибегаю, чтобы продать его вам, – это уже другое дело. Это дело серьезное. Давайте разберемся во всем по порядку. Я изучил все ваши статистические данные...

– Каким образом? Где? – взревел Бретт. – Вы не имели права...

– У вашего председателя. Очаровательный человек, при нужном подходе его голыми руками можно взять. У вас великолепный статистический отдел. Добросовестный, дельный. Вы иногда просматриваете их данные?

– Конечно, но...

– И вас не поражает...

– Что именно?

– Сеньор директор, вы знаете, к примеру, сколько человек ежедневно проходит мимо ваших витрин?

– Хм... Собственно говоря...

– Сколько останавливается и смотрит на витрины? Сколько проходит мимо? Сколько заходит в ваши магазины? Сколько покупает? Разрешите напомнить вам хотя бы в общих чертах. Мимо ваших магазинов ежедневно проходит от шести до восьми тысяч человек в зависимости от времени года. Один из пяти останавливается, то есть от тысячи до полутора тысяч человек. Пропорция неплохая.

– Наши витрины очень хорошо оформлены, – скромно, но не без тщеславия заметил Бретт.

– К сожалению, из тех, кто останавливается, только один из восьми, даже меньше, переступает порог вашего магазина. А из тех, кто все-таки входит, делает заказ на холодильник даже не каждый четвертый. В зависимости от дня недели вы ежедневно продаете двадцать – тридцать агрегатов.

– Я не хочу защищать Каписту, но по сравнению с нашими конкурентами это вполне приличная цифра. У Спитероса, например, продается не более шестнадцати. К концу года наш торговый оборот, несмотря ни на что, достигает достаточно солидной цифры. Немного меньше десяти миллионов песо. Пять миллионов долларов.

– Вот об этом-то я и говорю. Разве это не печально?

Бретт молча выслушал этот упрек. Каписта нервно покусывал губы. У Флоранс заблестели глаза.

– Но у наших конкурентов, – снова завел Бретт, – например у Спитероса...

Квота жестом отмел это возражение.

– Лучше о нем вообще не говорить. Вернемся к вашим делам. Итак, двадцать покупателей на тысячу – полторы любопытных, которые останавливаются у ваших витрин. Сколько получается? Полтора процента. А что вы скажете, сеньор Бретт, если я доведу эту жалкую цифру до... Ну, скажем, до двадцати процентов! А количество холодильников, продаваемых за день, с двадцати пяти увеличится до трехсот. А ваш торговый оборот – с десяти миллионов до ста пятидесяти миллионов песо?

– Скажу, что вы смеетесь надо мной, – сухо отрезал Бретт, которого задело беззастенчивое бахвальство Квоты.

– А если до пятидесяти процентов, а? – сказал Квота.

И, не давая Бретту вставить слово, вдохновенно продолжал:

– А если до шестидесяти? До семидесяти, семидесяти пяти? А если я доведу продажу холодильников до шестисот, восьмисот, до тысячи и более в день? Ваш торговый оборот...

Бретт раздраженно попытался прервать его:

– Ну, знаете, даже самые остроумные шутки...

Квота фамильярно положил руки ему на плечи и сказал:

– Дорогой сеньор Бретт, вы же сами были свидетелем моих опытов. Я сделал три попытки, и все три увенчались успехом. Следовательно, сто процентов успеха. А ведь я имел дело с людьми, искушенными в торговле, не так ли? И то, что я вам продал по баснословной цене, стоило не дороже билета в метро. Но если вы все еще сомневаетесь, пригласите кого угодно – продавцов, машинисток, счетоводов, инженеров и даже старых пройдох, членов вашего правления. Хотите пари?

– Какое еще пари? – растерянно спросил Бретт.

– Что каждому из них я продам по крошкособирателю. Или по вашему холодильнику. Каждому без исключения! Хотя я не обладаю таким опытом, как наш чудодей Каписта. Отнюдь. В крупном торговом деле я новичок. И до самых последних дней я никуда не

уезжал из штата Оклахома, точнее, из Камлупи, мало того, я даже не покидал стен нашего городского колледжа.

– О, так вы преподаватель? – обрадовалась Флоранс.

– Вот оно что... – удивленно и разочарованно протянул Бретт.

– А-а, все ясно! Интеллигент! – враждебно и презрительно буркнул Каписта.

Квота, даже не повернув головы, обвел глазами всех троих, и Флоранс прочла в его взгляде холодную иронию.

– Преподаватель? – усмехнулся он. – Если хотите, да... Но если говорить начистоту, то, поскольку на философском отделении колледжа Камлупи нет ни одного ученика, начальство решило, что можно обойтись – так оно будет дешевле – человеком, не имеющим специального образования. А как вы знаете, в Америке дипломов не требуется. Вот начальство и подумало обо мне, так как я уже работал в колледже, развивал, так сказать, вкус у детишек.

– Вы преподавали основы искусства? – спросила Флоранс.

– Нет, я продавал им конфеты «рудуду» во время перемен. Но я человек добросовестный. И я стал изучать свой предмет на тот случай, если вдруг появится ученик и мне придется с ним заниматься. Вот тут-то я и сделал одно ценное открытие, которое, это я понял сразу же, принесет огромную пользу в моей коммерческой деятельности.

– Вы изучали экономику?

– Нет, психологию. И действительно, продажа «рудуду» вскоре выросла настолько, что запасы их быстро иссякли и мне пришлось в течение целой недели продавать их по талонам. Но тут у меня зародились иные замыслы.

– Так что это все же такое? – жадно спросил Бретт.

– Мои замыслы?

– Нет, что вы открыли?

Бретт заметно оживился, Флоранс посмотрела на него: он, милый ее чудак, был готов всему поверить. И, сама не понимая почему, она обрадовалась в душе.

– Колумбово яйцо! – сказал Квота. – Просто надо было об этом подумать, только и всего. Типичным преподавательским жестом он слегка подтянул рукава.

– Кто не знает, – продолжал он, – что поведение самых различных людей определяют одни и те же постоянно действующие факторы. «Не схожи люди в своих поступках, но как согласны в том, что скрывают». Вам знакомы эти замечательные слова французского поэта Поля Валери. Вот они-то и легли в основу моей системы торговли.

– Простите...

– Я говорю, – повторил Квота, – что это положение легло в основу моей системы торговли. Вернее, два универсальных психологических фактора, первый из коих...

В глазах Бретта да и Каписты тоже он прочел уже знакомое ему недоверие: все это, мол, болтовня неуча с последней парты.

– Сейчас я вам все объясню наглядно, – продолжал он, улыбнувшись. – Вам, конечно, известна игра, построенная на том, что у присутствующих спрашивают, что такое, ну, к примеру, винтовая лестница. Скажите мне, сеньоры, и вы, сеньорита, что такое винтовая лестница?

– Это лестница, которая, – начал Бретт, – лестница, которую... одним словом, лестница... ну, такая. – Он вслед за своей племянницей и Капистой начертил в воздухе

некое подобие штопора.

– Очень хорошо, – одобрил Квота. – Какое единодушие! А теперь скажите мне, что такое компактное вещество?

– Ну, это...

И Флоранс, и ее дядя, и Каписта сделали одно и то же движение: согнутыми пальцами они словно бы мяли какую-то упругую массу. Но тут же они рассмеялись.

– Великолепно, – сказал Квота. – А коловорот?

Теперь, уже не колеблясь, они дружно закрутили несуществующую рукоятку.

– Отлично. А велосипедный насос?

В ответ все трое начали одинаковым движением накачивать невидимую шину.

– Браво. А бигуди?

Все трое подняли было руки к голове, но тут же остановились, а лысина Бретта побагровела.

– Я не хотел никого обидеть, – проговорил Квота. – Но уже на этих примерах вы смогли убедиться в силе общих рефлексов. Вот, например, если я сейчас покажу пальцем на несуществующее пятно на галстучке нашего славного Каписты...

Каписта инстинктивно опустил голову. Квота указательным пальцем поднял его подбородок.

– ...он опустит голову, чтобы проверить. Или если вам, сеньор Бретт, я дружески протяну руку...

Бретт тут же машинально протянул ему свою, но Квота намеренно не взял ее, и она нелепо повисла в воздухе.

– ...то вы обязательно протянете мне свою. А если другой рукой я неожиданно сделаю вот такое движение... – Он осторожно положил руку на спину Флоранс, девушка рывком отстранилась и вскрикнула.

– ...получится желаемый эффект. Вот это я и называю психологическими рефлексами. Они настолько автоматичны, что если даже я сразу повторю...

На сей раз он ткнул пальцем в жилет Бретта, и директор, не удержавшись, проследил взглядом движение пальца. Квота привел его голову в нормальное положение.

– ...все равно реакция, как видите, такая же, хотя вы уже предупреждены. А если я вам сейчас сообщу, дорогой Бретт, что вы рогоносец и, кроме вас, всем это известно...

Бретт покраснел как вареный рак.

– Как? Что? – прорычал он.

Схватив Квоту за пиджак, он, задыхаясь, крикнул:

– Что вы сказали? Немедленно повторите, иначе я вас...

– Успокойтесь, успокойтесь, – мягко остановил его Квота. – Вы не рогоносец. Во всяком случае, насколько мне известно. Кстати, разве вы женаты?

– Не женат, – растерянно ответил Бретт.

– Вот видите. Извините меня за пошлость, но по этому опыту вы можете судить о внутренней буре, которую вызывает у человека обычное слово, если умело нажать на нужную пружинку. А подобных пружинок сотни, тысячи. Но кто пускает их в ход? Никто. А я решил ими воспользоваться, вот в этом-то и заключается мое открытие.

Он удовлетворенным взглядом обвел своих явно ошеломленных слушателей.

– Все эти пружины, все эти рефлексy я взял на учет. Много месяцев я их классифицировал, отбросил бесполезные для дела, а остальные распределил, так сказать, по

тональности, как на клавиатуре рояля. Понимаете? Таким образом, подобно тому, как каждой клавише соответствует одна, и только одна, нота, так каждой пружине соответствует один, и только один, рефлекс...

Квота провел ладонью по спине Каписты, и тот, вздрогнув, подобрал зад.

– Вы что это!

– Не пугайтесь, это просто эксперимент. Я лишь хочу вам доказать, что вы можете безошибочно вызвать нужный рефлекс, нажав определенную пружину, – так же как под вашим пальцем прозвучит до или соль-бемоль или фа-диез в зависимости от того, по какой клавише вы ударите.

Квота поправил манжеты.

– Итак, первый универсальный постоянный фактор – рефлексы. Теперь обратимся ко второму. Когда вы, сеньоры, и вы, сеньорита, прогуливаетесь по улицам и смотрите на витрины магазинов, зачем вы разглядываете выставленный в них товар?

– Очевидно, чтобы посмотреть, нет ли там того, что мне нужно, – немного подумав, ответил Бретт.

– Единица, – сказал Квота.

– Чтобы рассмотреть качество товара, – почти одновременно с Бреттом сказал Каписта.

– Единица, – бросил Квота сухо, как истый преподаватель. – А вы, сеньорита Флоранс?

– Посмотреть, нет ли там какой-нибудь вещи, которая мне понравится, – не колеблясь, ответила Флоранс.

– Bravo! – одобрил Квота. – Пятерка с плюсом. Какой-нибудь вещи, которая вызвала бы у вас желание приобрести ее, – уточнил он, выделив голосом последние слова, и, снова поправив манжеты, продолжал:

– Ибо, сеньоры, страсть к приобретению, обладанию, страсть, которая передается и усиливается из поколения в поколение в течение тысячелетий, – чисто абстрактная потребность, предвещающая, дорогой мой Бретт, сам объект, – так потребность любить возникает до самой любви. Женщина, которую вы потом встретите и полюбите, – лишь объект, на который изливается эта страсть. Вещь, которую вы увидите в витрине и которая вам понравится, – тоже лишь объект. Первый – для постели, второй – для приобретения. В том числе и крошкособиратель. Если вы можете обладать женщиной, но не обладаете – вы подавляете свое желание. Если вы можете приобрести вещь и не приобретаете ее – вы подавляете свое желание. Похоже, что одна из самых устойчивых маний человека – это прежде всего подавлять свои желания. Не скрою, Фрейд заметил это еще до меня. Скажите, дорогой мой Бретт, чем иначе объяснить поведение той тысячи любопытных, – в голосе Квоты внезапно прозвучали настойчивые нотки, – которые в отличие от остальных прохожих изо дня в день останавливаются у ваших витрин? Только более или менее определившимся желанием приобрести холодильник. Но почему, если им этого хочется, девяносто девять процентов, судя по вашей же статистике, уходят, подавив свои желания? Утверждаю, бедный мой Каписта, что объяснение здесь может быть только одно – вы не сумели их удержать. Больше того, вы не помогли им решиться на покупку. Так вот я считаю, что помочь им принять решение – дело наше, и только наше, дорогой Бретт. Мы должны заставить их сделать это немедленно. Немедленно и каждого! И тот жалкий один процент, который решается на покупку самостоятельно, и прочие девяносто девять процентов, которые по той или иной причине подавляют в себе желание и уходят! Вы меня поняли? Всех! Бедных, богатых, за наличные, в кредит, но только всех без исключения! Каким

образом? Не давая им подавить свое желание! Извлекать его из них, как извлекают акушерскими щипцами ребенка. Как извлекают улитку из скорлупы. Каким способом? Помогая им освободиться от сомнений, – Квота, ткнув пальцем в жилет Каписты, заставил его нагнуть голову и тут же поднял ее, – пустив в ход психологические рефлексy.

Закончив лекцию, Квота вытер платком руки, словно он писал свои доказательства мелом на доске. Затем устремил на неподвижно стоявшего Бретта безмятежный, но в то же время решительный и требовательный взгляд. У директора даже губы задрожали.

– Если я вас правильно понял, дорогой мой Квота... – наконец глухо выдавил он.

– Надеюсь, поняли, – холодно бросил тот, аккуратно складывая платок.

– Вы считаете, вы действительно считаете, что те пятьсот, та тысяча, а иногда полторы тысячи зевак, которые каждый день слоняются перед нашими витринами, окидывая их ленивым взглядом, в котором не прочтешь ничего, кроме решения НЕ покупать, по крайней мере не покупать, пока все обстоятельно не будет взвешено вместе с женой, все «за» и «против», подсчитаны сбережения, получены советы от друзей и знакомых, и считаете, что даже самые лучшие из потенциальных покупателей все равно колеблются, не зная, какую марку холодильника выбрать из десяти – двенадцати примерно одинаковых по качеству, не говоря уже о том, что большинство любопытных проходят мимо наших витрин совершенно случайно, не известно почему останавливаются и оглядывают наши модели скорее критическим, чем заинтересованным, оком, иногда даже с единственной целью убедиться, что их холодильник намного лучше наших, – так вот, вы считаете, что всех этих людей, всех этих зевак, которых ничем не соблазнишь, этих перелетных птиц, что пугливее ласточек, мы можем удержать, завлечь в магазин, убедить и продать каждому из них – причем сразу же – один из наших агрегатов?

Бретт залпом выложил все эти соображения и остановился, чтобы перевести дух. Квота ни на секунду не спускал с него глаз. Он улыбнулся и, пряча платок в карман, сказал:

– Именно так, дорогой директор.

– Всем? – переспросил Бретт, еще не отдышавшись. – Всем, без исключения? Не упустив ни одного?

– Разве у свиньи, которую привели на чикагскую бойню, есть хоть один шанс выбраться оттуда живой и невредимой? – спокойно спросил Квота.

Этот образ показался Бретту столь убедительным, что он уже сдался.

– Дорогой мой Квота, – сказал он, пытаясь скрыть охвативший его восторг, – но как, находясь в несколько необычной обстановке... будучи преподавателем без учеников колледжа Камлупи, вы сумели постичь проблемы, которые неизбежно стоят перед любой крупной торговой фирмой?

– А я и не постиг, – кратко, словно уронил камешек в воду, ответил Квота. – Совсем не постиг.

Он улыбался. Каписта, не удержавшись, с удовлетворением потер руки и пробормотал:

– Ага, то-то и оно.

Флоранс нахмурилась, а Бретт побледнел. Он даже почувствовал слабость в ногах и сел.

– А какое, черт побери, это имеет значение? – спросил Квота, глядя на него с усмешкой. – Вы, дорогой Бретт, превосходный директор. В этом никто не сомневается. Но чем практически вы руководите? Легионом продавцов, взводом машинисток, батальоном кладовщиков, ротой счетоводов и армией финансовых затруднений и конфликтов с налоговыми инспекторами. И вы справляетесь со своими обязанностями наилучшим образом, это все признают, и в первую очередь я. У меня и в мыслях не было вмешиваться в

ваши дела, тем более что лично меня бигуди никогда особенно не интересовали. Но это, дорогой друг, лишь одна часть уравнения.

Квота подошел к окну.

– Вторая же его часть находится вне этих стен. Она там, внизу, на улице, в автобусе, в театрах, в кино, у себя дома, сидит и читает книгу или газеты. Она независима, непокорна и гордится своим правом свободного выбора. Она, как вы правильно отметили, глядит на ваши витрины и рекламы скорее критическим оком, чем любопытным. Так вот, этой частью уравнения, от которой преуспевание вашей фирмы зависит еще в большей степени, чем от первой его части, как вы ею управляете, сеньор директор?

– Но... – растерянно пробормотал Бретт, – как же, по-вашему... как... ведь не могу же я ею управлять!

– Именно об этом я и говорю: вы бросаете ее на произвол судьбы, – вдруг взорвался Квота. – Даже с теми, что сами чуть ли не кидаются вам в объятия, как вы с ними действуете? Вы полагаетесь либо на случай, либо на пресловутое чутье каких-то простофиль – я говорю не о вас, Каписта? – повернулся он к коммерческому директору, который раскрыл было рот и тут же, чмокнув губами, закрыл его. – Но я, сеньоры, придерживаюсь иной точки зрения, – энергично продолжал Квота. – Я вовсе не считаю неуловимым этот поток, о котором вы говорите в столь презрительном тоне. Мало того, сидя в унылых стенах колледжа Камлупи, я научился их понимать. Изучил тайный механизм, который с коммерческой точки зрения на редкость прост и хитроумен. Самый тупой из ваших продавцов сумеет под моим руководством привести в действие этот механизм, нажимая на клавиши моей клавиатуры психологических рефлексов, как ребенок нажимает на клавиши рояля, разучивая гаммы. И впредь каждый прохожий, убежденный в своем праве свободного выбора, остановившись у вашей витрины, будет немедленно и автоматически, сам того не заметив, с помощью рефлексов, постепенно приводимых в действие, вовлечен в замкнутый круг, откуда ему не вырваться. Клавиша за клавишей, нота за нотой... – подчеркнул Квота, медленно и широко взмахнув руками, словно он дирижировал оркестром, исполняющим увертюру к «Тангейзеру», – такт за тактом... продавец будет следовать партитуре просто и точно, как хорошо затверженному уроку. И вы увидите, как желание этого случайного прохожего, вначале неясное, расплывчатое... при помощи клавишей, нажимать на которые дело немудреное и чисто механическое, будет постепенно доведено до такой степени концентрации... до такой температуры... до такого необузданного неистовства, что он скорее убьет отца и мать, чем откажется от предмета своих вожделений.

Квота вдруг повернулся к Каписте и громко, голосом обвинителя; спросил его:

– В какой именно момент, сеньор Каписта, вы протягиваете клиенту ручку для того, чтобы он подписал заказ?

– Когда он об этом попросит, – удивленно ответил Каписта.

– Поздно! – воскликнул Квота. – В девяти случаях из десяти – слишком поздно! Знайте же, что ручка должна быть вложена в нетерпеливые пальцы клиента в тот самый момент, когда его желание, достигнув кульминации, нуждается в разрядке – в сладостной спазме подписи. Ни на секунду раньше – иначе клиент сразу очнется, но и не позже, потому что желание перегорит: и в том и в другом случае клиент приходит в себя, начинает осознавать опасность, понимать, что на него оказывают давление, отбрыкиваться и бесповоротно ускользает от нас. Но в тот короткий миг, когда страсть к приобретению достигает высшего накала, тогда даже землетрясение ему нипочем и он подпишет все что угодно. И вот тут-то,

друзья мои, с ним происходит удивительная метаморфоза, – продолжал Квота, понизив тон. – Этот неуловимый аноним, этот высокомерный незнакомец, который только что третировал продавца с холодным презрением и, кстати, действительно в течение многих лет прекрасно обходился без вашего холодильника... или без моего крошкособиателя и всего пять минут назад, казалось, был твердо намерен обходиться без него еще многие годы, а может, и всю жизнь, теперь, поставив свою подпись, вдруг начинает мучиться при мысли, что ему придется жить без него, пусть даже всего один день. Его без остатка сдает страсть. Покупатель и продавец обменялись ролями. Теперь уже умоляет покупатель, а продавец говорит с ним надменно и холодно: «Терпение, терпение, – твердит он, – ведь для того чтобы его сделать, нужно время...» «Я вас прошу, я вас очень прошу, – молит покупатель, – у меня в воскресенье обедают друзья...» «Не беспокойтесь, – отвечает продавец. – Чутьочку терпения, и все будет в порядке. Я вас извещу». – И он потихоньку выпроваживает покупателя за дверь, расчищая таким образом путь для следующего. Для сотни, двухсот, пятисот следующих покупателей. Ибо отныне ему дорога каждая минута. И эта сцена повторяется ежедневно по сто, по двести, по пятьсот раз. Отойдет в область преданий то удручающее зрелище, когда люди слонялись взад и вперед, входили и выходили, когда им вздумается. Нет больше колеблющихся, которые переходят из магазина в магазин с наглым убеждением, что их решение зависит лишь от них самих. Нет больше тех, кто смотрит, критикует, взвешивает, рассуждает, кто тормозит торговлю своей врожденной нерешительностью, своим бесстыдным правом свободного выбора. Вместо них стройными рядами идет послушная армия. Вместо чего-то бесформенного, вялого, расплывчатого и ускользящего, что вы именуете клиентурой, – благородная колонна безропотных покупателей. Вместо глупой суетни мух, попавших в бутылку, бесконечные, грандиозные, стройные ряды клиентов, марширующих как на параде.

Последние слова Квота произнес, напряженно вытянувшись на цыпочках, выкинув вперед обе руки, и в глазах его загорелся фанатический блеск. Бретт от волнения вскочил с кресла.

– Да вы понимаете, дорогой Квота, что вы говорите? – воскликнул он. – Вы знаете, что это значит?

– Конечно, – ответил Квота, спокойно опускаясь на пятки.

– Если ваши слова окажутся правдой, это означает, что во всей структуре нашей фирмы произойдут неслыханные перемены. И что вместо двух-трех десятков холодильников мы начнем продавать около тысячи?

Квота некоторое время молчал, устремив на него свои черные глаза, неподвижные глаза не то ясновидящего, не то пророка.

– А для чего же, по-вашему, я нахожусь здесь? – начал он глухим голосом, который постепенно становился все звучнее, все раскатистее. – Для чего же я, по-вашему, в течение многих лет молча готовился к этой минуте? Променил свое место преподавателя философии в колледже Камлупи, возможно, и не блестящее, зато прочное, достойное уважения, на какую-то ненадежную и рискованную авантюру? Уж не воображаете ли вы, что все это ради того, чтобы дать вам возможность сохранить нетронутым престиж директорской лысины? Уж не думаете ли вы, что мое честолюбие ограничится тем, что я займу при вас место нашего милого Каписты? Что все мои стремления будут удовлетворены, когда мне удастся увеличить ваши доходы в два, или десять раз, или даже в сто? Неужели вы воображаете, что я, при моем уме, удовлетворюсь рамками вашей фирмы? Что я соглашусь на веки веков, изо

дня в день решать жалкую проблему сбыта бог его знает какого завала холодильников? Когда я взвешиваю, когда я подвожу итоги, когда я охватываю умом весь огромный урон, какой приносят вашей стране – да что я говорю приносят всему миру! – миллионы подавленных желаний, нераскрывшихся бумажников, я прихожу в ужас. А ведь это в моей власти, я знаю способ заставить бумажники раскрыться, и тогда во все страны, на все континенты хлынет поток неисчислимых богатств.

Внезапно в его голосе послышались теплые убедительные нотки и он, склонившись к бледному и замороженному Бретту, сказал:

– И вот вам, мой друг, мой дражайший друг, не кажется ли вам самому мысль о том, что можно удвоить цифру нашего любезного Каписты, мысль которую вы еще недавно находили весьма соблазнительной, не кажется ли она вам сейчас бесперспективной, убогой?

– Да, – пролепетал Бретт, облизывая пересохшие губы.

– Теперь, когда у вас наконец открылись глаза, разве вы не видите сами, насколько перспектива до конца своих дней бороться за то, чтобы продать в год на несколько аппаратов больше или меньше, насколько она безрадостна и мерзка?

– Да, – прошелестел Бретт.

– И разве стены вашего кабинета, да и не только эти облупившиеся стены, но и все – и дом, и магазины, и филиалы, – разве не показались вам вдруг тесными, жалкими?

– Да, – согласился Бретт беззвучным голосом.

– А если я вам сейчас скажу: я шутил, я уезжаю в свой дорогой колледж преподавать философию и у вас все останется по-прежнему, снова потекут серые однообразные дни, – разве не почувствуете вы всей душой острого разочарования?

– О да! – воскликнул Бретт.

– Значит, – торопливо заключил Квота, – вы решились? Мы начинаем, мы идем на этот эксперимент?

– Да, – крикнул Бретт, возбужденно подсакивая в кресле. – Да, да и еще раз да! Какие могут быть колебания? Ведь сам Каписта – о чудо! – побледнел и замер, лишился дара речи. Если даже у моей осторожной племянницы блестят глаза, словно она присутствует на собственной свадьбе! Дорогой Квота, – голос Бретта дрогнув, – не знаю, чему будут свидетелями стены этого кабинета через несколько месяцев – может, радостных слез и объятий, а может, криков отчаяния. Не знаю, не знаю... Знаю одно – сейчас, и немедленно...

– В таком случае распишитесь здесь, – сказал Квота и придвинул Бретту бумагу и ручку.

– Что это? – пробормотал Бретт, захваченный врасплох в этот миг высшего упоения.

– Временное соглашение о сотрудничестве.

– Давайте!

Он схватил ручку, поставил свою подпись и судорожно сделал вместо росчерка закорючку.

– Благодарю. – Голос Квоты прозвучал вдруг удивительно холодно.

На его лице появилось выражение ледяного безразличия. Он взял листок и аккуратно спрятал его и ручку во внутренний карман пиджака, но тут оторопевший от изумления Бретт собрался с мыслями.

– А когда... – голос его прозвучал робко, даже боязливо, – а когда вы начнете налаживать...

Квота бросил на него надменный взгляд, в котором нельзя было ничего прочесть.

– Чуточку терпения, дорогой друг. Чуточку терпения.

Не помня себя от волнения, Бретт вскочил с кресла.

– Послушайте, в среду у нас заседание правления, скажите... могу я им объяснить...

– Нет, ни в коем случае, – бросил ему Квота через плечо, медленно направляясь к двери. – Такие дела в один день не делаются. И даже за неделю. Будьте благоразумны.

– Тогда когда же? В следующую среду, – настаивал Бретт, идя за Квотой и чуть ли не наступая ему на пятки. – В следующую? Ведь это будет через десять дней...

Квота уже взялся за ручку двери. Раскрыв дверь, он обернулся и сказал:

– Ничего не могу вам обещать. Чуточку терпения, и все будет в порядке. Не беспокойтесь. Я вас извещу.

Среди мертвого молчания он закрыл за собой дверь.

Пять минут спустя Бретт уже рвал на себе волосы – чисто символически, конечно.

– Жулик, – стонал он. – Я пал жертвой жульнических махинаций, в этом нет никакого сомнения.

Когда первые восторги улеглись, он вдруг спохватился, что ничего не знает об этом субъекте, о так называемом Квоте, – да и Квота ли он вообще? – не знает ни его адреса, ни кто он такой. Мало того, он даже не прочел ни слова из того, что подписал.

– А здорово он с вами разыграл номер с ручкой, а? – иронизировал Каписта.

Этот инцидент, пожалуй, его скорее даже порадовал.

– А вы-то оба разве не могли удержать меня от этой глупости? – проговорил Бретт, надеясь свалить свою вину на Каписту и Флоранс.

– Но вы же совершеннолетний! – возразил Каписта.

– А я такая же идиотка, как и вы, – в противовес Каписте призналась в своей вине Флоранс.

Особенно же упрекала она себя потому, что собственноручно свела Квоту с дядей и сама на миг поверила в то, что болтал этот проклятый проходимец.

Был срочно созван военный совет, чтобы разработать дальнейшую линию поведения.

Прежде всего предупредили банк: никаких денег по этому документу не выдавать.

Затем запросили юридический совет: «Предположим, я подписал один документ, дающий теперь его обладателю неограниченные полномочия, как выйти из этого положения?»

На всякий случай совет подготовил Бретту акт о расторжении договора и текст заявления о вымогательстве подписи, которое при первых же признаках тревоги будет передано в суд.

Кроме того, юрист, имевший связи в полиции, добился розысков Квоты по всем гостиницам города.

Через полчаса сам Квота позвонил из гостиницы «Хилтон комодор».

– Ну, в чем дело? Вы разыскиваете меня через полицию?

– То есть... хм... да нет... мы только хотели бы знать...

Совершенно запутавшись, Бретт нашел единственный выход из положения: он закашлялся. Прочистив наконец горло, он спросил:

– Но раз вы уж позвонили, дорогой Квота, скажите пожалуйста... Мне хотелось знать... что я подписал?

– Разве я вам не говорил? Просто временное обязательство.

– А... а в чем, собственно, я даю обязательство? Вы бы не могли прочесть мне текст?

– Конечно, могу. Он весьма краток.

Небольшая пауза, затем голос Квоты:

– Я, нижеподписавшийся, обязуюсь сотрудничать с сеньором Квотой, проживающим в гостинице «Хилтон комодор», в Хавароне, с целью эксперимента, а в случае успеха также внедрения на предприятиях фирмы «Фрижибокс» его торгового метода. Подпись: Самюэль Бретт – генеральный директор.

– Это все?

– Все.

От радости Бретт чуть не пустился в пляс, но вовремя вспомнил, что при племяннице и

Каписте звонил главному бухгалтеру банка и в юридический совет. Не удержавшись, он на всякий случай спросил Квоту:

– А вы... по-прежнему не хотите мне сказать, когда придете?

– Чутьочку терпения, дорогой друг.

Целую неделю терпение Бретта подвергалось серьезному испытанию: Квота не подавал признаков жизни.

Однако установленная благодаря юристу тайная слежка обнаружила, что всю эту неделю Квота не покидал гостиницы «Хилтон комодор», а если и выходил, то крайне редко, что там он и питался, судя по всему, сидел в номере и чертил какие-то планы – так, во всяком случае, определил его занятия коридорный, увидев кучу разбросанных листов бумаги.

Дни этого затянувшегося ожидания были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни Бретта. То и дело он переходил от ничем не оправданного оптимизма к полному отчаянию. В нем боролись два человека: один – делец, энергичный, сторающий от нетерпения ринуться в авантюру, которая, несмотря на риск, могла привести к грандиозному успеху; другой – осторожный директор, которого пугал этот риск и который от всего сердца желал, чтобы все оставалось по-старому.

Флоранс пыталась успокоить дядю. Но у нее в силу сложных причин, в которых она и сама-то не слишком разбиралась, настроение тоже то падало, то неожиданно подымалось. Что же касается Каписты, то на лице его сохранялась скептическая усмешка, красноречиво говорившая о том, что думает лично он обо всей этой истории.

И вот, как-то во вторник утром, никого заранее не оповестив, с самым безмятежным видом появился Квота, держа под мышкой туго набитый портфель.

– Наконец-то! – воскликнула Флоранс и побежала предупредить дядю.

Он сидел с удрученным видом: вместе с главным бухгалтером они изучали цифры, предвещавшие неминуемую катастрофу. Количество холодильников на складах фирмы возросло, а денежные фонды почти полностью иссякли. Через два месяца, самое большое, придется увольнять рабочих и закрыть по крайней мере один из трех цехов.

– Квота пришел, – сказала Флоранс.

– А-а! – Бретт неопределенно вздохнул.

И на этот раз директор не знал, радоваться ли ему или ужасаться появлению Квоты. Итак, настал решающий час. Главное – мужаться. В душе его теплилась надежда, вместе с ней зрел и ужас.

Флоранс вела его почти насильно. Он вошел вслед за племянницей в ее кабинет, где Квота, бесцеремонно очистив письменный стол от всевозможных бумаг и папок, разложил свои чертежи.

– Здравствуйте. Садитесь, – сказал он директору.

Тот молча подчинился. Квота ткнул пальцем в чертежи.

– Вот это, это и это вам придется для меня изготовить. Надо только строго придерживаться расчетов и ничего не менять.

Он отодвинул листы, под ними лежали другие.

– А вот общий план оборудования ваших торговых залов. Сколько их у вас?

– Шесть в каждом магазине, – выпалил Бретт.

– Маловато. В дальнейшем нам понадобится гораздо больше. Ничего, в случае необходимости пристроим еще. Это пустяки. Пока же удовлетворимся для начала теми, что

имеем, хотя бы вот в этом магазине. Как видите, торговые залы нужно разделить перегородкой, чтобы при каждом из них было нечто вроде маленькой прихожей. Следует также позаботиться о системе освещения, которая...

Но Бретт уже не мог усидеть на месте.

– Но все это, дорогой Квота, – не выдержал он, – совершенно невозможно!

– Что?

– Да вы просто не понимаете, чего требуете?! Для изготовления вашей аппаратуры я должен буду на несколько недель нанять три бригады рабочих. А торговые залы? Вы представляете себе, во что обойдутся перегородки, окраска и все прочее? Нет, милейший Квота, у нас нет ни одного песо даже для начальных работ!

– Совершенно естественно, – спокойно проговорил Квота.

– Что совершенно естественно?

– Что у вас нет ни одного песо. А кто у вас их требует?

– Чего требует?

– Песо. Надеюсь, у вас еще имеется небольшой кредит, а?

– Да, конечно, но я не имею права воспользоваться им для столь непроизводительных расходов... Неужели вы полагаете, что правление...

– Простите... – Тон Квоты был так сух и резок, что Бретт даже опешил. – Если у вас не хватает мужества что-либо предпринять без согласия дюжины старых индюков, лучше нам вообще ни о чем не говорить.

Бретт перевел дыхание.

– Да вы же сами знаете, что мои полномочия ограничены... по уставу я не имею никакого права вкладывать...

– Знаю. Это, безусловно, риск. Но надо или рискнуть, или же сразу поставить точку.

Бретт захлопал глазами и молча ждал продолжения.

– Дорогой мой Бретт, вы лучше меня знаете, что ни одно правление никогда в жизни не поставит поручительскую подпись под тем временным обязательством, которое вы подписали. Это обязательство и так превышает ваши полномочия. И даже если я продам по крошкособирателю каждому из двенадцати членов правления, все равно мы вряд ли соберем все их подписи под таким документом. Не спорю: вы пошли на риск и взяли на себя немалую ответственность. И если дело провалится, то отвечать перед ними, конечно, придется вам. Но если мы добьемся успеха, то слава тоже будет ваша. Такова ставка в этой игре. А теперь, дорогой, решайте сами. Я могу, немедленно, у вас на глазах, разорвать это злосчастное соглашение, и вы успокоитесь. Для меня лично это большой роли не играет. В конце концов, я просто потеряю несколько дней, так как мне придется повторить знакомый вам опыт у Спитероса, чтобы провести у него тот эксперимент, который я пока еще предлагаю провести вам, если вы, конечно, не раздумали... Даю пять минут на размышления...

– Послушайте, дорогой Квота, но...

– Еще два слова. Вы действительно недостаточно информированы, чтобы принимать решение. Так вот, я подсчитал, сколько денег понадобится для начала. По самому грубому подсчету потребуется сто тысяч песо. Хотя сумма сама по себе не так уж велика, но, как я предполагаю, она все же превышает директорский фонд, который сейчас имеется у вас в наличии. Однако, как я уже сказал, это не проблема. Ведь вы рассчитываетесь с вашими поставщиками каждые три месяца, не так ли? А я в первый же день после того, как будут

окончены подготовительные работы, – вы меня слышите: в первый же день! – гарантирую продажу как минимум пятисот холодильников. Другими словами, в кассу поступит приблизительно двести тысяч песо. Но даже если мы продадим, предположим, не пятьсот, а в четыре раза меньше, вам хватит и двух дней, чтобы ликвидировать пассив. Я гарантирую вам, что за три месяца мы продадим шестьдесят тысяч холодильников, и это при самых пессимистических прогнозах, следовательно, на наш счет поступит по крайней мере пятьдесят миллионов песо. Что будут значить по сравнению с этой суммой ваши жалкие сто тысяч?

Бретт глубоко вздохнул и раскрыл было рот.

– Не торопитесь отвечать, подождите секунду, – остановил его Квота. – Вы отнюдь не обязаны мне верить. И если я не сдержу своего обещания, правление наверняка сделает вам строгое внушение. Возможно, вам даже придется уйти со своего поста. Возможно. Но что произойдет, если сейчас уйду я? За то время, что я пробыл здесь, я собрал достаточно полную информацию и могу безошибочно предсказать, что через два месяца вы будете вынуждены закрыть часть ваших цехов. А через четыре месяца – еще часть. Через год вы окончательно прогорите. А если в то же самое время ваш друг Спитерос под моим руководством будет продавать тысячу холодильников в день, то что, по-вашему, скажут тогда ваши двенадцать индюков?

– Он прав, дядя, – тихо проговорила Флоранс.

– Ты думаешь? – слабым голосом спросил Бретт.

Флоранс кивнула.

– К чему обманывать себя, – сказала она. – При сегодняшнем состоянии рынка у нас не осталось ни одной лазейки для разумной надежды. На днях Капиستا весьма высокомерным тоном заявил мне: «Холодильники – дело безнадежное». Правда, звучит это чрезмерно драматично, но вы же знаете, что он прав.

Флоранс напомнила дяде о визите генерала Переса, о том, как тот шантажировал их, ссылаясь на слухи о затруднениях фирмы, которые ставят под угрозу кредит. Фирма может еще просуществовать некоторое время лишь при условии, что Бретту удастся договориться с их конкурентами о сокращении производства в соответствующих пропорциях, так чтобы общее количество выпускаемых холодильников не превышало спроса на них. Но, как он сам понимает, такая договоренность, другими словами такой картель, еще возможен в обычное время, когда требуется лишь небольшое сокращение производства, и почти невыносим в период общего кризиса. Когда каждый, чувствуя собственную погибель, яростно борется за свое существование.

– Спитерос собирался прийти ко мне... – не особенно уверенно вставил Бретт.

– И вы многого ждете от этого свидания?

Бретт скорчил грустную гримасу.

– А почему бы и нет? – возразил он, но голос его прозвучал совсем неуверенно.

– Вот видите, – прошептала Флоранс. – Дядя Самюэль, – продолжала она уже громче, – посмотрим правде в глаза. Я не спорю, возможно, сеньор Квота и сгустил немного краски, нарисовав так мрачно наше будущее. Возможно, через год вопреки его предсказаниям мы не ликвидируем свое дело, но этого не случится лишь потому, что к тому времени одна из крупных американских фирм, – а они уже заигрывают с вами, – увидев, что мы при последнем издыхании, буквально сожрет нас со всеми потрохами. До сих пор правление сопротивлялось этому и продолжает сопротивляться, будет сопротивляться полгода, ну,

скажем восемь месяцев... А что дальше? Вы же прекрасно знаете, дядя, чем все это кончится. И вот поэтому мне кажется, что не такой уж это большой риск с вашей стороны. Да, дядя, по моему мнению, нужно попытаться счастья.

Бретт выслушал племянницу, не поднимая головы. Она уже давно кончила говорить, а он по-прежнему сидел все в той же позе, будто дремал. Квота не произнес ни слова, не сделал ни единого жеста, только бросил а сторону Флоранс многозначительный взгляд, словно говоря: «Очень хорошо. Вот вы все понимаете». К своему удивлению, Флоранс почувствовала, как по телу ее разлилось тепло радости. Наконец Бретт поднял голову. Глаза у него были мутные, словно он слегка опьянел. Прежде чем заговорить, он попытался выжать из себя улыбку. Но улыбка не получилась – лишь слегка дрогнули уголки губ.

– Все, что сказала моя девочка, весьма дельно, – начал Бретт, не глядя на Квоту. – Зачем обманывать себя, она права: надо выбирать – или вы, или американцы. Я ничего не имею против американцев, но тогда уж неизбежно мне придется приспособливаться к какому-нибудь типу, который, хотя и будет числиться моим заместителем, не даст мне шагу ступить самостоятельно. А я себя знаю. Я и трех недель не выдержу и удеру куда глаза глядят. Но ведь я привязан к этой грязной лавчонке, которой руковожу и которую, можно сказать, создал собственными руками. Мне будет очень тяжело с ней расстаться. Вот так-то. Значит, другого выхода нет. По рукам, сеньор Квота. Мы выполним ваши заказы. Переоборудуем магазины. И когда мои старые индюки из правления, как вы их величаете, увидят, что здесь творится, их хватит кондрашка. Единственное средство их успокоить – это сказать, что переоборудования ведутся за мой счет. Вы понимаете, дорогой мой Квота, в какой мере я вам доверяю: я вкладываю в ваш эксперимент собственные сбережения. Они уйдут все или почти все. Если вы оставите меня в дураках, пусть это будет на вашей совести. Я все сказал. И не будем больше возвращаться к этому. Познакомьте меня поподробнее с вашими планами.

Стоял апрель. Работы в магазине были начаты лишь после пасхальных каникул. Прежде всего переделали витрины. Их расширили, но не для того, чтобы разместить там больше холодильников. Квота устроил здесь нечто вроде выставки Холода. Среди ледяных сталактитов и сталагмитов, припорошенных снегом, в разноцветном освещении было искусно представлено все, что во все времена, в давние и теперешние, имело хоть отдаленное отношение к холоду: полярные экспедиции, животные, проводящие зиму в спячке, эскимосские чумы, рыбный промысел на Крайнем Севере, зимний спорт, производство искусственного льда, мороженицы и ледники старой конструкции, первые холодильники и тому подобное... Так в центре этого вечно залитого солнцем города, уже оцепеневшего от влажной и жаркой субтропической весны, возникло любопытное и освежающее зрелище, при виде которого, если можно так выразиться, во рту становилось прохладно. А в центре этой декорации возвышался экран, на котором демонстрировали цветной фильм – где любимая тагуальпекская кинозвезда исполняла стриптиз среди вечных снегов Сьерра-Хероны и ледяных глыб, на которых она развешивала свою одежду и белье, постепенно обнажаясь перед зрителями.

Перед столь завлекательными витринами целый день толпился народ, но два-три холодильника терялись среди всего этого великолепия и пока что ежедневная продажа не увеличилась ни на йоту. Усмешка Каписты стала еще ехиднее, а лысина Бретта постепенно бледнела. Через неделю он показал Квоте сводку, но тот, еле взглянув на нее, спросил:

- Ну и что?
- Ваши витрины не имеют успеха, – сказал Бретт.
- А чего вы от них ждали?
- Как это чего ждал? Мы истратили на них...
- Знаю: шесть с половиной тысяч долларов. Поэтому вопреки моему совету вы настояли, чтобы их открыли немедленно.
- А как же вы думали! Пока витрины были закрыты, торговля снизилась наполовину.
- Вы все еще считаете важным, продано на два или три холодильника больше или меньше. Когда же наконец вы приобретете широкий подход к делу?
- Когда мы будем продавать по пятьсот холодильников в день, как вы мне обещали, – с горечью ответил Бретт.
- Договорились! А пока не думайте ни о чем. Живите безмятежно, старина. Вы свободны, отдыхайте.
- Легко сказать! Но прежде всего, что вы называете «пока».
- Пока не откроются торговые залы. Аппаратура готова?
- Меня заверили, что готова.
- Перегородки – простые и зеркальные?
- Их привезут.
- Значит, все в порядке. Скоро начнем. А теперь послушайте меня, закройте-ка витрины. С коммерческой точки зрения те, кто сейчас глазееет на них, для нас – бесполезное стадо: мы еще не в состоянии доить их.
- Ладно, – проворчал директор. – Ладно.
- Нельзя сказать, чтобы Квота убедил его полностью. А по правде говоря, то и наполовину не убедил. По правде говоря, Бретт совсем извелся.

Тревожное состояние Бретта передалось и Флоранс. Он поручил племяннице следить за подготовительными работами, которые делались по распоряжению Квоты и ей они тоже с каждым днем казались все бессмысленнее.

Дело в том, что для всех шести торговых залов центрального магазина, где собирались провести первые опыты, было по проекту Квоты изготовлено несколько странных предметов. Некоторые были еще загадочнее и нелепее, чем Пегас-крошкособиратель или скорпион-майонезовосстановитель. Другие были попроще, но в магазине холодильников все вместе они выглядели странно и дико.

Так, например, пришлось заказать шесть огромных зеркал, отражающая сторона которых была чуть золотистой и придавала лицу особенно приятный цвет. Эти зеркала обладали еще одной особенностью: если вы смотрелись в них с одной стороны в освещенном помещении, вы видели свое отражение, но если смотреть с другой стороны, из темноты, то амальгама теряла свои свойства и зеркало становилось как бы прозрачным стеклом. Флоранс была благовоспитанной девушкой и, надо полагать, не знала об употреблении таких обманных зеркал в домах терпимости, через которые стареющие любострастники могут незаметно наблюдать за любовными играми ничего не подозревающей парочки. Впрочем, знай она о применении этих зеркал, она была бы удивлена и озадачена еще больше.

Пришлось также более чем на полтора месяца забрать из цехов бригаду квалифицированных слесарей для изготовления шести экземпляров странного механизма с таинственными колесиками, который был величиной с карбюратор, внешне напоминал комбайн, а сложной системой зубчатых передач – астрономические часы. Для чего предназначался этот агрегат? На вопрос Флоранс слесари ответили, что, с их точки зрения, он ни на что не пригоден.

И наконец, были изготовлены на специальном предприятии шесть больших автоматов, выбрасывающих духи, румяна, пудру, шоколад, шариковые ручки и сережки, но устроены они были так, что, если вы дергали за ручку один раз, автомат выдавал требуемое, но во второй раз он действовать отказывался. Ошеломлял и висевший над автоматами рекламный плакат – пышная, весьма откровенно выставлявшая напоказ свои прелести красавица, с улыбкой указывала куда-то вниз, а надпись на плакате гласила: «Наша фирма предлагает вам бесплатно» и еще более крупным шрифтом: «К вашим услугам». Но Квота в дополнение к этим плакатам заказал еще таблички, на которых было написано: «Не работает». Их должны были вешать на автоматы. И это казалось уже совсем непонятным.

Когда Квоту просили объяснить смысл всех этих новшеств, он лишь улыбался и говорил: «Увидите сами». Иногда Флоранс с ужасом задавала себе вопрос: «А вдруг Квота один из тех гениальных сумасшедших, которые умеют убедить самых отчаянных скептиков, а потом своими безумными выдумками доводят их до нищеты?» Эта мысль мучила ее, и она чувствовала, хотя и не признавалась себе в том, что разочарование нанесет ей тяжелую душевную рану.

В то же время у нее становилось спокойнее на душе, если какое-нибудь распоряжение, отданное Квотой, которое сперва казалось абсолютно бессмысленным, в дальнейшем вдруг оказывалось вполне разумным. Так, например, он приказал на последних трех моделях холодильников поставить марку «В-12»

- Что это значит? – спросил Бретт.
- Ничего.
- Но это же наша известная модель с компенсированной морозильной установкой.
- А вы не путаете ее с моделью с «уравновешенной компрессией»?
- Подождите... да нет... хотя...
- Или с «кондиционированной коммутацией»? Вот видите, сами запутались. Что же будет с вашими покупателями? А «В-12» действительно ничего не означает, но зато кратко и легко запомнить даже женщине или кретину.

Но когда Квота заказал две тысячи пачек сигарет и полтонны конфет «ассорти», Флоранс вновь одолели сомнения.

Однажды, охваченная смятением, она решила разузнать о колледже Камлупи в штате Оклахома. Она отыскиала справочник университетов и колледжей Соединенных Штатов. Такого колледжа там не оказалось. Она пошла на почту и спросила, сколько будет стоить разговор с Камлупи. Телефонист долго рылся в справочниках и наконец твердо заявил, что города Камлупи нет ни в Оклахоме, ни в каком-либо другом штате Америки.

Флоранс вернулась на работу весьма озабоченная. Сообщить дяде? Но теперь уже поздно отступить, и она только прибавит ему волнений и страхов. Спустя несколько дней, не в силах хранить дольше про себя не дававшую ей покоя тайну, она неожиданно спросила Квоту:

– А где, в сущности, находится ваш Камлупи?

Во взгляде, который он бросил из полуопущенных век, мелькнуло лукавство.

– А-а, так вы пытались его отыскать?.. Во Франции вы бывали?

– Да, несколько раз проводила там каникулы.

– Вы слышали о городке под названием Фуи-лез-Уа?

– Да, – ответила Флоранс без улыбки. – Он не существует.

– Так зачем же терять время на его розыски?

Этим ответом Квота дал ей понять – и довольно откровенно, – что предпочитает не раскрывать свои карты. А может, и фамилия-то его совсем не Квота?

– Вы мне так и не сказали, как ваше имя... – заметила она однажды.

– Зовите как хотите, – ответил он.

– То есть как это? – возмутилась Флоранс.

Он улыбнулся:

– Не все ли вам равно, зовут меня Эзек или Бонифас?

– Откуда вы? – резко спросила она. – Ведь вы не американец по происхождению.

– Да, вы правы.

– Я никак не могу понять, какой у вас акцент... То ли славянский, то ли итальянский...

– Неплохо, – похвалил он.

– А значит, вы из Восточной Европы?

– Почему оттуда? Вовсе нет, – удивленно протянул он.

Более точного ответа ей не удалось добиться. Но дружеская ирония, какую он противопоставлял ее расспросам, в общем-то, ее успокоила: будь у него сомнительное или преступное прошлое, он бы держался иначе, старался замести следы и не стал бы признаваться в заведомой лжи, а тем более почти щеголять этим.

Поэтому, по правде говоря, тайна, которой окружал себя Квота, скорее раздражала Флоранс, чем беспокоила. Она даже льстила себя надеждой, что ей понятны причины,

побуждавшие его так вести себя, и в какой-то степени даже оправдывала его: взявшись за смелый эксперимент, который в случае провала мог окончиться скандалом, Квота мудро рассудил, что нужно оставить себе возможность исчезнуть, так же как он появился, то есть инкогнито.

Однако подобная предосторожность явно свидетельствовала о том, что Квота вел рискованную игру, и это поначалу поколебало доверие к нему Флоранс. Но ненадолго: предельная откровенность, чуть ли не цинизм Квоты, его искренность, почти граничащая с резкостью, не давали права на мелочную подозрительность, на обидное недоверие; в конце концов грандиозная затея стоила риска. И если уж говорить начистоту, то Флоранс не могла устоять перед притягательной силой, заключающейся в этой смеси таинственности и прямоты. Он владел искусством довести любую мысль до сухой и как бы отмытой четкости чертежа, и, хотя Флоранс сама себе в этом не признавалась, это его свойство и смущало и покоряло ее.

Как-то он вошел к ней в кабинет и с первого слова сказал:

– Идемте со мной.

Они шли медленно, бок о бок.

– Я должен вас научить по-новому смотреть на толпу, – сказал Квота. – Как вы ее видите?

– Когда как, – ответила Флоранс. – Если не вглядываться, то передо мной безликая масса. Но если обращать внимание на лица, то сразу замечаешь в каждом что-то свое, все люди очень разные...

– Плохо, – сказал Квота, – очень плохо. Срочно меняйте подход. Лицо человека, каждого человека в отдельности нам бесполезно. И наоборот, наше внимание должна привлекать толпа, которую надо уметь характеризовать. Вернее, классифицировать.

– Не понимаю, – призналась Флоранс.

– Я говорю, естественно, с точки зрения коммерции: ведь это единственная, годная для нас точка зрения, единственная, которая должна нас интересовать. Любой другой подход – это уже сантименты, так как неопределенность вредна. Запомните изречение непонятого писателя Конан Дойля: «Отдельные индивидуумы могут оставаться неразрешимыми ребусами, взятые в массе, они обретают определенность математических величин». Таков первый урок.

– Кому? Мне?

– Любому, кто намерен серьезно заниматься серьезными вещами. Математические величины – вот под каким углом вы должны отныне приучить себя видеть ваших соотечественников, и никак иначе. А что такое математическая величина? Это уже второй урок.

Они сделали несколько шагов молча, потом Квота снова заговорил:

– Кстати, нравы Тагуальпы значительно облегчают эту задачу. Вам сказочно повезло, ведь у вас в стране существует десять резко разграниченных классов. Это избавит вас от излишнего труда. Во многих государствах в этом смысле царит мерзейший беспорядок. Я сам видел, как во Франции, в Италии и даже в Англии богатые и бедные живут в одном и том же квартале, а иногда даже в одном и том же доме! Это усложняет дело. У вас же все по-иному. Возьмите, к примеру, три низших класса: неимущие, очень бедные и просто бедные. Известно, где они живут, где их искать. И однако, просто поразительно, что с ними делают, что делают с ними такие люди, как ваш дядя, как Спитерос, вернее, чего они с ними

не делают! И впрямь невероятно!

Последние слова Квота произнес осуждающим тоном, и в голосе его одновременно послышались и насмешка, и презрение, и гнев.

– О, конечно, – продолжал он, – знаю, знаю, что мне возразят: мол, эта толпа неграмотных оборванцев нужна только для того, чтобы в случае необходимости черпать в ней запуганную, послушную дешевую рабочую силу; благодаря ей можно не повышать заработную плату, а следовательно, не понижать прибылей. Постоянное наличие армии безработных – лучший регулятор биржи труда. Вполне разумно. Однако забывают при этом, что безработные еще и лучшая армия в случае общественных беспорядков. А главное – забывают другое: предприниматели лишают себя огромной клиентуры, так как безработные не имеют покупательной способности. Логика тупиц! Ваши предприниматели отстали в своих воззрениях лет на полтора!

Флоранс слушала Квоту с чувством огромного удовольствия. Этот человек высказывал вслух то, о чем она часто думала про себя, но не решалась сказать дяде, когда он в конце месяца ломал голову над тем, как свести концы с концами. Увеличить заработную плату во время экономического кризиса! Да она, видимо, с ума сошла? Вот что сказал бы ей дядя Самюэль.

– Заработная плата, – продолжал Квота, словно отвечая на ее мысли. – А что делают предприниматели в том случае, когда они под давлением обстоятельств вынуждены пойти на мизерное повышение заработка рабочим? Они тут же отбирают свои деньги, подняв цены на товары. Так проходит несколько недель, пока бедняги рабочие, чуть разбогатев, не растратят своих денег на самое необходимое и, войдя во вкус покупок, залезут в долги. Вот тут-то их и припирают к стенке. Нужно выплачивать взносы за взятые в кредит товары, и они уже боятся бастовать, следовательно, ничего не требуют и хотя бы временно вынуждены сидеть тихо. Великолепно. Придумано гениально. Но зачем же останавливаться на этом? До чего же убогое воображение у предпринимателей. Или им недосуг пошевелить мозгами и представить себе, что произойдет, если надбавка к заработной плате рабочих будет даваться не гомеопатическими дозами, а большими и неоднократно!

– Инфляция – вот что произойдет! – возразила Флоранс.

– Вы так полагаете?

– В короткий срок деньги обесценятся.

– Они будут стоить ровно столько, сколько можно будет на них купить. Все дело в другом: нужно, чтобы люди покупали, нужно заставить их тратить деньги. Деньги, лежащие в сундуке, ничего не стоят. Возьмите, к примеру, этого оборванца...

Беседа таким образом, они уже добрались до района бедняков. Квота указал Флоранс на нищенски одетого индейца, который, однако, держался с чувством собственного достоинства.

– Вот дайте ему один песо. Кому, по-вашему, вы подадите милостыню? Ему? Ничего подобного. Булочнику, к которому он, надо полагать, побежит. Зачем же подавать милостыню, зачем его унижать? Оплачивайте работу этих бедняков, оплачивайте щедро, и булочник разбогатеет. А вот этот, взгляните-ка. – Квота кивнул на другого бедняка, плутоватого вида, у которого кожа была побелее. – Что сделает он с вашей подачкой? Спрячет деньги у себя в берлоге, которая будет сожжена после его смерти. И никто на этом ничего не выиграет. Ни булочник, ни общество. Итак, покончим со скупостью. Каким образом? Лишив деньги сами по себе всякой ценности, пока они не будут обменены на

товары. Сведем их к ценности железнодорожного билета, годного в один конец. Разве кто-нибудь станет коллекционировать просроченные билеты на поезд? Следовательно, чтобы достигнуть нашей цели, в современном обществе есть лишь один способ: хорошо оплачивать труд людей, чтобы они могли покупать. Все мы живем за счет ближнего и все мы можем сказать: «Он тратит, следовательно, я существую». Держать неимущие классы в состоянии вынужденной бережливости – это преступление против общества. Даже с точки зрения нынешнего строя, который нуждается в сытом и мирном населении, в безвредных львах с полным желудком, с наманикюренными когтями.

Удовольствие, которое испытывала Флоранс в начале беседы, постепенно угасало, увяло по мере того, как она слушала Квоту. Она уже не знала, правильно ли понимает его, одобряет или порицает такое циничное отношение к нужде, даже если за этим и кроется стремление уничтожить ее. Флоранс улавливала, что слова Квоты отдают презрением, даже бесчеловечностью, хотя, честно говоря, сама еще не до конца понимала почему.

– Никаких иллюзий, дорогая моя, – продолжал Квота. – Во время чумы остается только одно: как-то приспособиться к морю, попытаться извлечь из этого зла добро, другими словами, проявлять милосердие, солидарность, самопожертвование. А что такое коммерция? Не будем обольщаться, коммерция – обман. Надо смотреть на вещи трезво и постараться извлечь из обмана всю мыслимую выгоду.

– Почему же коммерция – обман? – возмутилась Флоранс.

– Да, да, ничего не поделаешь, это так. Любая торговля состоит из цепи обманов: уговоры, улыбки продавца, сам товар, который он предлагает. Ваши холодильники, сеньорита, своим размером, формой, отделкой производят ложное впечатление чего-то фундаментального, прочного, хотя, как вам известно, сделаны из тонкой жести. И покупателю это тоже известно, он лишь делает вид, что ему не известно... А все это бахвальство рекламы, сверхшикарная упаковка, неоправданно многообещающие инструкции, словом всесветное вранье... А так как силой обстоятельств в любом обществе каждый становится то покупателем, то продавцом, все обманывают всех, отсюда и возникает всеобщее недоверие, дело доходит до того, что мы перестаем доверять даже самим себе и подозрительно разглядываем собственное отражение в зеркале... Но если мы наведем порядок, если ложь в повседневной жизни открыто станет пружиной, действующей автоматически, она перестанет быть ложью: признанная ложь превращается в истину, возрождается взаимное доверие людей друг к другу, а с ним и социальное единение. Вот к каким результатам, хотя, быть может, это и не конечная цель, приведет мой метод интенсивной торговли. Таков, сеньорита, третий урок.

Рассуждения Квоты, которые Флоранс про себя определяла как парадоксы, и возмущали ее и забавляли, а главное, вызывали чувство какого-то радостного нетерпения. Умозаключения этого человека были смелы, однако отсутствие у него всяких иллюзий, вернее, стремление быть «лишенным всяких иллюзий», слегка коробило ее, ибо она привыкла мыслить иначе, но в то же время она обнаружила в них какое-то здоровое и дезинфицирующее начало. Он напоминал ей хирурга, который скоблит загнивающую кость. Ей не терпелось узнать все подробнее.

– А скоро ли начнутся практические уроки?

– Очень скоро. Как только все будет готово.

Между тем по просьбе Квоты были отобраны сорок два продавца для экспериментального магазина. Это была первая партия. В дальнейшем для торговли в шести филиалах, по утверждению Квоты, потребуется всего двести пятьдесят два продавца.

Вдобавок к уже работающим в фирме продавцам, было приглашено по объявлениям еще двести или триста кандидатов. Следуя методу, принятому почти на всех предприятиях, их прежде всего подвергли письменному испытанию, чтобы оценить их общее развитие и культурный уровень.

Но к удивлению и к величайшей тревоге Бретта, равно как и куда более легкой тревоге Флоранс, те, чьи ответы оказались на среднем уровне или выше, не прошли по конкурсу.

Самых малограмотных, самых ограниченных претендентов вызвали вновь, и им были предложены тесты для того, чтобы определить, насколько они инициативны и опытны в торговом деле.

И опять же все, кто показал неплохие результаты, были отстранены.

Оставшимся кандидатам, самым тупым, самым малоопытным, самым безынициативным и бесхарактерным – однако при условии, что они обладают хорошей памятью, – Квота дал новую серию тестов, желая отобрать сорок два продавца, по семь на каждый торговый зал.

– Почему именно семь, да еще обязательно дураков? – запротестовал Бретт. – До сих пор два продавца среднего умственного развития нас вполне удовлетворяли.

– Потому, что до сих пор в ваш магазин приходило около сотни покупателей в день, а я, как уже было вам сказано, привлеку сюда тысячу, а может, и полторы. И если уж говорить о вашей старой системе, то вам потребовалось бы не семь продавцов в каждом зале, а пятнадцать, не меньше.

– Но зачем же набирать малограмотных кретинов?

– Потому что они лучше прочих поддаются любой дрессировке, с легкостью откажутся от своего крошечного торгового опыта, от своей жалкой индивидуальности, и я без труда вылеплю из них словно из глины то, что мне нужно. Легче развить условные рефлексy у собаки, чем, скажем, у Бергсона или у Эйнштейна.

Новые тесты, составленные Квотой, были столь же необычны, как и все, что он делал. Например, кандидату, стоявшему у грифельной доски, задавали какой-нибудь сложный вопрос, а затем показывали коробочку с таблетками, на которой было написано: «Таблетки для угадывания».

– Значит, они помогают угадывать? – ликовал протак.

– Да, – отвечали ему.

Он брал таблетку и тщательно разжевывал ее. Его реакцию хронометрировали с точностью до десятой доли секунды.

– Да это же нашатырь! – восклицал он, отплевываясь.

– Вы совершенно правы.

Таким образом, было установлено среднее время психологической реакции. Квота требовал некоего минимума быстроты, объясняя так: продавцу придется чисто автоматически следовать за подобными реакциями покупателя и в его же темпе. Тех, кто реагировал позднее, чем через три секунды, отсеивали.

Чтобы отобрать наиболее подходящих из оставшихся кандидатов, Квота заставил

каждого пройти по коридору, посередине которого находилась ступенька. Когда испытуемый доходил до ступеньки, его неожиданно окликали по имени. Пригодными оказались те, кто немедленно поворачивался на зов и падал со ступеньки. Отказали всем тем, кто, прежде чем оглянуться, осторожно сходил со ступеньки, ибо рефлекс должен опережать мысль.

Вдобавок к этим дурачкам Квота тщательно отобрал себе шестерых помощников, на сей раз тех, кто лучше других справился с письменной работой и показал достаточный культурный и умственный уровень. Каждого из них назначили руководителем группы из семи продавцов.

Однажды рано утром Квота, забрав своих помощников, а также Флоранс, Бретта и Каписту, повел их на улицу, к витринам.

– Я приказал открыть их часа на два, – сказал он, – чтобы ввести вас в курс дела. А теперь наблюдайте внимательно.

Они встали на противоположном тротуаре, делая вид, что ждут автобус. Число пешеходов на улице постепенно увеличивалось.

– Считайте, сколько из них остановится у нашего магазина, – сказал Квота.

Оригинальные, прекрасно оформленные витрины, в самом деле, привлекали всеобщее внимание. Женщины все, или почти все, непременно останавливались. Лишь некоторые мужчины, да и то, судя по всему, спешившие, не замедляли шага, однако кидали на витрины беглый взгляд.

– Ничего, в следующий раз задержатся, они от нас не уйдут. А сегодня следите, как поступят те семьдесят процентов пешеходов, которые остановились поглазеть.

Действительно, все – кто долго, кто наспех – разглядывали различные сценки: рыбака-эскимоса, спящего сурка, корабль Амундсена, зажатый льдами... – и так, переходя от одного зрелища к другому, оказывались перед экраном, на котором улыбающаяся кинозвезда, снятая на отличной цветной пленке, раздевалась на фоне снегов Сьерра-Хероны, подставляя ласковому солнцу свои прелести, и почти совсем обнаженная, с головокружительной быстротой съезжала на лыжах с горы и исчезала.

В общем, все было сделано с таким расчетом, чтобы от взгляда зевак не ускользнул большой плакат, на котором люминесцентными буквами было написано:

Новинка!

Невиданное изобретение!

ХОЛОДОПЕДАЛЬ

Спорт и экономия!

– Холодопедаль! Это еще что за чертовщина! – воскликнул ошеломленный Бретт. – Холодильник с педалями? Мы никогда не выпускали подобной ерунды!

– Надеюсь, – сказал Квота. – Да и кому он нужен?

– Так что же это такое?

Квота улыбнулся:

– Ну просто... холодильник с педалями...

И так как Бретт от изумления разинул рот, Квота продолжал:

– Терпение, дорогой директор, чуточку терпения! Не пытайтесь понять раньше времени. Лучше наблюдайте за поведением прохожих. И считайте, сколько из них, послушавшись

указующей стрелки, переступят порог магазина. Подумайте только: один шаг – и человек в наших руках. Он не выйдет обратно без покупки.

Действительно, мало кто из зевак у витрин устоял перед стрелкой («Обычно притягательную силу стрелки недооценивают», – проговорил Квота), направленной к ярко освещенному входу в магазин. Лишь те, кто раньше бросал взгляд на ручные часы, вынуждены были не без сожаления отказываться от заманчивого приглашения.

– Сколько уходят? – спросил Квота. – Едва ли двое из десяти. Они очень торопятся, но они еще вернутся. Ну, что я вам обещал? – обратился он к Бретту. – Таким образом, больше восьмидесяти процентов, сами того не подозревая, повинуются нам, отдаются в наши руки.

– Смотрите, смотрите, они тут же выходят из магазина! – тревожно воскликнул Бретт.

– В магазине висит объявление «Ремонт», – сказал Квота. – Для торговли не все еще готово. Я же вас предупредил, что сегодня хочу только ввести вас в курс дела. А теперь поступим, как они, – предложил он, сходя с тротуара. – Пойдем туда, куда зовет нас стрелка.

Они пересекли улицу.

– Разумеется, никаких дверей, – заметил Квота. – Открывать дверь – это уже к чему-то обязывает, человек может заколебаться.

Они прошли небольшой тамбур, где висело объявление о ремонте, коридор и оказались в ярко освещенном холле, куда тоже вела стрелка. Бретт поискал глазами пресловутый холодильник с педалями. Квота, улыбаясь, похлопал его по плечу.

– Не ищите, – сказал он. И снова повторил: – Терпение, терпение!

В огромном квадратном холле, облицованном плитками, обычно выставляли различные модели холодильников. Квота приказал их убрать. Вдоль одной из стен пустого холла шли задники витрин, а у другой было устроено шесть маленьких прихожих, которые вели в торговые залы. Над каждой прихожей была стрелка, но пять из шести прихожих вместе со стрелками были темные.

– Что случилось? – заволновался Бретт. – Пробки перегорели?

Только одна прихожая – шестая – была освещена очень ярко, а *giugno* ^[3], равно как и большая стрелка над входом в нее.

– Нет, – ответил Квота. – Это нарочно. Как только мы пройдем через освещенную прихожую, свет в ней сразу потухнет и зажжется в соседней. И загорится соответствующая стрелка. И так все по очереди. Таким образом, два посетителя не могут пройти сразу друг за другом в один и тот же салон, привлеченные, как бабочки, одним и тем же ослепительным светом.

Действительно, тамбур был хорошо освещен, холл освещен еще лучше, прихожая совсем ярко, а из открытой двери салона шло такое сияние, что вас невольно тянуло туда, и Квота пригласил всех последовать за ним. Пропуская своих спутников вперед, он слегка подталкивал каждого со словами: «Осторожно, не придерживайте дверь».

Как только они все переступили порог, дверь захлопнулась за ними, словно крышка люка.

– И вот покупатель в ловушке, в буквальном смысле этого слова, – проговорил Квота. – Он не сможет открыть дверь, она защелкнулась за ним, и он выберется из магазина лишь по прошествии известного времени. Но он не успеет насторожиться или забеспокоиться, так как услышит через громкоговоритель сказанную любезнейшим тоном фразу: «Вас обслужат сию минуту».

Напротив находилась еще одна дверь, застекленная, на ней крупными красными буквами

было выведено: «Вход воспрещен». Кроме того, полная темнота, разлитая за дверь, безусловно, отобьет охоту нарушить запрет даже у самых бесцеремонных покупателей.

Итак, они оказались в маленькой, похожей на чулан комнате – три метра на три, – очень загроможденной: там стоял один из шести автоматов, над которым висела – кстати сказать, криво – фотография пышной красавицы, приглашавшей нажать кнопку. А поперек щитка автомата красовалась табличка, гласившая: «Не работает». Перед автоматом помещался столик, заваленный альбомами и журналами, – один с фотографиями из светской жизни, другой спортивный, третий с голыми девицами, еще один с художественными репродукциями и, наконец, журнал научной фантастики. На соседнем столике возвышался какой-то странный агрегат с таинственным механизмом, а на совсем низеньком столике стояли две коробки – в одной беспорядочно навалены сигареты, в другой – конфеты. В стену, напротив автомата, было вделано огромное зеркало, к которому инстинктивно направилась Флоранс поправить прическу.

– Ну, а где же ваш педальный холодильник? – нетерпеливо спросил Бретт.

– Минуточку, и я в вашем распоряжении, – отозвался Квота. – Сейчас я кое-что покажу Каписте и нашим помощникам. Вы, Флоранс, тоже останьтесь здесь. Я скоро вернусь.

Квота вошел в дверь, на которой висела табличка «Вход воспрещен». Каписта с помощниками последовал за ним. В этом вновь оборудованном помещении, где стояли теперь кресла, письменный стол и демонстрационная модель холодильника «В-12», Каписта сразу узнал их бывший торговый зал, хотя здесь было темно и помещение стало меньше, так как устроили прихожую и отделили ее зеркалом – оно действительно служило перегородкой, но с этой стороны, из темноты, было прозрачным.

Сквозь эту перегородку Квота с помощниками и Капистой могли наблюдать за Флоранс и Бреттом, которые вели себя по-разному. Взбив перед зеркалом прическу, Флоранс принялась разглядывать странный агрегат, надеясь угадать, что это такое, а ее дядя тщетно старался поправить косо висевшую фотографию и нервничал, так как фотография снова сползала вбок. После третьей попытки он раздраженно пхнул ее и тоже принялся изучать агрегат, от которого отошла Флоранс. А Флоранс, несмотря на предупреждение, висевшее на видном месте, взялась теперь за ручку автомата. Возможно, чтобы проверить. И в руку ей упала шоколадка.

– Да он работает! – раздался ее возглас.

Флоранс из любопытства потянула второй раз ручку, но ничего больше не выпало, и она вспомнила, что автомат устроен с таким расчетом, что действует только раз. Потом она пересмотрела все марки сигарет в коробке, порылась в конфетах, взяла одну попробовать, рассеянно перелистала какой-то журнал, вернулась к автомату проверить, не заработал ли он за это время снова, но, ничего не получив, смирилась и снова взяла со столика журнал, просмотрела его, швырнула обратно, взяла второй, потом третий – с репродукциями – и принялась внимательно их изучать.

А в это время ее дядюшка упорно со всех сторон обследовал загадочный агрегат. Наконец он оставил его в покое, но не стал ни тянуть ручку автомата, ни просматривать журналы, он остановился перед зеркалом и, словно увидев тех, кто стоял там, с другой стороны, высунул язык. Но он просто пытался рассмотреть прыщик. Затем с озабоченным видом оттянул веко левого глаза.

– Хватит, – сказал Квота своим спутникам, которых развеселило это зрелище. – Мы уже достаточно нагляделись.

Он зажег свет, раскрыл дверь и пригласил Бретта с племянницей войти.

– Где же он? – спросил Бретт, оглядывая торговый зал.

– Кто? – слукавил Квота.

– Педальный холодильник.

– Он вас так интересуется?

– Но ведь... – недовольно буркнул Бретт.

– Попались на удочку, да? – насмешливо проговорил Квота.

– На какую удочку?

– На холодопедальную.

– Но в конце концов, черт побери, где же его можно увидеть?

– Кого?

– Да этот, провалился он пропадом, педальный холодильник! – завопил Бретт, и его лысина приобрела оттенок спелого помидора.

Казалось, Квота искренне удивился:

– Вы серьезно считаете, что он существует?

На лице Бретта гнев мгновенно сменился выражением глубокого разочарования.

– Значит, его нет?

– Ну, знаете, – возмутился Квота, – это уж слишком!

– От вас всего можно ждать, мало вы напридумали всякой чепухи, – проворчал Бретт. – А зачем же вы повесили в витрине...

Флоранс положила руку на плечо Квоте.

– Объясните нам наконец, для чего вся эта инсценировка?

– К вашим услугам, – ответил Квота. – Задавайте вопросы.

– К чему эта комнатка с автоматом и каким-то непонятным агрегатом...

Квота движением руки остановил ее и доверительно сказал:

– Ведь покупатель думает, что он там один, разве не так?

И в ответ на ее непонимающий взгляд Квота погасил в зале свет.

Сквозь прозрачное стекло освещенная комната была видна как на ладони. Флоранс вздрогнула.

– Но, но это же безобразие! – возмутилась она. – Значит, исподтишка будете за ними следить?

– Ох, избавьте нас от громких слов, – перебил ее Квота. – Мы же не собираемся разоблачать их семейные тайны или скрытые пороки. Впрочем, это зеркало с секретом – явление чисто временное. Позже отбор будет поручен фотоэлементу и мы не будем нуждаться в услугах человеческого глаза.

– Какой отбор?

– Ясно, покупателей, – сказал Квота, как о чем-то само собой разумеющемся.

– Хороших от плохих? – При этой мысли Флоранс даже рассмеялась.

– Плохих покупателей не существует, – возразил Квота.

– Черта с два! – воскликнул Каписта и тоже расхохотался.

– Есть плохие продавцы, – холодно заметил Квота, и смех застрял у Каписты в глотке. – Вы, друзья мои, рабы предрассудков. Например, что вы делаете, дорогой Бретт, чтобы в конце месяца узнать, кто из продавцов показал себя с лучшей стороны?

– То же, что и все. Сравниваем, кто сколько продал. Тот, кто продал больше, и есть лучший.

– Абсурд, – бросил Квота.

Его слушатели растерянно замолчали.

– Самый плохой способ, – презрительно продолжал Квота. – Надо, дорогой мой, подводить итоги не успехам, а неудачам. Чем, по-вашему, объясняются неудачи?

– Плохими продавцами, – сказала Флоранс.

– Неверно, – возразил Квота. – Плохими покупателями.

– Только что вы говорили обратное, – заметил Бретт.

– Ничего подобного. В чем состоит роль хорошего продавца? В том, чтобы обезвредить недостатки покупателя, которые мешают ему решиться сделать покупку. Но как же продавец сможет это сделать, раз он сам не знает этих недостатков клиента? А как он может их узнать, если предварительно покупателя в этой комнатке не подвергнут соответствующим тестам? – обратился Квота к своим помощникам. – А после того как характер покупателя станет нам ясен, мы пошлем ему не первого попавшегося продавца, как делалось до сих пор сеньор Каписта, – очевидно, просто по нерадивости, – а именно того единственного, чьи качества лучше всего соответствуют характеру покупателя. Понятно? Кита не ловят на червяка, а пескаря не бьют гарпуном, точно так же неврастеника не уговорит болтун, а робкого – молчальник. Цель этой комнатки в том, чтобы определить, к какому зоологическому виду относится тот или иной клиент, судя по его поведению, и таким образом мы узнаем, пескарь ли он или кит, должны ли мы его ловить на червяка или бить гарпуном.

– Но в таком случае, – неуверенно начала Флоранс, – если я вас правильно поняла, нам потребуется столько же продавцов, сколько будет покупателей.

– Совершенно верно, – подтвердил Квота.

– Значит, нам не хватит не только сорока двух человек, но даже двухсот пятидесяти двух!

– Хватит семерых, – отрезал Квота. – С коммерческой точки зрения психологические особенности человека сводятся к минимуму. В этой области все человечество фактически можно разделить всего на семь категорий. Наблюдение за посетителем через это зеркало поможет нам определить, к какой из этих категорий он относится.

Флоранс растерянно заморгала.

– Скажите, а я... в таком случае... только что... тоже попала в какую-то категорию?

– Безусловно, – подтвердил Квота.

– Я пескарь? – не без кокетства спросила Флоранс.

– Нет, скорее мартышка.

Флоранс побледнела.

– Чудеснейшая категория! – И Квота склонился перед ней в любезном поклоне. – Мартышка-покупатель – существо живое, любопытное, с хитринкой, однако с трудом сосредоточивает свое внимание и поэтому поначалу опасается попасть впросак, но в то же время, к счастью, достаточно умна, чтобы не заинтересоваться новинкой.

Стоит на него сердиться или нет? Но в душе Флоранс было даже приятно, что этот необычный человек дерзит ей. После короткого раздумья она решила рассмеяться вместе со всеми.

– Так на что же ловят обезьян в вашем зверинце? – спросила она.

– Их нет надобности ловить, – ответил Квота. – Они сами идут в капкан. Мартышка-покупатель без чужой подсказки найдет десятки доводов, чтобы убедить себя купить то, что ей захотелось. Лучшего клиента для магазина самообслуживания и желать нельзя. Он

обожает супермаркеты и с легкой душой спускает там все свои сбережения.

– Значит, в данном случае продавца вообще не требуется?

– Для мелких покупок – нет, назойливый продавец может только напортить. Но для дорогих – скажем, для холодильника, автомобиля – продавец необходим, чтобы в нужный момент пресечь последние колебания, ибо есть риск, что, затянувшись, они могут привести к неуместным критическим раздумьям. Но говорить продавец должен мало. Поэтому к покупателю-мартышке мы шлем продавца-карпа. А теперь займемся с вами, – обратился он к своим помощникам.

– Присутствующая здесь сеньорита только что великолепно продемонстрировала нам представителя категории мартышек. Для удобства я каждую из семи категорий называю именем какого-нибудь животного: мартышка, угорь, мул, павлин, куница, бык и робкая лань. Последняя – самая распространенная категория. Мы видели также прекрасный образец покупателя-быка.

– Кто же это? – удивился Бретт.

– Да вы, – сказал Квота. – Характеристика: нервен, раздражителен, упрям, знает чего хочет, и заставить его отказаться от своего желания трудно. А хочет он педальный холодильник, которого не существует. Нам же надо продать ему обычный холодильник. Если он почувствует хоть малейшее принуждение, он тут же заартачится и уйдет. Итак, к нему мы пошлем такого деревенского пастушка, который подгоняет быка хворостинкой. Бык одним ударом хвоста может сбить беднягу с ног, однако слабый паренек ведет животное туда, куда хочет, и у водопоя бык почувствует неодолимую жажду. Тут требуется спокойный, неразговорчивый продавец, словом нечто бесцветное и ничтожное.

– А куница? – с любопытством спросила Флоранс.

– Характеристика, – начал Квота, – жадность и нескромность. Сует свой нос всюду. Всюду ищет выгоду. Войдя в комнатку, первым делом кидается от столика к столику, все перетрогает, каждую вещь возьмет в руки, желая проверить, что за ней или под ней. Потом раскроет свою сумочку и, оглядевшись по сторонам, набьет ее конфетами и сигаретами, даже если сама не курит. Потом примется трясти автомат в упрямой надежде привести его в действие. Таинственный агрегат и висящая вкривь фотография ее не заинтересуют. Возможно, стащит один из журналов, скорее всего со светской хроникой. Ей мы пришлем продавца-лисицу, а тот повернет дело так, что она поверит, будто она сама отыскала запрятанную в углу наилучшую модель холодильника. С остальными категориями я познакомлю вас позже, – продолжал Квота, – но уже сейчас вы должны избавиться от прочно засевшей в вас привычки оценивать людей с моральной точки зрения в зависимости от ваших личных симпатий и антипатий, короче, вносить в дело чувство. Набейте себе руку, определяя коммерческую категорию каждого, с кем вы встречаетесь дома, у друзей, в любом месте. Сначала вы будете ошибаться, и часто. Будете принимать «лань» за «павлина», потому что у нее гордый вид, но помните, это напускное, от робости, будете смешивать «мула» и «угря», потому что его упрямство многообразно и противоречиво. Итак, главное – научиться классифицировать автоматически, чтобы это вошло в привычку, стало вашей второй натурой.

– Впрочем, – говорил Квота Флоранс, некоторое время спустя, когда они вдвоем сидели в кафетерии, куда он пригласил ее позавтракать и где он помогал ей распределять по категориям посетителей, – в будущем все будет упрощено. Я добьюсь того, чтобы каждый

гражданин Тагуальпы носил на видном месте в петлице знак своей категории. Давно бы пора сделать это для группы крови. Тогда отпадет надобность в комнате-ловушке, в испытании, не будет никаких колебаний. Он автоматически будет направляться к нужному продавцу для быстрого и безошибочного заключения сделки. Получится огромный выигрыш во времени для всех. Но пока это дело далекого будущего и путь к нему прегражден предрассудками. Итак, вернемся к насущным делам...

– Здесь, сеньоры, – говорил Квота, раздавая своим помощникам отпечатанную на машинке брошюру, – рассказано о реакциях каждой из семи категорий, которые были подвергнуты нами испытаниям в лабораторных условиях. Вы обязаны выучить их наизусть. Начните, конечно, с наиболее простых: уже после первых секунд наблюдений вы имеете некоторое представление о человеке. Если, к примеру, покупатель, попав в «ловушку», сразу же не делает попытки, пусть даже мимолетной, поправить висящую криво фотографию, значит, он наверняка либо «куница», либо «угорь». И напротив, покупатель, который хотя бы ради интереса не пробует тянуть ручку автомата, может быть только «ланью» или «быком». Вряд ли стоит говорить о притягательной силе зеркала для «павлина», таинственного агрегата для «мартышки» и т. д...Как вы сами понимаете, совокупность различных реакций позволит вам совершенно точно определить категорию, к которой принадлежит наблюдаемый. Вероятность ошибки минимальна. Следовательно, вы можете смело направить к клиенту продавца соответствующей категории, которую, в свою очередь, помогли нам установить его ответы на предложенные мною тесты. На сегодня, сеньоры, достаточно. На следующей неделе мы перейдем непосредственно к самой торговле. Желаю вам хорошо провести вечер.

– Итак, запомните, сеньоры, – говорил Квота своим ученикам при следующей встрече, – после того как определена категория клиента, следует не столько играть на особенностях его характера, сколько вытеснять их с целью получить в чистом виде атавистический инстинкт приобретения и таким образом превратить его в неодолимую силу. У покупателя, когда он переступает порог магазина, потребность эта приглушена множеством сомнений. Но не забывайте, что в каждом покупателе, даже самом нерешительном, заложено неосознанное, но могучее желание поддаться уговорам. Роль продавца – освободить клиента от мешающих ему тормозящих сил, пустив в ход психологические автоматизмы.

– Нового я здесь ничего не придумал, – скромно продолжал Квота, – любая торговля, удачная или неудачная, построена на изложенном выше принципе. Я лишь систематизировал эти автоматизмы, распределил по категориям для того, чтобы использовать их с математической точностью, не полагаясь, как это принято сейчас, на несовершенное чутье продавца. А сам принцип остается неизменным. Любая продажа – это операция, состоящая из пяти классических этапов, и это в равной степени относится и к мелкому галантерейщику, который хочет всучить вам катушку ниток, и к крупному дельцу, продающему океанские суда. Вот они эти этапы: первый – уничтожить барьеры, иными словами, уничтожить препятствие, разделяющее двух незнакомых людей, и сделать первые шаги на пути к контакту. Наипростейшие способы здесь самые верные: предложить стул, угостить сигаретой, аперитивом или даже просто приветливо улыбнуться. Второй: необходимо добиться единомыслия, по какому поводу – неважно. «Жуткая погодка, не правда ли?» – «Да, отвратительная». Этого «да» вполне хватает, вы уже соучастники, сообщники, и можно не опасаться, что клиент уйдет преждевременно. Третий: пробудить инициативу – вот самый главный пункт, но и самый щекотливый. Когда у вас, сеньорита Флоранс, появляется желание купить себе новое меховое манто, разве вы об этом заявляете напрямик?

– Конечно, нет, – рассмеялась Флоранс.

– Однажды вечером вы начинаете покашливать, не слишком сильно, но упорно и до тех пор, пока ваш дядя не забеспокоится и не упрекнет вас в беспечности, в том, что вы слишком легко одеваетесь. А отсюда недалеко и до мысли о новом манто.

– Вот оно что! Значит, ты вовсе не была простужена? – воскликнул Бретт.

– Была, дядюшка, была. – И Флоранс поцеловала дядю под общий смех учеников Квоты. – Может, не так уж сильно, но и в самом деле я немножко кашляла.

– Безошибочный прием – заставить противника стрелять первым. А теперь четвертый: разжечь желание, но это уже детская игра.

После небольшого молчания Квота, улыбнувшись, добавил:

– Однако не будем и преуменьшать мой вклад. До меня все эти пять этапов валили в кучу, этим и объясняется огромное количество неудач. Я же установил для каждого этапа ряд рефлексов, которые требуется вызвать у клиента и которые не дадут ему возможности сопротивляться или ускользнуть. Они перечислены по порядку на этих вот страницах.

Квота вручил шестерым своим помощникам, Флоранс, Бретту и Каписте брошюры, в которых в согласии с семью категориями приводились примерные диалоги между продавцом и покупателем.

Боясь нагнать скуку на читателя нашего повествования, мы не приводим списка всех восьмисот семидесяти пяти вопросов и ответов. Любопытный читатель сможет, если захочет, изучить эту брошюру, находящуюся в Национальной тагуальпекской библиотеке, адрес ее: Хаварон XV, бульвар Президента Боонена, 1100, где она свободно выдается читателям...

Свой урок Квота закончил следующими словами:

– Когда вы сами вызубрите этот научный труд, каждый из вас передаст свои знания семерым продавцам, находящимся под вашим началом, причем каждый из них, естественно, обязан знать лишь то, что касается его категории. Когда самый бездарный из наших продавцов будет в состоянии повторять их, как магнитофон, задумываясь лишь на две десятые секунды, не больше, когда, одним словом, он будет ставить вопросы и давать ответы так же механически, как он ходит и дышит, тогда мы перейдем к некоторым опытам *in vitro* [\[4\]](#), а потом уже внедрим их в жизнь, то есть в практику нашей торговли. Благодарю за внимание, сеньоры.

Тем временем каждый из сорока двух продавцов, отобранных за хорошую память, глупость и безличность, были, в свою очередь, в зависимости от их преобладающих свойств причислены к одной из семи категорий, и Квота тоже окрестил каждую категорию именем какого-нибудь животного: продавец-каarp, продавец-попугай, продавец-леопард, продавец-крот, продавец-лисица, продавец-цапля, продавец-сокол. Затем в течение пяти недель их усиленно тренировали, добиваясь от них чисто механического усвоения ста двадцати пяти вопросов и ответов своей категории, которые они подавали бы не задумываясь, с автоматизмом кибернетической машины. Ко дню испытания *in vitro* они, казалось, были натасканы безукоризненно.

Из чувства товарищества Флоранс не захотела сидеть сложа руки. Она много потрудилась, чтобы наравне с продавцами освоить метод Квоты и стать настоящим экспертом. Бретт считал, что он слишком стар для всех этих новшеств. Да и Квота находил, что для директора фирмы это вовсе не обязательно. На Каписту он тоже не стал оказывать давления. Вначале тот относился к этому методу с полнейшим скептицизмом, за которым легко угадывалось скрытое опасение, что новая система, не дай бог, себя оправдает. Но после одного случая, о котором будет рассказано ниже, Каписта скрепя сердце признал ее ценность и тоже взялся за работу.

Настал день первых опытов, и Квота собрал своих помощников.

– Сегодня утром, – начал он, – мы на несколько часов откроем витрины. Впустим в магазин первых клиентов, а когда они очутятся в «ловушке», будем все вместе их изучать. Вы сами отнесете каждого к соответствующей категории. Выберите подходящих продавцов. Укрывшись в нише торгового зала, мы будем наблюдать за ходом торговли. А затем обсудим и оценим наши первые опыты.

Для Бретта это был час волнений и страхов. Наконец-то можно будет на практике проверить, насколько эффективен новый метод, и тогда все воочию увидят, что оно такое: гениальное ли открытие или наглый обман. Все его тревожило, и прежде всего безнадежная тупость продавцов, которая, хоть он и старался переубедить себя в обратном, никоим образом не может служить залогом успеха вопреки уверениям Квоты.

– Но все же с авторучкой придумано не очень остроумно, – твердил он. – Если требуется с такой точностью определить именно ту минуту, когда ее следует протянуть клиенту...

– Это не труднее, чем поцеловать женщину, – перебил его Квота. – Она отворачивается, потом на секунду подставляет губы, снова от вас ускользает... Такие вещи угадываются сами собой, для этого университетов кончать не нужно.

– Пусть, – настаивал Бретт, нервно дергая носом, – но я все время думаю, какие эти кретины несчастные, которых вы отобрали...

– Вот именно, вот именно, думать ни к чему, – сказал Квота. – Голова нас всегда губит. Да и в любви тоже...

Но переубедить Бретта ему так и не удалось.

– А вы-то сами ими довольны? – снова пристал Бретт, когда на витринах с глухим шорохом поднялись металлические жалюзи.

– Пока механика их мышления еще слишком человеческая. Нам не удалось полностью подавить в них способность думать. Но постепенно мы этого добьемся.

Флоранс услышала эти слова, и у нее впервые мелькнула мысль, что во всем этом есть что-то недостойное. Только мелькнула, только ветерок возмущения пронесся в ее душе, возмущения этим беспредельным, подчеркнутым презрением к людям, но это длилось всего миг, и она даже не успела насторожиться, так как прозвенел звонок и Квота воскликнул:

– Ого, несмотря на ранний час, клиент уже есть! Видите, нам дал знать о нем фотоэлемент. Потушите свет. Наблюдайте за «ловушкой».

Сквозь фальшивое зеркало видно было, как в «ловушке» ярко вспыхнул свет. Дверь была распахнута. И почти сразу же, стремительно, как будто его подтолкнула светящаяся стрелка и всосал свет, из прихожей появился мужчина. Не успел он переступить порог, как дверь за ним захлопнулась, словно от сквозняка. Одет он был то ли в форму, то ли в ливрею.

– Да это же Эстебан! – изумленно прошептала Флоранс.

Так звали швейцара, которого приставили встречать посетителей. Когда за ним захлопнулась дверь, он вздрогнул и попытался было ее открыть, но тщетно. Громкоговоритель в это время прогнусавил: «Вас сию минуту обслужат». Но это, видно, его не успокоило, и он с растерянным и озабоченным видом стоял, почесывая затылок.

– Зачем он явился сюда, почему ушел со своего поста? – возмутился Бретт.

Он сделал шаг к двери. Квота попытался его удержать.

– Подождите, он же не виноват...

Но Бретт уже распахнул дверь в «ловушку».

– Какого черта вам здесь надо?

– Я, наверно... ошибся дверью, сеньор директор, – пробормотал Эстебан. – Я заблудился.

– Проработав здесь пятнадцать лет? – насмешливо спросила Флоранс.

– Да повесили здесь всяких стрелок, – защищался швейцар. – Как тут не сбиться с толку, сеньорита.

К ним подошел Квота.

– А может, у вас просто появилось желание посмотреть педальный холодильник? – спросил он с ласковой усмешкой.

– По правде сказать... – запинаясь, начал Эстебан и вдруг залился краской, – я подумал... взгляну одним глазком... просто, чтобы знать...

– Не оправдывайтесь, старина, это совершенно естественно.

Квота фамильярно взял его за руку и повел в торговый зал. Там он уселся на край письменного стола и, покачивая ногой, сказал:

– Вам нравится ваша работа? – И, не давая Эстебану ответить, продолжал: – Если вы хотите остаться у нас, вам нельзя будет так часто отлучаться со своего поста.

– Разве я отлучаюсь? – запротестовал швейцар. – Да, никогда...

– Неправда, я же вижу, вы постоянно играете во дворе с другими швейцарами в пулиш. (Тагуальпекская игра в шары.)

– Так это, когда никого нет. Я же не во вред...

– Правильно, до сих пор это было не во вред, – добродушно согласился Квота, покачивая ногой. – Но теперь все переменится, – неожиданно резко добавил он. – И вам, Эстебан, придется работать, не щадя сил.

– Как так? – с опаской спросил тот.

– Сколько вы сейчас получаете?

– Четыреста песо в месяц.

– А будете получать тысячу, – пообещал Квота.

– Тысячу? – У Эстебана даже дух захватило.

– Тысячу? – переспросил Бретт сдавленным голосом и сделал шаг в направлении Квоты.

– Со временем можете рассчитывать и на большее, – спокойно сказал Квота.

Бретт побледнел, раскрыл было рот, но не смог вымолвить ни слова. Эстебан застыл, как соляной столб.

– Естественно, при условии, – продолжал Квота, словно не замечая реакции окружающих, – если вы распрощаетесь со своими шарами.

– А что же мне придется делать? – убитым голосом спросил Эстебан.

– Выполнять вашу обычную работу: провожать покупателей. Просто их будет гораздо больше.

– Намного больше? – удрученно поинтересовался Эстебан.

– Гораздо больше, чем вы можете себе вообразить, – ответил Квота.

Швейцар вытаращил на него глаза.

– И поэтому покупатели не должны задерживаться. К сожалению, они склонны к пустой болтовне, что объясняется их восторженным состоянием после покупки. Ваша задача – не допускать этой болтовни.

– Только «здравствуйте» да «прощайте»? – огорченно спросил Эстебан.

– Даже без «здравствуйте» и «прощайте», – возразил Квота. – Это уже поощрение. Они получают свою порцию улыбок и вежливых слов в торговых залах, во время покупки. Лишние слова при выходе – зря потерянное время, а главное – могут создаться пробки и замедлиться темп. Понятно?

У Эстебана пересохло во рту, и он молча кивнул.

– Ну, а теперь, старина, можете идти.

Но Эстебан после краткого колебания робко спросил:

– А можно мне на него взглянуть хоть одним глазком?

– На что взглянуть? – поинтересовался Квота.

– На pedalный холодильник. Раз уж мне теперь повысят жалованье и если это не слишком дорого...

– Великолепная идея, – сказал Квота. – Вы, разумеется, систематически занимаетесь спортом...

– Ну... играю в пулиш, по воскресеньям иногда езжу на рыбалку...

– У вас есть справка?

– Какая такая справка?

– От врача. Во избежание неприятностей со стороны сердца.

У Эстебана вытянулось лицо.

– Ведь придется крутить и крутить педали, особенно в жаркое время, – объяснил Квота. – Ладно. Мы еще вернемся к этому позже. А сейчас ступайте, тем более кто-то входит.

И впрямь, звонок объявил о новом покупателе. Квота потушил свет в зале и вытолкнул Эстебана. Сквозь стекло было видно, как в «ловушке» словно втянутый яркими лучами света появился высокий, уже начинающий полнеть мужчина. Когда за ним захлопнулась дверь, он удивленно оглянулся. «Вас сию минуту обслужат», – прогнусавил громкоговоритель.

– Да это же генерал Перес! – шепнула Флоранс дяде.

– Ну да, он как раз собирался зайти ко мне по поводу этих чертовых акций! – разочарованно сказал Бретт.

– Так вы его знаете? – спросил Квота.

– Увы, немножко, – вздохнул Бретт. – Ладно, я сейчас уведу его к себе, а потом вернусь к вам. Продолжайте без меня.

– Уведете? Да ни за что на свете! – остановил его Квота. – Во всяком случае, не раньше, чем он купит холодильник.

– Но это же не клиент, а совсем наоборот. Это кредитор, да еще какой цепкий!

Квота спокойно возразил:

– Вряд ли это послужит помехой.

И, обращаясь к своим помощникам, добавил:

– Раз он попался в «ловушку», значит, в каком-то уголке его мозга засел холодильник. Наша задача – извлечь этот холодильник. Наблюдайте за ним, сеньоры.

Но генерал Перес застыл посередине комнаты, он стоял вытянувшись, словно аршин проглотил, и лишь один раз взглянул на свои часы.

– Ого! – воскликнул Квота.

Посетитель явно не желал ничего замечать: ни зеркало, ни автомат, ни висевшая косо фотография, ни журналы, ни сигареты, ни даже странный агрегат – ничто его не заинтересовало. С недовольным видом он постукивал носком туфли по полу. Затем откусил заусеницу на пальце и снова посмотрел на часы.

– Великолепно. Начале прекрасное, – сказал Квота. – Какая категория?

– Категория мулов, – ответил один из помощников.

– Правильно. Определение?

– Звериное упрямство, тупое недоверие, глупейшая заносчивость, дух противоречия.

– Правильно. Метод?

– Вызвать отвращение к педальному холодильнику. Разжечь любопытство к холодильнику обыкновенному. Тем не менее продолжать настаивать на педальном, чтобы он решил, будто его хотят надуть. Дать ему поупрямиться. Задеть самолюбие. Некоторое время не сдавать свои позиции. Уступить лишь в последний момент.

– Правильно. Кого мы к нему вышлем?

– Продавца-крота.

– Правильно. Почему?

– Крот должен действовать весьма осторожно и ни словом не выдать своих намерений.

– Очень хорошо. Так кого же именно?

– Меня! – предложила Флоранс.

Квота удивленно взглянул на нее.

– Дайте мне этого человека, – настойчиво молила она. – Я должна ему отомстить. Я сумею сыграть роль продавца-крота.

– А ты уверена... – начал Бретт.

– Посмотрим. – Квота улыбнулся: – Валяйте! Вы все помните?

– Все восемьсот семьдесят пять вопросов и ответов, – подтвердила она и тоже улыбнулась.

– Для мула достаточно и семидесяти. Но вы сумеете найти нужные и сохранить темп?

– Надеюсь, – сказала она. – Спасибо...

Она вошла в «ловушку». Бретт, Квота и все прочие втиснулись в небольшую нишу в торговом зале, откуда они могли все слышать, сами оставаясь незамеченными.

Флоранс, а за ней и генерал вошли в зал. Флоранс зажгла свет.

– Дядя сейчас придет, – сказала она, предложив гостю сесть в кресло. – Сигарету?

- Спасибо, не курю.
- Немного виски? Вермута?
- Может, у вас найдется перно?
- Сейчас посмотрю. Хорошая погода, не правда ли?
- Да. Настоящая весна.

Флоранс открыла дверцу холодильника.

И тут же в зале раздались звуки военного оркестра, задрожали стены, задребезжали стекла в окнах.

– Неужели это холодильник поднял такой шум? – спросил генерал, и лицо его выразило удивление.

– Да, наша новая модель. В него вмонтирован проигрыватель. Если хотите, он может сыграть Моцарта.

Она захлопнула дверцу, и музыка прекратилась.

– Столько? Достаточно? – спросила Флоранс, доливая воду в стакан с перно.

– Хватит, хватит, спасибо. Надеюсь, ваш дядя не задержится?

– Нет, конечно. Вы видели наши витрины?

– Да, мимоходом, – равнодушным тоном ответил Перес. – А что это за педальный холодильник? Он действует при помощи педалей?

– Совершенно верно.

– Можно на него взглянуть? Я подумал было, что мой денщик... парень целый день бездельничает...

– Великолепная мысль, – согласилась Флоранс. – Если вы не боитесь запаха солдатского пота...

– Ах, так. Разве это трудно?

– Естественно. Тем более в жару. Кстати, без справки...

– Какой справки?

– Медицинской. Уже бывали несчастные случаи...

– Да-а... – протянул генерал.

Неожиданно послышался легкий присвист и затем какой-то звук, словно кто-то чихнул.

– Будьте здоровы, – сказал генерал.

– Это не я, а холодильник, – проговорила Флоранс. Она раскрыла дверцу и нажала внутри на какую-то кнопку. Холодильник снова чихнул.

– Играет на трубе да еще и чихает, – рассмеялся генерал. – Того гляди, заговорит! А почему это вдруг запахло сосной?

– Хлорофилл, – пояснила Флоранс. – Избыток газов превращается в дезодоратор. В него вделана электронная ноздря: она чихает, как только, скажем, запах капусты превышает норму.

Флоранс заставила аппарат чихнуть еще несколько раз подряд. Генерал встал. Он подошел к холодильнику, склонился над ним, но Флоранс положила руку ему на плечо и предложила:

– Пойдемте, генерал, посмотрим наш педальный холодильник.

Перес отстранился и холодно проговорил:

– Может быть, вы все-таки разрешите мне посмотреть?

Он снова нагнулся. Флоранс направилась к двери. И тут же в холодильнике послышался грохот, словно заработала аэродинамическая труба. Генерал отпрянул.

– Хм! А это что включилось?

– Пустяки. Кондиционированный воздух. Хватает на две-три комнаты. Пойдемте же, – настаивала она.

– Разрешите? – повторил Перес, и в тоне его послышались ледяные нотки. – Если вы не возражаете, я получше ознакомлюсь с этим холодильником. По-моему, он недурен.

– Но, видите ли... он-то как раз... – начала Флоранс, но тут же осеклась.

– Что вы хотели сказать?

Флоранс подошла к генералу.

– К сожалению, эта модель не поступает в продажу.

Перес поднял голову. Флоранс пояснила:

– Он предназначен для военных, сеньор генерал.

Перес выпрямился и раскрыл было рот, но Флоранс опередила его:

– Я хочу сказать – для военных ведомств. Частным лицам мы его продать не можем.

– Генерал не частное лицо, – отрезал Перес. – Странное все-таки у вас представление...

– Я хочу сказать, – поспешила добавить Флоранс, – что мы не имеем права доставлять такие холодильники на частную квартиру. Они предназначены только для учреждения.

– А кто помешает мне дать адрес войсковой столовой, а затем забрать его себе?

– Но это же подсудное дело, генерал. Холодильник продается ниже себестоимости. Нет, нет, забудьте о нем. Еще чуточку перно?

– Капельку, только самую малость, – буркнул генерал.

Он погрузился в мрачное раздумье.

– Все-таки это возмутительно, – он хлопнул себя по колену, – чтобы генерал, командующий военным округом...

– В таком случае, – сказала Флоранс, – надо, не мешкая, браться за дело.

– Не мешкая? – удивленно переспросил генерал.

– Ну да, чтобы успеть забронировать его для вашего ведомства. Ведь эту модель больше не выпускают, мы слишком много на них теряли. Я даже не знаю, сколько их вообще осталось.

Но в остриженной бобриком голове генерала мысль работала только в одном направлении.

– А проигрыватель вмонтирован во все холодильники? – спросил он.

– Нет. Для армии мы поставляем без проигрывателя. И без запахауловителя, конечно.

– Ну, а мне вы доставите и с тем и с другим?

– Но, генерал, я же вам твержу...

Генерал жестом показал, что не желает слушать никаких возражений.

– Запишите адрес: генеральный штаб седьмого округа, казарма Боливар. Расписку получите в канцелярии.

– Но, генерал, у нас же будут неприятности...

– Ваше дело выполнять то, что я вам говорю, – раздраженно оборвал он.

Флоранс упрямо гнула свою линию:

– А вдруг кто-нибудь проболтается...

– Неужели недостаточно моего слова солдата? – вышел из себя Перес.

И Флоранс вдруг уступила:

– Ну, в таком случае... К тому же мне приятно оказать вам услугу. Распишитесь вот здесь, генерал.

«Мул» взял у нее ручку, бланк заказа и с нескрываемой радостью поставил свою подпись.

О цене он даже не спросил.

Флоранс стоило огромного труда отделаться от генерала.

– Холодильник должен быть у меня до воскресенья, – властно настаивал он. – Я жду к обеду министра с супругой. Он любит музыку, и моя жена наверняка захочет показать им...

Когда наконец Флоранс удалось сплавить Переса Эстебану, она от восторга чуть было не бросилась без всякой задней мысли на шею Квоте, но вспыхнула и ограничилась тем, что в обе щеки расцеловала дядю.

Возбужденный Бретт радостно воскликнул:

– Грандиозно! Даже о своих акциях забыл!

Квота же ограничился кратким замечанием.

– Для начала – неплохо. Вы засекли время? – спросил он своих помощников.

– Три минуты, десять и одна пятая секунды.

– Многовато, многовато, – сказал Квота.

Он улыбнулся Флоранс:

– Но для вас это прекрасно. Ведь вы же не типичный продавец-крот. А вот и еще один покупатель.

Им оказалась низенькая женщина с острым личиком, одетая в черное. Она так бойко порхала от одного предмета к другому, что за ней трудно было уследить. Она нажала одной рукой на рычажок автомата, а другой, глядя в зеркало, поправила волосы, а потом, делая вид, что поглощена изучением таинственного агрегата, украдкой схватила горсть конфет. И все в том же духе. Ее сразу отнесли к категории «угрей» и послали продавца-цаплю.

Вначале все шло как по писаному. Она собиралась подарить мужу педальный холодильник. «Прекрасное упражнение для ног, к тому же и брюшко сгонит», – пошутила она, но, узнав, что это грозит сердечным приступом, тут же отказалась от своей идеи. И всякий раз, когда она пыталась скрыться в траве, продавец-цапля, словно подталкивая ее клювом, вызывал на новый разговор, то вынуждая ее отвечать на щекотливые вопросы («Меня еще вполне устраивает мой холодильник». – «А какого года выпуска ваше старье?»), то пробуждал в ней протест («Хорошо, я подумаю». – «Ах вот как, значит, у вас все решает муж!»), не давая в ней остыть желанию приобрести новейшую модель холодильника. Но в тот момент, когда желание достигло кульминации и она нетерпеливо выхватила из рук продавца ручку, произошла осечка: ручка оказалась баз чернил.

Покупательница протянула ручку продавцу, чтобы тот наполнил ее чернилами, но пыл уже остыл, желание осело, как безе, которое передержали в духовке. Она обвела взглядом комнату и, словно очнувшись, пробормотала: «Скажите... а сколько он стоит?» После этого ее уже невозможно было удержать никакими силами. «Нет, нет, это вовсе не так дешево, как вы пытаетесь убедить меня». И поспешно вскочила. «Зайду потом. Я еще подумаю. Извините за беспокойство».

– Вы сделали это нарочно? – спросила Квоту Флоранс.

– С ручкой-то? Конечно... Просто я хотел вам доказать, что я ничего не преувеличивал, когда говорил: надо успеть подсунуть ручку в момент наивысшего накала, ибо здесь решают секунды. Погасите огонь под кастрюлей с молоком, которое уже закипает, и оно не только не убежит, но сразу же опустится.

– И конечно, нет никакой надежды, что эта женщина снова вернется?

– Никакой, – подтвердил Квота. – Что сорвалось, то сорвалось бесповоротно. Но сейчас, выйдя на улицу, она уже раскаивается. И в таком состоянии она, пожалуй, кинется к нашему конкуренту милейшему Спитеросу, благо его магазин напротив и выиграет на этом деле только он.

– Так какого же черта вы выпустили ее из своих рук? – сердито буркнул Бретт.

Но тут раздался звонок. Явился новый покупатель.

– Ну что, будем продолжать? – спросил Бретт, и в голосе его прозвучали разочарованные, даже подозрительные нотки.

– Дорогой Бретт, – сказал Квота, – вы принадлежите к той категории пессимистов, которые, увидев, что с бойни сумела улизнуть одна-единственная свинья, сразу теряют веру в преуспеяние Чикаго. Но хватит болтовни. Тушите свет, и будем наблюдать.

Почти сразу же в «ловушку» вошел маленький человечек в черном костюме.

– Да это же отец Эспосито, честное слово! – прошептала Флоранс.

Антонио Эспосито был основателем одной из многочисленных ведущих между собой беспощадную борьбу сект, которые возникли в Тагуальпе после Конвенции о религиозной терпимости. Каждый из руководителей сект имел свой собственный приход, и фирма «Фрижибокс» находилась в приходе пастора Эспосито, который ежемесячно являлся получать дань для своей благотворительной столовой. Его боялись как чумы.

Однажды, было это месяц назад, когда Квота разъярял Флоранс и Каписте (тот еще продолжал держаться настороженно) некоторые детали своего метода, на пороге неожиданно появился швейцар Эстебан и, как-то странно жестикулируя, словно говоря, что он, мол, бессилён, впустил пухлого человечка в сюртуке с детским личиком, обрамленным седыми волосами, и с таким уничиженным видом, который уж никак не вязался с тем упорством, с каким он рвался в кабинет.

Никто не мог устоять против мягкой настойчивости отца Эспосито. Через пять минут все имеющиеся у Каписты деньги перешли в руки посетителя. И Каписте было вдвойне обидно, тем более что Квота издали наблюдал за ним с оскорбительной усмешкой.

– Посмотрел бы я на вас... – сказал ему Каписта, когда пастор удалился.

– Сколько угодно, – ответил Квота. – А что вы скажете, если я не только не пожертвую ни гроша на его паству, но и продам ему холодильник?

– Держу пари, ничего не выйдет, – возразил Каписта.

Но в глубине души он уже не сомневался, что Квота сумеет добиться и этого. Именно с тех пор он и принялся всерьез вместе с прочими изучать метод Квоты.

Сейчас взгляды всех были устремлены на святого отца, который смиренно стоял в освещенной «ловушке».

– Ну и денек выдался! – воскликнула Флоранс.

– Сегодня же первое число, – улынулся Квота.

– Так вы знали, что он придет? – удивилась она.

– Догадывался. Не забывайте, что я должен выиграть пари. Какой категории? – спросил Квота у своих помощников.

Бретт с изумлением посмотрел на него:

– Неужели вы надеетесь продать ему холодильник? Да он же гол как сокол.

– Он уже пошел по пути, указанному стрелками. Значит, мечтает о холодильнике, пускай это и безумие с его стороны, – возразил Квота. – А раз так, то он у нас купит холодильник, если даже ему придется залезть в долги по самое горло. Какой категории? – повторил он

свой вопрос.

А Эспосито тем временем суетился в «ловушке», он, видимо, горел желанием все потрогать, но, ни к чему не решаясь прикоснуться, делал какие-то движения и тут же спохватывался. Сначала он хотел поправить висевшую криво фотографию, но при виде пышной декольтированной красавицы отдернул руку. Потом наблюдатели увидели, что он потянулся было к сигаретам, однако взять ни одной не осмелился, достал собственную пачку, вынул сигарету, но, не в силах побороть робости, так и не закурив, засунул ее обратно в пачку, а пачку положил в карман.

– Категория «лань», – сказал один из помощников Квоты.

– Правильно, – согласился тот. – Весьма распространенное животное – робкое, застенчивое, скромное, охотиться на него не трудно, более того, упоительно прекрасно, однако при одном условии – надо иметь хорошие легкие, иначе его не загонишь. Беззащитное, но может вымотать окончательно. Тут требуется продавец-леопард, напористый, любезный, разговорчивый, и цель у него одна: не дать лани скрыться. Никогда покупатель-лань не осмелится уйти из магазина с пустыми руками, особенно если несчастный продавец лезет из кожи вон, обливается потом и теряет на него столько времени. По-видимому, дражайший Бретт, придется прибегнуть к вашим услугам, будьте готовы по первому зову прийти мне на помощь. Пошли.

Квота попросил всех остаться в нише, зажег свет и раскрыл дверь в «ловушку».

– Заходите, милости прошу, – пригласил он отца Эспосито. – Простите, что я заставил вас ждать, но столько дел...

Он взял шляпу пастора, повесил ее на вешалку и, пыхтя, стал выдвигать из угла тяжелое кресло.

Отец Эспосито, поняв, что произошло недоразумение, попытался его рассеять.

– Не надо, не надо, не утруждайте себя, сын мой. Вы меня не знаете, я пастор Эспосито, основатель секты «Святые когорты прогресса». Ваш щедрый директор, – пастор порылся в карманах, вынул несколько брошюрок, полистал их, – первого числа каждого месяца жертвует нам небольшую сумму...

Он отыскал среди своих брошюрок альбомчик с фотографиями и сунул Квоте. Тот сделал вид, что рассматривает его.

– Современная социальная секта, – пояснял отец Эспосито. – Ее цель – объединить веру с самыми передовыми идеями общества. Отнюдь не чуждаясь науки и промышленности...

– Понятно, понятно, – прервал его Квота. – Ну и как, они в порядке?

– Кто они? – спросил сбитый с толку Эспосито.

– Да ваши когорты?

– Как я уже вам изложил, сын мой, ваш щедрый директор...

– Ясно. Прощу вас, сядьте. Нет, нет, зачем же на жесткий стул...

Квота придвинул пастору глубокое мягкое кресло и усадил его, ласково придавив плечи служителя культа. Бедняга утонул в мягком сиденье, попытался было встать, но тщетно – его удерживала дружеская, но твердая рука Квоты.

– Не надо, сын мой, не надо, вы так заняты, а я пришел, чтобы... – запротестовал было отец Эспосито.

– Весь к вашим услугам, – прервал его Квота. – Вы, кажется, курите? Да, да, курите. Сигару? Вы ведь тонкий ценитель...

Он взял толстую «гавану» и заткнул ею, словно пробкой, полуоткрытый рот пастора,

который собирался отказаться от угощения. Потом щелкнул зажигалкой, протянул ее пастору и, когда тот закурил, сунул зажигалку ему в карман.

– Сувенир. На память. Не отказывайтесь, прошу вас, вы доставите мне огромное удовольствие. Но поговорим о вас. Если я правильно понял, наш директор интересуется вашими благотворительными делами?

– Совершенно верно, – горячо подтвердил пастор. – И всегда по первым числам, как я вам уже говорил, он...

– На благотворительные обеды, по-видимому? – спросил Квота. – Вы устраиваете благотворительные обеды для бедняков?

– Совершенно верно, совершенно верно, – подтвердил святой отец.

– А в такую жару у вас не портятся продукты? Ваш ледник вас удовлетворяет?

– Простите?

– Я спрашиваю, не подводит ли вас ваш ледник?

– Ах, ледник... – пролепетал отец Эспосито. – Видите ли, мы набиваем его льдом только по пятницам... из-за рыбы... А в остальное время... мы ведь не богаты, а лед стоит денег...

– Неужели вы хотите сказать, – воскликнул Квота, – что ваша кухня оборудована только старым ледником, каким пользовались еще наши прабабки? Я тоже не богат, но я на личном опыте убедился, что иногда экономия обходится чересчур дорого: тухнет мясо, скисает молоко...

– Как-то приноравливаемся, – смущенно ответил святой отец. – В общем-то, мы мало что выбрасываем...

– Ясно, ясно, – прервал его Квота. – Мясо промалывается, делаются тефтельки, кости идут в суп. Но случись хоть раз небольшое отравление, и санитарная инспекция от вас не отстанет. Наша фирма обязана вам помочь... Дайте мне подумать... Вы видели педальный холодильник?

– Нет... То есть... видел ваши витрины... – И бедняга пастор, покраснев, торопливо добавил: – Но пока что я и думать не могу...

– Понятно. Хотя, если крутить педали будут ваши нищие, холодильник очень скоро окупится, так как вы сэкономите на покупке льда.

– Вот как? – спросил пастор.

– Конечно, при условии, если ваши подопечные – люди спортивные, хорошо натренированные. Есть, правда, одна опасность – в один прекрасный день они заявят, что это, мол, их утомляет, и покинут вас или еще хуже – вдруг у кого-нибудь случится сердечный приступ. Что тогда делать? Нет, поразмыслив, я пришел к выводу, что вам нужен холодильник вот такого типа, – сказал Квота, подходя к модели «В-12», – но только большего размера. В нем можно законсервировать египетскую мумию, и рыба даже не первой свежести будет благоухать как роза. Не говоря уже о хлорофилле, уничтожающем дурные запахи, и газе против гнилостных бактерий. Полностью демонтируется. Сейчас я вам покажу. Во-первых, дверца. – Не переставая говорить, Квота снял дверцу с петель и, шатаясь от тяжести, пронес ее через зал и положил на стол.

– Не надо, сын мой, я не хочу... – пробормотал пастор, приподнимаясь, но Квота все тем же приемом усадил его обратно.

– Ничего, ничего, святой отец, это мне даже приятно. Прежде чем решиться, нужно изучить все в подробностях... а вот блок агрегата. Я сниму пиджак, не возражаете? Сперва вы вытягиваете вот этот стержень, потом штифт. Затем, стоит только чуть засунуть руку и...

немного... голову... вот и все. Мотор тяжеловат, на материал не поскупились, но можно без особого труда... вынуть все... а теперь... рассмотрите его как следует, – сказал Квота, поднося мотор к столу. – Ой! – вскрикнул неожиданно он, потряс пальцем и сунул его себе в рот. – Не беспокойтесь, пустяки, просто я придавил себе ноготь. Нет, нет, пустяки, для меня это одно удовольствие... Вот смотрите: поршни, – и он принялся их разбирать, – распределительный вал... клапаны. Ой, черт побери! Пружины! – Пружины покатились по столу, он стал их подбирать, поскользнулся, упал, увлекая за собой дверцу, сильно стукнулся коленом об пол, стал шарить руками, ища рассыпавшиеся пружины, и, поднимаясь, ударился головой об угол стола. – Бог с ними, будем надеяться, найдутся при уборке... Но вы только взгляните – какая работа, какое качество отделки! Это переживет нас с вами... А теперь подойдите сюда... – Квота отряхнул брюки, взял за руку несчастного пастора, поднял его из кресла и, подтолкнув вперед, продолжал: – Сейчас я вам покажу, как обращаться с полочками... Остроумнее ничего не придумаешь... Нагнитесь... видите? Шесть разных положений в зависимости от продуктов: мясо, колбасные изделия – пожалуйста! – масло, яйца – пожалуйста! – напитки – пожалуйста! – Главное, проще простого! Ну вот, попробуйте сами, прошу вас... Да вы нажмите посильнее...

Квота помог отцу Эспосито, но тут раздался звон разбитого стекла (для этого эффекта внутри была специально поставлена склянка), по стенкам холодильника и на ковер ручьем хлынула вода, растекаясь по полу.

– Боже мой, что я натворил, – простонал отец Эспосито.

Лицо Квоты выразило досаду.

– Я сам во всем виноват, – твердил он, вытирая пол своим носовым платком, – спрятал в холодильник бутылку виски ко дню рождения жены и совсем забыл...

– Я в отчаянии, просто в отчаянии...

– Пустяки, всему виной моя рассеянность...

– А ваши брюки! – воскликнул Эспосито.

Квота стоял на коленях в самой луже.

– Не беда! Отдам в чистку. А вот с ковром дело похуже, директор у нас грозный. Да вы же его сами знаете. Сейчас я его позову...

Отец Эспосито даже побледнел.

– Да не из-за этой лужи, конечно, – успокоил пастора Квота. – Нам ведь нужно договориться о рассрочке, иначе вы не сможете оплатить холодильник. При покупке в кредит трудность не в кредите, а во взносах, не так ли? – добавил Квота, добродушно рассмеявшись. – Но мы пойдем вам навстречу. – Он снял трубку. – Алло, сеньор директор? К нам пришел пастор Эспосито, вы не могли бы зайти сюда на минутку?

– Но пока Квота продолжал разглагольствовать, не давая бедняге открыть рот, между Бреттом и Флоранс разгорелся жаркий спор, хотя оба говорили шепотом.

– Не ходите туда! – умоляла Флоранс. – Мне это все не по душе. Это... это...

– Да что ты,пусти меня. Настоящий цирк!

И Бретт вышел в зал.

– А вот и наш директор, – проговорил Квота. – Знакомить вас не надо...

– О, это вы, отец мой! Как поживаете? – Бретт протянул пастору руку.

Квота сразу перешел к делу.

– Сеньор директор, вы не помните, сколько наша фирма обычно отчисляет пастору на неимущих?

– Сто пятьдесят песо, сын мой, – живо вставил отец Эспосито.

– Великолепно, ровно столько, сколько нужно, – сказал Квота. – Это как раз сумма первого взноса. Что же касается остального, то, как мне кажется, наша фирма сможет облегчить условия ради ваших добрых дел.

Бретт и Квота, как два жандарма, стояли по обе стороны своей жертвы...

– И дать вместо годовой рассрочки полуторагодовую. Как вы полагаете, сеньор директор?

– Да, но все равно необходимо поручительство, – сказал Бретт.

– Ну, что ж, поручителем буду я. Надо иногда делать добро, когда это в твоих силах, черт побери, не все же время заниматься торговлей. Где бланк заказа? Надеюсь, вы довольны? – спросил Квота пастора.

– Да, но если случится... – дрожащим голосом начал пастор, делая последнюю попытку освободиться от своих мучителей, – если я не смогу внести очередной взнос... если не из чего будет заплатить...

– Да полноте, полноте, к вам же поступают пожертвования. Итак, сеньор директор, договорились? Значит, мы доставим сеньору пастору холодильник? И сейчас ему не придется ничего вносить? Чудесно, отец мой, будьте мне благодарны, я хоть и попотел, но не зря. Распишитесь вот здесь.

Пастор сам не заметил, как в руке у него оказалась ручка. Квота и Бретт отечески обняли его, и он наклонился к столу.

– Все же боязно, – проговорил он, – ну, да ладно...

Он расписался. И сразу же его охватило радостное нетерпение.

– А когда я получу холодильник? – Теперь голос его прозвучал настойчиво. – Как раз в воскресенье у меня к обеду будет каноник...

Ему, как и генералу, даже в голову не пришла мысль поинтересоваться ценой.

Пришлось положить немало труда, чтобы отделаться от пастора. Когда это наконец удалось, Квота вытер пот со лба, с шеи, оттянул на груди рубашку, как после долгого бега, и вздохнул:

– Никто так не изматывает, как эти голодранцы.

Флоранс промолчала. Но вечером, когда они остались с дядей вдвоем, она сказала:

– Давайте прекратим эти опыты... Мне это больше не кажется забавным.

– Что? Что тебе не кажется забавным?

– Например, то, как у этого агнца-пастора отобрали его жалкие пожертвования... Это уже не торговля, а разбой.

– Да что это ты? – удивился Бретт. – Если мы начнем разводить в делах сантименты...

– Конечно, вы правы, но... сама не знаю... в этом есть что-то нечестное.

– В чем – в этом?

– В том, как Квота заставляет людей... покупать вещи, которые они... в которых они не...

Она не сразу нашла слово.

– Может быть, ты вообразила, что мы – благотворительное общество? – насмешливо проговорил Бретт.

Флоранс не стала настаивать. К тому же она еще не разобралась до конца в своих чувствах. Ей и самой не было ясно, что именно ее возмущает. Ночь она провела спокойно, а на следующее утро, когда они с дядей отправились в контору, она и думать забыла о своих переживаниях.

То был великий день. После вчерашних удачных опытов Квота решил открыть все шесть торговых залов и все витрины. Вместе с Бреттом и Флоранс он сидел в директорском кабинете, ожидая первых результатов. Бретт не мог подавить волнения и бегал взад и вперед по комнате. Зазвонил телефон. Это был Спитерос, он напомнил своему конкуренту о встрече, оба намеревались изыскать *modus vivendi* ^[5] в период экономического упадка.

– Дорогой мой, вы выбрали неподходящий момент, – начал было Бретт, но тут же осекся, заметив, что Квота делает ему какие-то знаки.

– Примите его.

– Спитероса? Зачем?

– Примите, – кратко повторил Квота.

– Хорошо, – сказал Бретт в трубку. – Если хотите, сегодня в десять утра вас устраивает?

Уже к половине десятого Бретт совершенно извелся. Он хотел было вызвать Каписту, чтобы узнать, как идет торговля.

– Не отрывайте его, у него есть дела поважнее, – остановил его Квота. – Если уж вы так тревожитесь, пойдите лучше со мной.

Квота привел Бретта с племянницей на угол улицы, где ее пересекает бульвар. Отсюда было хорошо видно, как люди входят в одну дверь магазина и выходят из другой.

Несмотря на ранний час, народу на улице было уже много. Некоторые проходили мимо, но немало останавливалось, и большинство, дойдя до конца витрины, с какой-то удивительной покорностью следовали в направлении, указанном стрелкой, желая поглазеть на педальный холодильник.

Потом Квота повел Флоранс и Бретта к выходу. Там они увидели Эстебана, который как раз в эту минуту, проводив одного из покупателей, закрыл за ним стеклянную дверь. Лицо покупателя выражало неопишную радость. Не прошло и полминуты, как швейцар проводил следующего покупателя, столь же довольного, как и предыдущий. Не успел он закрыть дверь за третьим, как ему уже надо было встречать четвертого...

– Две сделки в минуту на шесть залов, – сказал Квота, – следовательно, одна сделка совершается за три минуты. Недурно. Но надо добиться еще более высоких результатов.

У Бретта полегчало на душе, хотя он еще успокоился не окончательно. Втроем они поднялись в кабинет. Едва они успели закрыть дверь за собой, как из коридора до них донесся шум. Кто-то истошно вопил. Внезапно, словно под натиском взбесившегося бизона, дверь распахнулась и в кабинет влетел мужчина. У него было ярко-пунцовое лицо, коротко стриженные седые волосы. Скромная элегантность, с которой он был одет, выдавала в нем богатого дельца, но галстук, выбившийся из-под жилета, взлетал, как шарф, а шляпа едва держалась на голове.

– Бретт! – орал он во весь голос. – Где Бретт? Где этот сукин сын?.. Ах, вот вы наконец! Ну-ка, если вы мужчина, подойдите ко мне!

– Да что с вами!

– Что со мной? – продолжал кричать неожиданный гость. – А то, что вы меня отдали на растерзание бандитской шайке. Вот что со мной!

– Я? – растерялся Бретт. – Да объясните же наконец!

– У меня силой вырвали подпись! – выкрикнул тот, дрожа от ярости. – Меня заставили расписаться, действуя угрозами.

Схватив Бретта за лацканы пиджака, он принялся изо всех сил трясти его. Выражение растерянности на лице Бретта уступило место радостному изумлению. И чем больше неистовствовал Спитерос, тем шире становилась улыбка Бретта.

– Мой заказ! Прикажите вернуть мне мой заказ. Иначе я сотру с лица земли вашу лавочку! – От бешенства у Спитероса сорвался голос.

А Бретт, запинаясь – Спитерос по-прежнему неистово тряс его за плечи, – даже с какой-то нежностью обратился к Квоте:

– Дорогой мой... милый мой... Квота... разрешите мне представить вам... нашего ста... рога и милей... шего соперника Эрнеста Спитероса, фирма «Фриголюкс». Насколько я понял из его сбивчивых объяснений, он сейчас, если тут нет ошибки, приобрел наш замечательный холодильник «В-12».

– Отлично, отлично, – проговорил Квота.

Спитерос бросил убийственный взгляд на Самюэля Бретта. И вдруг как-то сник. Он стал умолять Самюэля – голос его звучал то униженно, то угрожающе – не подвергать его такому позору, да еще перед женой, и не доставлять ему на дом – это ему-то Спитеросу! – проклятый холодильник «В-12», ведь все знают, что его собственные магазины, как, впрочем, и у всех, забиты непроданными холодильниками.

– У меня же было назначено свидание с вами, не так ли, – кричал он, – а не с этим висельником-продавцом? Мы хотели обсудить, как помочь друг другу, вместо того чтобы вставлять палки в колеса. А этот ублюдок даже не показал мне ваш педальный холодильник. Кстати, что это за штуковина такая? Очередная ваша выдумка? И этот негодяй еще смеет утверждать, что никто меня не принуждал!

Уловив момент, когда Спитерос, которого душило бешенство, тяжело перевел дух, Бретт

заговорил.

– Дорогой мой Спитерос! – начал он.

В его голосе, в позе, в серьезном выражении лица, чуть освещенного улыбкой, была какая-то торжественность.

– В этот день, в этом месте, – продолжал он, – началась новая эра в истории человечества. До этих пор я еще до конца не был в этом убежден. Но если уж одному из наших простофиль удалось всучить холодильник вам, Спитеросу, я заявляю во всеуслышание – этот героический акт предвещает наступление новых времен!

Слова Бретта настолько поразили разъяренного Спитероса, что он вдруг разом утихомирился. Повернувшись к Флоранс и Квоте, он спросил, указывая на Бретта:

– Этот тоже свихнулся?

– Не думаю, – невозмутимо ответил Квота.

Бретт поднял телефонную трубку.

– Дорогой мой, надеюсь, сейчас мы получим подтверждение... Алло, передайте, пожалуйста, Каписте... да... пусть зайдет ко мне... да, спасибо. Сию минуту мы получим убедительное подтверждение эффективности метода сеньора Квоты, которого я имею удовольствие представить вам.

Квота поклонился, Спитерос нахмурил брови.

– Вы только что в качестве жертвы, хотя и непокорившейся жертвы, блистательно подтвердили его метод. За сколько минут этот ублюдок, как вы его назвали, всучил вам холодильник? За две, за три? Не будем мелочны, пусть даже за пять! А теперь подсчитайте: каждые пять минут по холодильнику, значит, двенадцать в час, у нас шесть торговых залов, помножим шесть на двенадцать, получается семьдесят два, следовательно, шесть магазинов продадут четыреста тридцать два холодильника за час, а за восемь часов – три тысячи четыреста пятьдесят шесть. И это всего за один день. Вместо нескольких десятков холодильников почти три с половиной тысячи! Только одна наша фирма! Вы понимаете, что это значит?

Он был так возбужден столь блестящей перспективой, что теперь уже Спитерос попытался его успокоить.

– Послушайте, не кажется ли вам...

Но Бретт не дал себя прервать. И продолжал с нарастающим воодушевлением:

– Это значит, Спитерос, что мы отныне сможем – и вы, и я, и другие, – забыв о конкуренции, увеличить наше производство в пять, в десять, в сто раз! И это относится не только к холодильникам, но и к автомобилям, к радиоприемникам, к стиральным машинам и даже – ей-богу! – к майонезовосстановителям и крошкособирателям!

Бретт взвел вверх руки и изрек, словно древний оракул:

– Порочный круг разорван! Теперь торговля будет подгонять производство! Мы сможем увеличить жалованье рабочим, не опасаясь за наши прибыли! Наконец-то воцарятся счастье и всеобщее благосостояние!

Спитерос обеспокоенно шепнул Флоранс:

– Вам не кажется... нужно бы врача?..

Но Квота спокойно остановил его:

– Зачем? В предсказаниях нашего дорогого Бретта нет никакого преувеличения, они даже, как всегда, слегка пессимистичны.

Послышался приближающийся топот ног, и на пороге появился крайне возбужденный

Каписта. В трясущихся руках он держал бланки заказов. Из-за его спины выглядывали семь или восемь продавцов, у всех рот был растянут до ушей: они, казалось, излучали какое-то лихорадочное возбуждение, горели восторгом.

– Патрон, патрон! – воскликнул Каписта. – Это неслыханно!

Бретт, видимо, все еще не был до конца уверен и с тревожной поспешностью, как отец ребенка, которого только что оперировали, спросил:

– Ну как, все идет хорошо?

– Точно на параде! – Голос Каписты прерывался от волнения. – Потрясающе! Сеньор Квота, может быть, потом я и повешу нос на квинту, но я в делах всегда честен и признаю свою ошибку. Это превосходит всякое воображение. Они входят, мы помогаем им разродиться, они подписывают и уходят. Они входят, мы... Смотрите, вот двадцать шесть заказов!

От радостного возбуждения руки у него тряслись, он выронил пачку листов, и они рассыпались по полу. Бретт кинулся их собирать, а сам Каписта даже не шелохнулся.

– Да бросьте, патрон, это же мелочь... Знаете, сколько я заработал комиссионных меньше чем за двадцать минут?

Бретт все же аккуратно собрал бланки.

– Не увлекайтесь, не увлекайтесь, – сказал он. – О ваших комиссионных мы еще поговорим. При таком обороте придется их пересмотреть, старина.

Пожалуй, впервые в жизни замечание такого рода не вызвало у Каписты бури гнева. В голосе его даже прозвучали нотки снисходительности:

– Пустяки, я не жадный. Как-нибудь поладим. Разумеется, если все будет идти в том же темпе...

И тут он снова пришел в неистовство.

– Невиданно! – кричал он. – Ну и люди! Все, как один! Все одинаково! Посмотрите на них! Просто глазам не веришь! Это уже не люди, а автоматы какие-то!

Слова «автоматы какие-то» он проговорил с радостным восторгом. Бретт протянул ему собранные бланки заказов, и Каписта взял их дрожащими руками. В течение всей этой сцены Спитерос не проронил ни слова.

– Двадцать шесть заказчиков, – сказал ему Бретт. – Меньше чем за двадцать минут! В одном только магазине! Что вы на это скажете?

– Для начала скажу: велите вернуть мне мой заказ.

Спитерос никак не мог прийти в себя от совершенной им оплошности, но Каписта тоже не мог прийти в себя, однако по другим причинам: его пьянило чудо, свершавшееся в магазине. Остановить его уже было невозможно.

– Это же роботы! – кричал он в экстазе. – Покупательные машины! Они все проглотят! – заорал он еще громче. – Мы всучим им любой товар! Любое, что мы придумаем!

Охваченные бурей восторга, Каписта, продавцы, а за ними и Бретт принялись, словно танцуя, имитировать «психологические рефлексы», заставляя друг друга опускать голову, протягивать руку, подбирать зад. Они хихикали, хлопали себя по ляжкам, и со стороны казалось, будто это роботы, вышедшие из-под контроля своего создателя, исполняют какой-то неистовый, сумбурный танец.

Но Бретт вдруг заметил, что Флоранс смотрит на них остановившимся взглядом. С той минуты, как в кабинет ворвался Каписта, она не пошевелилась, не произнесла ни слова.

– Что с тобой? – заволновался Бретт. – Почему ты молчишь? Какое твое мнение обо всем

этом?

Остальные, увидев выражение лица Флоранс, тоже застыли, почувствовав какую-то необъяснимую неловкость. Флоранс по очереди внимательно оглядела всех их, как бы изучая, и дважды открыла рот, прежде чем смогла выдать из себя.

– Мое мнение... мое мнение, – с трудом начала она, но вдруг ее голос окреп и последние слова она уже прокричала: – По моему мнению, все это просто... омерзительно!

И она выбежала из кабинета.

Часть вторая

Тот, кто лишит их жизни, достигших расцвета полного и удручающего благосостояния, окажет им благодеяние.

Дидро

С того знаменательного дня прошло два года.

Флоранс провела их в Европе – главным образом во Франции и в Италии – вдали от дяди, от «Фрижибокса», от Квоты, который вызывал у нее чувство страха, вдали от его метода, к которому она испытывала отвращение.

Тогда, два года назад, она не сразу разобралась, почему первые же «опыты» применения на практике метода Квоты вызвали у нее такое возмущение. В конце концов, думала она, Квота не мошенник, все те, кого он, как это может показаться со стороны, мистифицирует, действительно горят желанием приобрести холодильник, но их удерживают некие скрытые тормоза, и в общем-то они даже счастливы, когда от этих тормозов освобождаются, из покупателя «извлекают желание», которое так и рвется на свободу, чтоб распуститься пышным цветом. Так почему же тогда, почему же ее так возмущает метод, которым Квота извлекает из них это желание?

На следующее утро она извинилась перед дядей Самюэлем и Квотой, объяснив свою вспышку обычной неуравновешенностью женской натуры. И в этот день она присутствовала при торговле, которая шла не только не хуже, но еще бойчее вчерашнего и дала еще лучшие результаты, чем накануне, так как продавцы уже понаторели и действовали теперь увереннее.

В последующие дни, как это ни странно, по мере того как возрастал успех торговли, Флоранс чувствовала себя все более несчастной.

Однако она продержалась до отпуска. В течение первых трех месяцев в «Фрижибоксе» царил атмосфера подъема. Квота действительно не обманул общих ожиданий – по сравнению с предыдущими неделями торговля настолько возросла, что за короткое время был списан весь пассив, возмещены расходы на переоборудование, пополнены денежные фонды и распродано более половины холодильников, которые мертвым грузом лежали на складах. Уже через месяц после начала торговли по новому методу стало возможным удвоить самые низкие ставки зарплаты и соответственно увеличить остальные. Самюэль Бретт, будучи человеком осторожным, пока еще боялся тратить много на личные нужды, но уже подумывал о том, чтобы отремонтировать кабинеты, обновить ковры и мебель в помещении фирмы, привести в порядок фасад здания. Ликование дяди, его счастье радовали Флоранс, и она была благодарна Квоте от всего сердца. Впрочем, Квота с похвальной скромностью редко показывался им на глаза: он возился с планом расширения цехов и магазинов, а также подбирал новые бригады продавцов. Но когда Бретту удалось уговорить Флоранс спуститься с ним в магазин и посмотреть, как идет торговля, это зрелище, безмерно веселившее его, вызывало в ней глубокую грусть, стыд и даже, пожалуй, угрызания совести. Она ничего не говорила дяде Самюэлю, но в душе терзалась.

Когда в начале июля, как и каждый год, она уезжала в Италию (иногда, впрочем, она посещала Грецию, Испанию или Голландию), она еще не приняла решения относительно будущего. Во всяком случае осознанного, обдуманного заранее. Однако она так тщательно собиралась в дорогу, взяла с собой столько теплых вещей, что окружающие, да и она сама могли без труда догадаться, что покидает она Хаварон с какими-то подспудными мыслями, хотя и не отдает еще себе в этом отчета.

Сойдя в Неаполе с маленького итальянского судна, на которое Флоранс пересела с самолета в Веракрусе, она прежде всего взяла напрокат «тополино». На следующий день на этой маленькой машине она отправилась в Пестум и провела весь день среди развалин древних храмов, у подножия гор на берегу моря, ласково поглаживая гладкий камень нагретых солнцем дорических колонн. Вечером она сняла номер в маленькой гостинице, окруженной пиниями, совсем рядом с зоной раскопок, и долго при свете луны, в тишине, нарушаемой изредка криками совы, высунувшись из окна и вдыхая аромат полыни и сосны, любовалась спящими руинами, над которыми мерцали мириады звезд.

Утром, когда она уже сидела в машине, собираясь уезжать, перед ней появился какой-то мужчина, на вид явно голодный, и стал вытаскивать из всех своих карманов небольшие пакетики из газетной бумаги. В каждом было по какой-нибудь реликвии, перепачканной землей и вроде бы древней, но, бесспорно, поддельной. Флоранс уже хотела было тронуться с места, но что-то ее удержало. Может быть, слабая надежда, что одна из этих «древностей» вдруг окажется подлинной? Ей понравилась головка женщины с отбитым носом, опущенными веками и загадочной улыбкой, но, судя по цене, трудно было поверить, что это не подделка. Мужчина стоял в выжидательной позе, вид у него был жалкий. Флоранс подумала, что, будь на его месте Квота, он в одну минуту довел бы ее желание до апогея, и из какого-то странного чувства справедливости решила купить эту головку у несчастного голодранца, который только и твердил: «Вери гуд, мадам, оч-ч-эн карашо», потрясенный тем, что так быстро и даже без торговли сумел всучить ей свой товар. Флоранс расплатилась и уехала. Головка с закрытыми глазами, которую она положила на сиденье рядом с собой, казалось, загадочно посмеивается. Флоранс время от времени не без раздражения поглядывала на нее.

Когда дорога пошла вдоль моря, Флоранс остановила машину, взяла головку, поскребла ее пилкой для ногтей и обнаружила, что она из гипса. Флоранс с силой швырнула ее в спокойное море. И тут же Флоранс упрекнула себя за глупую вспышку, но все же продолжала злиться, хотя и сама не знала – на кого.

На следующее утро Флоранс все катила по прелестной дороге Калабрии, которая ведет от одной сарацинской башни к другой, извиваясь над морской пучиной, то зеленого цвета, то голубого, такого густого, что он кажется неестественным (нетерпеливые туристы избегают этого пути, не подозревая, какой красоты они лишают себя из-за бессмысленной спешки), и в полдень остановилась на бескрайнем пустынном пляже, который раскинулся между морем и шоссе, чтобы позавтракать сэндвичем и ломтем арбуза, купленным утром в Сапри. Она лежала на песке, докуривая сигарету, как вдруг вдали появилось облако пыли, потом из него вынырнул грузовик и без всякой, казалось бы, причины замедлил ход. Машина остановилась недалеко от Флоранс, и сразу же хлопнула дверца. Из кабины выпрыгнул широкоплечий черноглазый шофер с воинственно закрученными усами. Ни справа, ни слева на дороге не видно было ни одной машины, на пляже – ни души. Флоранс стало неуютно, она вспомнила, что Калабрия славится бандитами... Но что делать? И она решила ждать.

Мужчина неторопливо шагал к ней. Он улыбался, и его белые зубы, словно луч света, прорезали загорелое лицо. Он спустился с дюны, подошел к ней – она привстала – и, сев на корточки, обхватил руками колени.

– Иностранка? – радостно спросил он.

Он говорил по-итальянски со странным певучим акцентом. Флоранс хорошо понимала

по-итальянски и немножко говорила. Ока ответила «да», и он снова спросил:

– Англичанка? Американка?

Что ему сказать? Тагуальпеканка? И она подтвердила:

– Да, американка.

С его лица не сходила все та же радостная улыбка.

– Впервые на этой дороге я встречаю американку. Они никогда здесь не ездят. Садятся в Неаполе на самолет и летят в Сицилию. Или же плывут на ночном пароходе.

– Если бы они знали, как прекрасен этот край, они все бы сюда приехали.

Улыбка на его лице стала еще шире, еще больше открылись сверкающие зубы. «Великолепная разбойничья морда, – подумала Флоранс, – но симпатичная». Все же она поглядывала на дорогу, но там по-прежнему не было ни единой живой души и ни одной машины. Шофер предложил:

– Сигарету? Я видел, вы курите.

Он протянул пачку. Флоранс взяла сигарету. Он поспешно чиркнул спичкой, дал ей закурить и спросил:

– А у вас тоже так красиво?

– Нет, не так. Вернее, красиво, но по-другому.

– А как?

– Все попеременно: и горы, и пропасти, и высокие скалы, и каньоны. А в зеленых долинах финиковые пальмы и бананы. Все там растет, как в раю.

– Сюда надо весной приезжать, когда все цветет, – он показал на холмы, – и розмарин, и чабрец, и базилик... Здесь тоже как бы рай. Под солнцем такой запах стоит, что одуреть можно. Ей-богу.

– А что вы везете в грузовике? – спросила Флоранс.

– Глиняную посуду.

И, помолчав, он сказал:

– Подождите-ка минутку...

Он вскарабкался на откос, залез в кузов машины, пошарил там, спустился на дорогу, подошел к Флоранс и снова присел на корточки.

– Хотите на память?

Он протянул Флоранс довольно грубо сделанную майолику, но она чем-то ее тронула. Шофер смотрел на Флоранс, и широкая улыбка сверкала под его воинственными усами.

Флоранс чуть было не спросила: «Сколько я вам должна?», но, к счастью, вовремя прикусила язык, сообразив, что слова ее могут обидеть шофера. А вдруг он все-таки рассчитывал получить деньги, ведь он явно человек небогатый? Флоранс не знала, как быть.

– Очаровательно... – пробормотала она. – Но, право, я не знаю... очаровательно...

Угадал ли он причины ее растерянности? Но он сказал:

– Возьмите ее с собой в Америку.

И, сунув майолику ей в руки, он поднялся с земли.

– Тороплюсь. Мне приятно было встретить вас. В Сицилию направляетесь?

– Собиралась, а теперь и сама не знаю.

– Почему?

Флоранс улыбнулась:

– Мне ваши места понравились. И захотелось здесь остаться.

– Отличная мысль! – воскликнул он. – Отличнейшая! Здесь народу мало. Ну, ладно,

прощайте, развлекайтесь хорошенько. Может, еще встретимся?

– Все возможно...

Он уже залез в кабину. Флоранс стало грустно. Эта мимолетная встреча неизвестно почему и взволновала ее и обрадовала. Да, она поживет здесь, в Калабрии. Флоранс села в машину и к вечеру уже сняла себе номер в маленькой гостинице, стоявшей в центре приморской деревушки, которая вместе со своей сарацинской башней лепилась на крутом скалистом берегу, где негромко плескалось море.

Такую нищету она видела разве что только у тагуальпекских индейцев, живших на юге их страны, – у этих земледельцев, которых лишили земли и которые доживали свой век в саманных и глинобитных хижинах. Но здесь – может, оттого, что дома были добротные, – нищета казалась еще более вопиющей. Там, в Тагуальпе, женщины ходили, как и все женщины племени майя, в простых, но чистых рубашках, мужчины носили мексиканский сарап, словом, эти бедные поселения выглядели опрятными и даже кокетливыми среди тропической флоры, и зрелище их не удручало, а скорее свидетельствовало о скромной жизни, сельской простоте и даже вызывало чувство зависти. А в этой итальянской деревне, находившейся вблизи от промышленных центров – которые тоже влачили жалкое существование и не могли никого обогатить, – в этой деревне с ее магазинами, уличными фонарями, заасфальтированной площадью, на которой стояла мэрия с колоннами, претенциозно облицованная искусственным мрамором, с кинотеатром (жалким) и даже отделением (величественным) Банка Святого Духа, здесь нищета стыдливо маскировалась. Прежде всего в любой час дня поражало количество слонявшихся по улице мужчин: добрая половина жителей постоянно не имела работы. Они не играли в шары и не сидели в кафе. Они стояли небольшими группками и разговаривали, словно накануне выборов, и это придавало деревне оживленный, даже веселый вид. Однако оживление это было прямо пропорционально количеству безработных на данное число, а следовательно, количеству голодных семей. Тем не менее все эти люди аккуратно посещали церковь, и там, скрестив на груди руки и подстелив на пол газету, прежде чем преклонить колена, в любом случае жизни призывали на помощь Мадонну и единодушно голосовали за коммунистов. Ни один из этих «незанятых» мужчин ни за какие блага мира не снизошел бы до того, чтобы заняться домашним хозяйством – это несовместимо с мужским достоинством, зато женщины не сидели сложа руки, взвалив всю тяжесть забот на свою голову. Именно на голову в буквальном смысле слова: они все носили на голове – и глиняные кувшины, и баки с бельем, и корзины с фруктами, и даже бутылки, таким образом руки оставались свободными и можно было разговаривать – в Калабрии при разговоре отчаянно жестикулируют. Даже книгу или газету и ту кладут на голову. Эта привычка выработала у местных жительниц горделивую, благородную осанку, восхищавшую Флоранс, иногда даже маленьких детей носили на голове в корзинке, а они, лежа на животе и облокотившись о край корзинки, взирали на окружающий мир, словно с балкона. Но ни один мужчина не унился бы до того, чтобы нести таким образом хотя бы конверт. Однажды Флоранс видела, как шедшая впереди нее женщина свернула в переулок, неся на голове длинную дубовую балку весом килограммов в сорок, если не больше. Шла она медленно, втянув голову в плечи и балансируя руками, чтобы удержать равновесие, а впереди нее парень лет двадцати с галантной улыбкой расталкивал людей, расчищая ей дорогу...

Иностранку в деревне встретили с тем же любопытством и благожелательностью, что и

шофер грузовика. Уже через несколько дней у нее появились приятельницы среди этих славных женщин. Ни одна из них никогда ни на что не жаловалась. Впрочем, они искренне находили свою жизнь вполне приличной. Любой заработок служил поводом для небольшого торжества: немедленно покупалась мука, пеклись пирожки и коржики, которыми угощали друзей и соседей. Обычно приглашали и Флоранс. Если сумма была порядочная, собирался семейный совет и обсуждал, что купить в первую очередь. Утюг или бак для белья? А поскольку в обычные дни денег не было, хозяйственная утварь кочевала из семьи в семью – ее, не стыдясь, просили у соседки, и та без всяких разговоров давала просимое. Дня не проходило, чтобы какая-нибудь девочка или мальчик не приносили Флоранс от мамы то коврижку, то корзиночку инжира, то салфетку, сплетенную из рафии специально для нее, а то апельсиновый настой, тоже приготовленный для нее. Женщины делали это вполне бескорыстно, ничего не ждали в ответ, и Флоранс не знала, как отблагодарить их за внимание. Она не решалась послать им в подарок что-нибудь полезное, скажем кофейник или сахарницу, боясь увидеть на гордом лице суровую складку между бровями от пережитого унижения. Самое большее, что от нее принимали, это браслетку «для малышки» или шарфик для «бамбино». Впрочем, тотчас же она получала в ответ еще одну коврижку, глиняный горшочек либо изюм, завернутый в свежий лист, чтобы он не потерял сочности, так что она вечно оставалась в долгу.

Каждое утро на маленькой площади, под двухтысячелетней оливой, толщиной с баобаб, составлявшей собственность и основной источник дохода шести семейств, собирался базар. К счастью, олива вытянула вверх именно шесть толстых ветвей, и это облегчало распределение урожая. Флоранс нравилось бродить по этому скромному базарчику, где два или три десятка крестьян и крестьянок, не имеющих возраста, соблазняли покупателей, кто полдюжиной помидоров, кто горстью луковиц, корзиночкой яиц, парой голубей, петухом... В первый раз, когда Флоранс пришла на базар купить лимоны, она остановилась у прилавка высохшего морщинистого старика, с заросшим белой щетиной лицом, напоминавшим подушечку для иглолок, но он закрыл лимоны ладонью и сказал: «Сначала нужно побеседовать». Обычай вежливости, не менее древний, чем эта олива. Купля, продажа – от этого, конечно, никуда не уйдешь, но все это – грязная сторона человеческих отношений. А благородная сторона – единственная достойная внимания – беседа, важнее всего справиться у собеседника о здоровье, о домашних делах, поговорить о событиях в мире, а иногда, если все обстоит благополучно, обменяться соображениями насчет жизни, превратностей судьбы, радостей и горестей человеческого существования. А главное, перед тем как забрать товар, следовало слегка похвалить его, чтобы дать возможность старику (или старухе) расхвалить свои лимоны или груши, описать их необыкновенные качества, похвастать изумительным деревом, на котором они растут. Необходимо также поторговаться из-за одного или двух сантимов, и тогда ваш милый куманек чуточку уступит и принесет вам эту небольшую жертву с приветливой и гордой улыбкой.

Флоранс нравились эти благожелательные и полные человеческого тепла обычаи. Беседуя с людьми, она постепенно знакомилась с жизнью каждого жителя деревни, узнавала о его скромных надеждах, тайных печалях и никогда не уставала слушать. Но пришел день отъезда. По силе душевной боли, которую она ощутила, расставаясь со здешними местами, она вдруг поняла, что приехала сюда в деревню искать то, чего нет в каменных джунглях Хаварона, среди небоскребов делового района города. А мысль, что надо вернуться в «Фрижибокс», в атмосферу принудительной торговли по системе Квоты, показалась ей

настолько невыносимой, что она как бы прозрела и поняла, почему, собираясь на отдых, захватила с собой зимние вещи. Не вернется она в Тагуальпу, во всяком случае сейчас не вернется.

Она написала длинное письмо дяде и, не дожидаясь ответа, уехала в Неаполь, а оттуда в Рим. Там она поселилась в районе Трастеверо. Под окном ее скромной комнатки росло фиговое дерево с корявыми ветвями, одетые в лохмотья веселые ребятишки, цепляясь за сучки, целыми днями играли в Тарзана. Прошло несколько недель, и у Флоранс кончились деньги, это как раз совпало с началом учебного года, и она без особого труда нашла уроки английского и испанского языков. Отец одной из ее учениц, заметив, что Флоранс умна и образованна, воспользовался своими связями и, раздобыв разрешение на работу, устроил ее секретарем дирекции керамической фабрики под Витербо, где сам был управляющим. Через несколько месяцев ее деловитость привлекла внимание другого управляющего, стоявшего во главе более крупного предприятия под Миланом. Он увез Флоранс с собой. Но Милан ей не понравился, он напоминал Хаварон. Та же лихорадочная, та же жестокая жизнь. Такой человек, как Квота, без труда внедрил бы здесь свой метод. Впрочем, о Квоте здесь уже говорили и говорили с интересом, не без зависти, хотя, в сущности, ничего толком о нем не знали. Флоранс покинула Милан и перебралась во Францию, в долину Роны, там, неподалеку от Авиньона, был расположен завод строительных материалов одного из крупных клиентов миланского промышленника. Несколько недель она вынуждена была работать у него почти нелегально, пока ее оформляли французские власти. Прованс привел ее в восторг. Но, увы, ей пришлось вступить в конфликт со своим убежденным сединой хозяином, который решил проявить инициативу отнюдь не на деловом поприще. Поэтому, как только представилась возможность, она принялась подыскивать себе другую работу там же, в Провансе, и в конце концов устроилась на черепичном заводе неподалеку от Сен-Реми-де-Прованс, у подножия Альпин.

Все это время она вела эпистолярную войну с беднягой Самюэлем, который никак не мог взять в толк, почему сбежала его любимая племянница. Но чем восторженнее описывал он дела фирмы – создав грандиозный бум, она «пожрала» основных своих конкурентов, Спитерос вынужден был переселиться в провинцию, где открыл фабрику пластиковых бассейнов, – тем меньше у нее было охоты вернуться в Хаварон и участвовать во всей этой бурной деятельности.

Но казалось, все, от чего бежала Флоранс, преследовало ее и здесь, в ее убежище. Все чаще имя Квоты стало появляться во французской прессе, главным образом, конечно, в экономической, как, впрочем, и в газетах других стран Западной Европы. Таинственная система Квоты стала предметом изучений и догадок, любимой темой споров «молодых дельцов», этих покорял его динамизм. Еще десять месяцев назад они и не подозревали о существовании Тагуальпы, а теперь только и говорили, что о «тагуальпекском чуде», пытались найти объяснение неожиданному расцвету торговли холодильниками, за которым последовал постепенно подъем и в других областях промышленности, находившихся в застое. И чудо это произошло в стране, которую, в общем-то, причисляли к слаборазвитым. Эксперимент казался тем более интересным, даже увлекательным, что сторонникам Квоты, господствовавшим в Хавароне и других больших городах, противостояла иная группировка, твердо занявшая позиции в провинции, одним из руководителей которой был Спитерос. Первые делали ставку на неограниченное производство товаров независимо от действительных потребностей населения, вторые – на ограничение производства с таким

расчетом, чтобы спрос превышал предложение. Дерзость Квоты привлекала, но и тревожила, а приверженность Спитероса к классической экономике действовала успокоительно. У каждой из сторон были свои защитники и свои хулители, полосы газет были заполнены ожесточенными спорами. Флоранс, несмотря на свое резко отрицательное отношение к методу Квоты, не могла остаться безразличной к неожиданной славе, выпавшей на долю ее родины, и, хотя она тщательно скрывала свою причастность ко всему этому, в ней все же пробуждались патриотические чувства, и сердце начинало учащенно биться, когда она читала то, что пишут о ее родной стране, встречала похвалу в адрес республики, дяди Самюэля, Квоты.

Так что к концу второго года своего пребывания за границей она решила съездить на родину и посмотреть на все своими глазами. В отличие от предыдущих годов лето она проведет в Тагуальпе. Флоранс сообщила о своих намерениях дяде Самюэлю, предупредив также, чтобы он не обольщался – приедет она только на время, «ознакомиться с обстановкой». За эти два года, сообщала Флоранс, она полюбила Европу и едва ли сможет ужиться в Хавароне. Разве что ее представление о Хавароне, составленное вдали от родины, превратно. Но на это она не слишком надеется. Впрочем, хорошо уже то, что она сможет обнять дядю, по которому ужасно соскучилась.

Бретт, получив письмо, даже подпрыгнул от радости. Пусть говорит, что хочет, думал он, но, раз она приезжает, значит, что-то ее сюда притягивает. Может, и впрямь, как она уверяет, старый брюзга дядюшка. А может, что-нибудь другое. Но когда она увидит, как с появлением Квоты все здесь изменилось, она откажется от своих глупых идей, которым, впрочем, он никогда и не придавал значения.

В начале июля Флоранс села в Генуе на пароход, направлявшийся в Веракрус, потом самолетом добралась до Мехико, но оттуда не полетела прямо в Хаварон, а решила остановиться в Порто-Порфирио – втором по величине после столицы городе Тагуальпы. Там Флоранс родилась, там училась до своего отъезда в Калифорнию. Ей захотелось перед возвращением в столицу окунуться в воспоминания.

Еще в самолете ей как нарочно всю дорогу приходилось слышать разговоры о Квоте: позади сидели два каких-то коммерсанта – один из Техаса, другой из Мексики. Они наперебой, с нескрываемым интересом расспрашивали друг друга и строили различные предположения о новом методе, который оставался для них загадкой, но достигнутые Квотой результаты повергали их в восторг и восхищение. Из их разговоров Флоранс поняла, что Квота не намерен делиться тайной своего метода с другими странами, пока не выжмет из него все в Тагуальпе. Мексиканец сравнивал Квоту с Мао Цзэдуном, который в течение двадцати лет проводил опыт революции в маленькой провинции и лишь после этого распространил его на весь Китай.

С аэродрома Порто-Порфио Флоранс отправилась в предместье, где провела все свое детство и часть юности. Она нежно любила этот отдаленный от центра район, его карабкающиеся вверх по холмам улочки с низкими – в испанском стиле – домиками, выкрашенными в неяркие, умело подобранные тона. Ей нравились эти домики, похожие на миниатюрные монастыри, патиос с мавританскими колоннами, увитые цветущими круглый год бугенвиллиями. По вечерам, всегда в один и тот же час, сотни птиц, укрывшись в листве деревьев, дружно начинают свой концерт и сразу смолкают, едва зайдет солнце. Улицы большей частью мощеные, и по ним целый день вереницы осликов тащат охапки хвороста и вязанки дров. Тишину, кроме пения птиц, нарушают только цоканье копытцев по мостовой да истошные ослиные крики. В центре машин много, а по здешним улочкам разъезжает лишь несколько стареньких такси, связывающих предместье с вокзалом. В последний раз Флоранс была тут три года назад, и тогда уже в городе появились первые ввезенные из Италии мотороллеры, на которых носились молодые люди, а за их спиной, как амазонки, восседали девушки. Флоранс тогда погрустила о былой тишине и огорченно подумала: «Нет, прогресс не остановить...»

И, действительно, его не остановили. Сейчас, подъезжая к знакомым с детства местам, она была поражена непривычным здесь шумом. По улицам, словно пчелиный рой на бензиновых моторах, сновали взад и вперед молодые люди. Куда девались ослики? Исчезли. Их заменили велосипеды с моторчиками и коляской, оседланные бывшими погонщиками ослов, которые тряслись на них, повинувшись ритму двухтактного двигателя. Шум моторов перекрывался непонятным ревом. Флоранс не сразу догадалась, откуда он идет. Это ревели сотни транзисторов. Она вдруг увидела, что все идущие по узким тротуарчикам несут один, два, а то и три приемника. И все приемники играют одновременно. А так как они были настроены на разные волны, то мелодия из «Травиаты» перебивалась или смешивалась с взрывами твиста, который в свою очередь заглушался трубами «Валькирии». Бах пасовал перед этой какофонией, от Моцарта оставались только самые высокие ноты. Флоранс в ужасе бросилась в боковую улочку, которая показалась ей пустынной. Но и здесь ее ждал новый концерт: из всех окон, из всех квартир несся звон часов, вразнобой отбивающих полдень...

В глубокой грусти Флоранс вернулась на аэродром. По дороге из окна такси она заметила на многих магазинах новую вывеску: «Бреттико». Она не сразу расшифровала это загадочное название, но вдруг ее осенило – ведь это либо Бретт и компания, либо Бретт и Квота. Во всяком случае, это, бесспорно, новая фирма, возглавляемая ее родным дядей.

Сначала она даже обрадовалась, но тут же помрачнела: «Бреттико» красовалось и на магазинах мотороллеров, и часов с боем, и радиотоваров.

Самолет приземлился в Хавароне уже под вечер. Флоранс не дала знать о своем прибытии дяде Самюэлю, не желая, чтобы он беспокоился и встречал ее. Теперь она не знала, как ей поступить: отвезти ли свои вещи на квартиру и там ждать дядю или же сразу поехать к нему в контору. Она решила ехать в контору: ей хотелось посмотреть на все своими глазами и создать обо всем собственное мнение, прежде чем она встретится с дядей. Сдав вещи на хранение, Флоранс поехала в «Фрижибокс».

Ну, так она и думала, фасад перекрасили. Но Флоранс никак не ожидала, что здание отделают мрамором, это отдавало дорогой безвкусицей. И, конечно же, зеркальную дверь перед ней открыл фотоэлемент... Флоранс не узнала лестницы. Может, ее расширили? Или же все дело в роскошной мягкой дорожке, поглощавшей шум шагов? В холле на своем посту стоял швейцар, но, по-видимому, уже не Эстебан. Этот важный, чинный швейцар был одет в ярко-красную ливрею, с новеньким золотым позументом... И однако, конечно же, это Эстебан, только пополневший, вот и все. И на его лице, некогда беспечном и жизнерадостном, теперь застыло выражение комической величавости.

Узнав Флоранс, он от удивления широко раскрыл глаза, но не улыбнулся, а только сказал:

– О, это вы, сеньорита Флоранс. Вот, действительно, сюрприз!

– Здравствуйте, Эстебан. Не ждали меня?

– Мы вас ждали вчера утром, сеньорита. Но не получили от вас никакой весточки. Мы даже решили, что вы опоздали на самолет. Или что на море бушевал шторм.

– Вы бы не могли выключить ваши транзисторы? Невозможно разговаривать, ничего не слышно.

– Конечно, конечно, сеньорита, если вам угодно. Тем более что я уже привык и почти не слушаю.

Он выключил приемник, который транслировал чемпионат по борьбе, затем второй, из которого лились звуки слащавого романса из какого-то кинофильма.

– Я провожу вас в кабинет сеньора Бретта, – предложил Эстебан. – Он обещал вернуться в пять часов. Ждать придется недолго.

Эстебан вошел в директорский кабинет первым, Флоранс – вслед за ним. И обомлела.

Кабинет обили красным дамаском. В полированные панели из экзотического дерева можно было глядеться, как в зеркало. Ковер на полу был таким пушистым, что шпильки туфель Флоранс уходили в него наполовину. Кресел и прочей мебели в кабинете наставили столько, что приходилось лавировать. Огромный письменный стол и книжные шкафы были все в позолоченных лепных украшениях в стиле Людовика XV. Кресла обиты тканью под гобелен Люрса. Словом, весь этот разномастный шик напоминал свадебные подарки, от которых не знаешь, как отделаться. И повсюду – на камине, на письменном столе, на журнальных столиках, вдоль стен – стояли и висели часы. Маленькие и большие, старинные и современные. И все они, разумеется, показывали разное время – начиная с четырех часов сорока восьми минут и кончая семью минутами шестого.

– У вас есть точные часы? – спросила Флоранс Эстебана.

В ответ швейцар почему-то бросил на нее недружелюбный взгляд. Он раздраженно пожал плечами, словно она задала неуместный вопрос. Однако все же посмотрел на свои часы сначала на правой руке, потом на левой. Потом на часы-перстень, украшавший его

безымянный палец. После этого вынул из жилетного кармана часы-луковицу и бросил взгляд на них. Тут же извлек из другого кармашка пятые по счету часы, которые в этот момент отбили четыре минуты шестого и, наконец, шестые, которые объявили тоненьким голоском: «Четвертый сигнал дается ровно в четыре часа пятьдесят восемь минут».

– Хоть бы одна пара показывала одинаковое время, – проворчал Эстебан. – Это дело еще не налажено.

– Да, пожалуй, – согласилась Флоранс. Она смотрела на манипуляции Эстебана сначала с удивлением, потом ей стало смешно и грустно.

– Может, завести небольшую счетную машину, которая будет вычислять среднее арифметическое время, – предложила она.

– Вот это да, – обрадовался Эстебан, не уловив в словах Флоранс иронии. – Надо будет сказать сеньору Квоте.

– А также и какую-нибудь машину посolidнее, на тот случай, если первая испортится, – продолжала все так же шутливо Флоранс, хотя сама чувствовала, что шутки получаются тяжеловесными.

– Непременно, – согласился Эстебан, ничтоже сумняшеся, – как же без запасной.

– А карманов у вас хватит на все это хозяйство?

– Как-нибудь устроимся. Раз надо, значит, надо, – сказал Эстебан.

Вконец обескураженная Флоранс вздохнула и ласково сказала Эстебану:

– А ведь когда-то у вас были только одни старые добрые часы, и они не доставляли вам никаких хлопот.

Понял ли Эстебан наконец, что сеньорита над ним подшучивает? Похоже было, что он уловил в ее словах скрытую насмешку. Его заплывшее лицо, на котором так ни разу и не промелькнула улыбка, стало еще более важным, еще более торжественным. Казалось, он смотрит на Флоранс с суровым осуждением. Затем Эстебан расправил плечи, ставшие чуть не вдвое шире против прежнего, и выпятил довольно объемистый живот, словно нотариус, гордый своим званием.

– Дело в том, сеньорита, – надменно заявил он, – что раньше мы отказывали себе во всем. Короче, жили, как звери какие-то.

Упрек был достаточно завуалирован. Однако Флоранс поняла, что некстати напомнила ему о том времени, которое он не одобряет. Желая перевести разговор, Флоранс заметила:

– Какая у вас красивая форма, Эстебан.

– Вот эта? – сказал он, оглядывая свои рукава и позументы. В голосе его прозвучало презрение.

– Это же будничная, – объяснил он. – Да и потрепанная к тому же.

«Представляю, какая у него парадная форма», – с раздражением подумала Флоранс, а вслух сказала:

– Просто не узнаю кабинета. Честное слово, можно подумать, что это кабинет министра. Или мебельный склад.

Эстебан вслед за Флоранс обвел глазами кабинет.

– А ведь правда, раньше он выглядел иначе, – заметил он. – Смешно, до чего же все быстро забывается. Я уже и не вспомню, как здесь было до сеньора Квоты. Помню только – очень невзрачно.

– В общем, дорогой мой Эстебан, – сказала Флоранс, – вы, кажется, довольны жизнью?

– Еще бы. Жаловаться не на что.

– Все идет так, как вам хотелось?

– Обижаться не могу.

Но все же по лицу его пробежала тень. Поколебавшись, он наконец решился и доверительным тоном, словно на исповеди, сказал:

– Пожалуй, вот чего мне иногда хотелось бы: поиграть в пулиш. С моими друзьями.

– Как? – воскликнула Флоранс. – Вы больше не играете в шары?

– Нет, сеньорита, – гордо ответил швейцар. – У нас слишком много работы.

– Много работы? – переспросила она.

На лице Эстебана появилась легкая улыбка. Первая за все время их беседы. Но в опущенных уголках его улыбающегося рта было больше снисходительной иронии, чем дружеского расположения.

– Дело не в этом, – объяснил он. – Наоборот, работы, пожалуй, даже меньше, ведь у нас по пятницам тоже выходной.

Флоранс не могла скрыть своего удивления.

– Вы не работаете в пятницу?

– Да, сеньор Квота с той недели дал нам дополнительный выходной в пятницу.

И так как Флоранс явно ждала дальнейших разъяснений, Эстебан продолжал:

– Пятница – теперь день еженедельных покупок мелких служащих. Для некоторых служащих – это среда, для других – вторник. Правильно говорит сеньор Квота, непонятно, как это раньше успевали делать покупки, когда свободной была только суббота.

– В таком случае у вас должно оставаться время на игру в шары, – заметила Флоранс.

Эстебан опять снисходительно ей улыбнулся.

– Да что вы! – сказал он. – Мы, слава богу, теперь совсем по-другому живем, чем при вас.

Улыбка его стала почти надменной.

– Да и откуда, сеньорита, по-вашему, взять время, ведь мы теперь столько всего покупаем! Вот сами увидите, как в пятницу мы носимся по магазинам. А сеньор Квота поговаривает даже, что еще и четверг надо сделать укороченным днем, работать только до обеда.

– И вы согласились ради этого пожертвовать шарами?

На сей раз на лице Эстебана сквозь отеческую снисходительность проступило суровое осуждение.

– Простите, сеньорита, но сразу видно, что вы давно здесь не были. За границей кое-кто воображает, что в Тагуальпе до сих пор живут голодранцы. Что мы, мол, теряем время на игру в пулиш, а у наших детишек лишь один тазик для мытья ног. Нет, эти времена прошли, сеньорита. Теперь по части гигиены и всего прочего мы за границе утрем нос.

Эстебан подошел к Флоранс и постучал пальцем ее по плечу, чтобы она внимательно слушала.

– Вот возьмите хотя бы наш дом – теперь у нас две ванны, сеньорита, душ, четыре биде, восемь умывальников – уж последние два мы даже не приложим ума, куда всунуть. А что будет через год или два, когда в наш квартал проведут воду! Если, конечно, утвердят ассигнования, – осмотрительно добавил он. – Задача Тагуальпы, как говорит сеньор Квота, – быть в авангарде современного комфорта.

Флоранс хотелось одновременно и поколотить и расцеловать его, такой глупостью оборачивалось его стремление жить «достойно». Но особенно возмущало Флоранс бесстыдство, с каким другие использовали это стремление.

– И все же, – сказала она, – мне жаль, что вы не играете больше в шары. Хотя я и не корю вас за умывальники, тем более что, на мой взгляд, при такой системе мой дядя и сеньор Квота не остаются в накладе.

Но Эстебан, почувствовав в ее словах открытый упрек, неодобрительно заметил:

– Остаются ли они в накладе или нет, этого уж я не знаю, сеньорита, а вот, знаете ли вы, сколько я теперь зарабатываю?

– Когда я уезжала в Европу, вы уже получали около восьмисот песо. А к моему возвращению вам обещали тысячу.

– Ну, так вот, сеньорита, я получаю три тысячи.

Эта цифра поразила Флоранс.

– А вы не прибавили, Эстебан?

– Ни одного сентаво, сеньорита.

Флоранс не знала, что и думать. С одной стороны, пресловутые восемь умывальников, которые некуда поставить, и это без водопровода... А с другой – губернаторское жалование.

– Признаюсь, я этого не ожидала. Так у вас, наверное, сколотится неплохой капиталец?

Эстебан, казалось, впервые растерялся. Он отвел глаза, и с его лица слетело выражение самоуверенности.

– Видите ли... – начал он, – из-за того... уж если на то пошло, у меня скорее неплохие долги. Ведь столько приходится покупать всего...

– Почему же – приходится?

Эстебан был похож на собаку из басни, которая вынуждена признаться голодному волку, что расплачивается за свою сытую жизнь ошейником.

– Дело в том... – промямлил он, – дело в том, что наш заработок зависит от наших покупок: чем больше мы покупаем, тем больше зарабатываем, если же мы покупаем мало, то и заработок уменьшается... Короче говоря, сложа руки сидеть нельзя.

– Ясно, ясно, – пробормотала Флоранс. – Все совершенно ясно...

Теперь ей стали понятны и ванны, и умывальники, и транзисторы, и часы во всех карманах. Да, Квота действительно сила. Флоранс вновь охватили самые противоречивые чувства. Но она подавила их и спросила у Эстебана:

– Ну, а, в общем-то, Эстебан, вы счастливы? Я хочу сказать: счастливее, чем прежде?

Эстебан энергично кивнул головой, но голос выдал его – в нем уже не звучало недавней уверенности.

– Конечно, сеньорита, – сказал он, помолчав, – даже если иногда и...

Он снова замолк.

– Что иногда? – подбодрила его Флоранс.

Внезапно с Эстебана слетела вся его напыщенность. Щеки его как-то сразу обвисли, плечи опустились, живот втянулся.

– ...даже если иногда тебя что-то и раздражает немножко, – продолжал он. – Ну, например, когда никак не можешь разобраться, который час, или же когда вдруг в доме все девчонки, черт бы их побрал, одновременно принимают играть гаммы или упражнения Черни...

– А сколько же у вас фортепьяно? – с удивлением спросила Флоранс. – И сколько девочек?

– Четыре дочки, сеньорита, – удрученно ответил Эстебан. Но тут же с гордостью добавил:

– И три фортепьяно. Для начала, понятно, обыкновенное пианино, потом кабинетный рояль – все-таки покрасивее. Ну, а ради качества пришлось, конечно, приобрести настоящий концертный рояль. Все это еще ничего, да вот от проклятых девчонок, простите на слове, просто барабанные перепонки лопаются. Ведь старшие – подумайте только! – сядут вдвоем за один рояль и как начнут жарить в четыре руки. Не желают понять, что четвертый инструмент мне просто впихнуть некуда!

– А вы бы установили очередь, – предложила Флоранс.

– Пробовал, – тяжело вздохнул Эстебан. – Но тогда три другие девчонки запускают всю мощь свои проигрыватели и транзисторы. Еще хуже получается.

– Но ведь и у вас они только что играли все одновременно, – сказала Флоранс.

Эстебан, казалось, был удивлен этими словами.

– Неужто? А ведь правда, ничего не поделаешь, привычка... Но, как видите, и это подчас надоедает... Вот возьмите наш морозильник. – Тут Эстебан нахмурился. – Купили мы его недавно, надо же зимой есть свежую клубнику. Ради витаминов. Со здоровьем шутить нельзя. А только у нас в нашей кухоньке и так уже три холодильника: маленький для рыбы, второй для сыра – не годится смешивать разные запахи, верно ведь? – и большой для остальных продуктов. Так куда же, по-вашему, я должен воткнуть еще и морозильник? И без того уже в этой проклятой кухоньке не повернешься, такая там теснотища. Посуду моем в кухне, а вытирать идем в гостиную... Нет, пожалуй, придется все-таки менять квартиру. Тогда и посудомоечную машину можно будет купить, а иначе что о нас скажут соседи? Тем более что, если в этом месяце я не выполню норму покупок, мне жалованье урежут. Сами видите, забот хватает...

Говорил ли он для Флоранс или для самого себя? Взгляд его был устремлен куда-то вдаль, и извилистые морщины на лбу, под глазами и в уголках рта как бы подчеркивали выражение глубокой тоски.

– Бывают дни, – вздохнул он, – когда вдруг чувствуешь, что ничего тебе больше не хочется, потому что и так у тебя всего слишком много. Помнится, – и в его потухших глазах вспыхнул на миг живой огонек, – сколько радости нам доставил первый холодильник «В-12»... Ну, а четвертый, сами понимаете...

Но все же он распрямил плечи и проговорил твердым тоном, хоть это далось ему не без труда:

– Ясно, с такими настроениями надо бороться. Нельзя поддаваться слабостям. Потому как сеньор Квота правильно говорит: Тагуальпа должна стать передовой страной, и...

В приемной послышался чей-то голос, и Эстебан не закончил фразы.

– А вот и сеньор директор. До свидания, сеньорита. Очень приятно было с вами поболтать.

Встреча с дядей Самюэлем тоже прошла не совсем гладко. Бретт был безмерно счастлив увидеть племянницу, но все свои разноречивые чувства – и укор, и беспокойство, и надежду – выразил в следующих словах:

– Ну, наконец-то ты изволила пожаловать домой!

Они расцеловались, заверили друг друга, что оба прекрасно выглядят, причем Флоранс нашла, что дядя немного похудел и это молодит его, Бретту же показалось, что племянница немного пополнела. «Вот что значит французская кухня», – заметил он. В ответ Флоранс принялась сравнивать провансальскую кухню с тагуальпекской, возможно, чтобы оттянуть ту минуту, когда, исчерпав все темы, они вынуждены будут заговорить о главном.

– Итак, дядечка дорогой, дела как будто идут неплохо?

Выражение лица Бретта мгновенно изменилось, по нему словно облачко пробежало.

– Да, и, как сама можешь убедиться, обошлись без тебя.

– Вы все еще на меня сердитесь? – спросила Флоранс.

– Если скажу «нет» – это будет неправдой, но сказать «сержусь» – тоже будет неправда.

Я тобой недоволен, но прощаю. И все же вспомни, когда ты удрала...

– Вовсе я не удирала, – возразила Флоранс. – Просто отошла в сторонку.

– Вот именно – и на весьма солидное расстояние, – сказал Бретт. – Просто струсила. И не спорь со мной, пожалуйста.

Флоранс ответила не сразу:

– Может быть, вы и правы, я боялась Квоты...

– А ты думаешь, я не боялся? Думаешь, не твердил себе целые месяцы: «Нет, все это слишком прекрасно, так продолжаться не может». Представь себе, вдруг все бы лопнуло как мыльный пузырь. А тут еще ты бросила меня в беде одного.

– Я оставила вас на Квоту, – сказала Флоранс, и в голосе ее прозвучали ехидные нотки: – Вы же сами сделали выбор между ним и мною.

– И правильный выбор! – уточнил Бретт, задетый ее упреком. – Что было бы с нами, если бы не Квота? Пришлось бы нам ликвидировать дело, ты же сама это знаешь! Не будь такой злопамятной.

– Дядюшка, дорогой, не будем больше говорить об этом, ладно? – ласково попросила Флоранс. – Не стоит омрачать нашу встречу.

Но Бретт упорствовал:

– Нет, будем говорить об этом, потому что ты должна с ним поладить!

Флоранс снова помрачнела. Она сказала дяде, что пока об этом не может быть и речи. Пусть он не заблуждается на сей счет. Она приехала только ради того, чтобы обнять дядюшку, потому что ужасно соскучилась, и посмотреть своими глазами, как тут у них идут дела. Вот и все.

– Ну, как идут дела – сама видишь. – Бретт широким жестом обвел роскошно обставленный кабинет.

– Что-что, а уж этого нельзя не заметить, – отозвалась Флоранс.

Слова ее прозвучали с мрачной иронией. Флоранс была не прочь сменить тему разговора. Но любопытство взяло верх.

– «Бреттико» – это тоже ваша фирма? – спросила она.

– Ого, ты уже видела? Конечно же, наша. «Фрижибокс» и холодильники – дело прошлое, сейчас это лишь скромное отделение. И с каждым днем поле нашей деятельности расширяется. Кстати, угадай, что стало со Спитеросом?

– Вы же сами писали, что он вынужден был обосноваться в провинции. Кажется, выпускает бассейны.

– Да, из пластика. Он твердо держится своих старых принципов – производить мало, а получать много. А мы предпочитаем получать меньше, зато много производить.

– Много часов, например, – сказала Флоранс, обводя глазами кабинет.

– Совершенно верно. А откуда ты знаешь?

– Женская интуиция. Но вот что меня удивляет...

– Что именно?

– Я не вижу здесь ни одного пианино. А Квота, по-моему, занимается теперь и этим.

– Как и многим другим, – подтвердил Бретт. – Что же касается пианино, то дома у нас их сколько угодно, даже типофоны есть.

– А это что такое? – с тревогой спросила Флоранс.

Ответ прозвучал с порога – это вошел в кабинет Каписта.

– Разновидность пианино, но производит еще больше шума, – с веселой усмешкой пояснил он.

Каписта подошел к Флоранс, взял ее за руки.

– Добро пожаловать, сеньорита Флоранс. Как поживает старушка Европа?

– Кряхтит, но никто не жалуется. Во всяком случае, не особенно жалуется, – ответила Флоранс.

Они с нежной улыбкой смотрели друг на друга.

– Мои типофоны не вашего ума дело, – проворчал Бретт, нарушая эту трогательную сцену. – Лучше расскажите о ваших тромбонах или об офиклеидах.

– Очаровательно! – вздохнула Флоранс. – Вот-то, наверное, весело! Но вы по крайней мере успели в музыке? – спросила она Бретта.

– Не знаю, – сухо ответил он. – Я не играю.

– На типофоне – понятно. А на пианино?

– Ты же знаешь, я вообще ни на чем не играю!

– Так для чего же они вам?

– Для друзей. И вообще отстань, чего ты ко мне пристала?

Каписта усмехнулся.

– Воистину у вас преданные друзья, – язвительно заметил он. – Особенно если учесть, что сейчас в Хавароне в среднем приходится по два с четвертью фортепьяно на семью, каким же нужно быть альтруистом, чтобы идти еще куда-то играть...

– А к вам приходят играть на ваших офиклеидах? – в бешенстве крикнул Бретт.

– Не ссорьтесь, – остановила их Флоранс. – Право, вы меня пугаете. Хватит того, что прохожие в Хавароне и Порто-Порфино – я сама видела – разгуливают с двумя, а то и с тремя транзисторами, и все три орут одновременно...

– Вы сказали, с двумя, с тремя? – тревожно прервал ее Каписта.

– Честное слово, с тремя.

– А в прошлом месяце средняя цифра была четыре и семь сотых, – обратился Каписта к Бретту. – Уж не начался ли на рынке спад?

– Черт побери! Надо предупредить Квоту.

– Вы это серьезно? – с возмущением воскликнула Флоранс, увидев, что Каписта озабоченно записывает эти данные в блокнот.

Но оба как будто не поняли ее и в один голос удивленно спросили:

– Что? Что?

Флоранс уже не помнила себя. Дрожащим голосом она бросила Бретту прямо в лицо:

– Какой прок от всех ваших глухонемых пианино, от всех ванн Эстебана без воды. Но дело ваше, живите, как хотите! Но если вы намерены еще увеличивать количество транзисторов на душу населения, то тогда, уж извините, я немедленно покидаю эту страну!

– Ну-ну, – попытался остановить ее Бретт, – не горячись. Ты боишься шума? Но ведь правительство как раз сейчас принимает закон, запрещающий пользоваться транзисторами в общественных местах. Так что... сама понимаешь.

– Когда вы об этом узнали? – Флоранс не только не успокоилась, но разошлась еще больше.

– Месяцев пять-шесть назад.

– И вы тем не менее продолжаете продавать по четыре транзистора на голову? – выкрикнула она.

Каписта вытаращил глаза.

– А почему бы нам не продавать?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к торговле, – не менее удивленно заметил Бретт.

– А что же они будут с ними делать, если не смогут их включать? – Флоранс окончательно вышла из себя.

– Да пусть... – начал Бретт, словно только сейчас задумавшись над этим вопросом, – пусть делают все что угодно, каждый сам себе хозяин! Пусть используют хоть в качестве пепельницы или сковородки. Нам-то какое дело! Мало того, что я занимаюсь торговлей, ты еще хочешь, чтобы я придумывал, как им развлекаться?

Его тирада прозвучала столь искренне, что у Флоранс вылетели из головы все доводы и осталось только возмущение. Она посмотрела дяде прямо в лицо и прошептала:

– Вот до чего вы докатились...

И, помолчав, добавила громко, но голос ее дрогнул:

– В общем, дядя Самюэль, вы довольны. Все идет так, как вы хотели.

– Бог мой! Конечно, в общем-то, так.

– Ах, только в общем? – У Флоранс блеснул луч надежды.

– Могло бы идти еще лучше, – поддакнул Каписта.

– Вот это меня радует, – сказала Флоранс.

– Радует? Что тебя радует? – крикнул Бретт.

– Да, то, что дела идут не совсем как по маслу, – ответила она.

– Вот так номер! – воскликнул Каписта. – Оказывается, ваша племянница – настоящая злючка! Но почему же это вам по душе?

– Потому что остались еще, слава богу, строптивцы, которые не дают себя механизировать.

– Строптивцы? – дружно усмехнулись ее собеседники.

– Если ты найдешь во всем Хавароне хоть одного... – добавил Бретт.

– Да вы только что сами сказали...

– Сказал, что дела могли бы идти еще лучше, – прервал ее Бретт. – Правильно! Надо

охватить еще ряд секторов. Взять хотя бы, к примеру, школы...

– Да, вот наша забота, – подтвердил Каписта.

– А что со школами? – спросила Флоранс.

– Просто скандал! – ответил Каписта. – Счастье, что Квота наконец-то спохватился.

– Да что с ними происходит, со школами?

– В том-то все и дело, что ничего, – ответил Каписта. – Абсолютно ничего. Просто невероятно.

– Два миллиона школьников в возрасте от шести до четырнадцати лет не обладают никакой покупательной способностью. Представляешь себе? – возмущенно сказал Бретт.

– Но будет принят закон о помощи, – вставил Каписта.

– Закон о чем? – переспросила Флоранс.

– О помощи экономически слаборазвитым детям, – пояснил Каписта.

– Есть проект отпустить на это дело крупные суммы. Детишки будут получать деньги в конце каждого урока...

– ...чтобы они на перемене немедленно пускали эти деньги в оборот...

– ...быстро и в большом количестве покупая различные предметы...

– ...петарды, шарики-хлопушки, охлажденные напитки, пистолеты, пистоны, леденцы на палочке, сладости, «рудуду»...

Флоранс наконец поняла, в чем дело, и ее затрясло от смеха.

– Закон Рудуду! – воскликнула она.

– Чему ты смеешься? – сухо спросил Бретт. – Статистические данные говорят, что ребенок проглатывает одно «рудуду» меньше чем за двадцать четыре секунды. Следовательно, за четверть часа он может уничтожить больше тридцати пяти различных конфет.

Флоранс уже не смеялась, а только повторяла убитым голосом:

– Закон Рудуду...

– Закон экономического развития школьников, – уязвленно поправил ее Каписта.

– Правильно, так звучит солиднее, – согласилась Флоранс и с иронией добавила: – Но почему же такая сегрегация? Почему нужно лишать прав тех, кому еще нет шести лет? Если они не соображают сами, пусть о них подумают взрослые. А почему обходить тех, кто еще находится в утробе матери!

– Вот видите, и вам уже приходят в голову новые идеи, – обрадовался Каписта. – Чудесное предложение. Оно уравнивает проект кладбищенского закона!

– Разве вы собираетесь заставить покупать и мертвых? – воскликнула Флоранс.

– Это же великолепный рынок, и не используется он только по глупости, – пояснил Каписта. – Надо просто-напросто восстановить мудрые старинные обычаи. Как, скажем, рождественскую елку. Какая сейчас польза от смерти? Да никакой. Разве только цветочки наживаются на ней месяц-другой, да и то еще вопрос. А ведь некогда около покойника возникала бойкая торговля. Оружие, украшения, кубки, вазы, драгоценные камни, бог его знает что еще, всякие там лакомства, мед, изысканные блюда... Все, что покойник любил при жизни, приносили ему на похороны его родственники и друзья.

– Можно приучить людей, – подхватил Бретт, – украшать могилы не только цветами, но, скажем, и лангустами, трюфелями, печеночным паштетом, электропечками или картинами великих художников, восточными коврами, гоночными автомобилями...

Но, увидев вдруг окаменевшее лицо племянницы, Бретт осекся и схватил ее за обе руки.

– Давай поговорим начистоту, – предложил он. – Ты не любишь Квоту, это твое право. Но в чем ты можешь его упрекнуть лично?

– Лично? Ни в чем, – согласилась она.

– А меня? Неужели ты предпочла бы, чтобы я по-прежнему прозябал в обшарпанном кабинете?

– Н-нет, – протянула Флоранс.

– Так в чем же тогда дело? Кто сейчас может пожаловаться на свою судьбу? Вот ты побродила по улицам, как ты говоришь, и сама убедились, как расцвела экономически эта недавно еще почти нищая страна. Благодаря Квоте. Благодаря нам.

– Да, – проговорила Флоранс.

– Практически у нас нет нищеты, – продолжал Бретт. – Она отошла в область предания. Уже сейчас большинство людей имеют все, что им необходимо.

– Да, – согласилась Флоранс. – И даже больше. Намного больше.

– Так в чем же дело?

– Ни в чем, – устало проговорила Флоранс. – Милый дядечка, мне бы хотелось отдохнуть. И немного поразмыслить. Сейчас шесть часов, пойдемте домой, ладно? Я утомилась.

Спала Флоранс плохо. Все, что она увидела за несколько часов, проведенных в Тагуальпе, этот новый лик надуманного неестественного благополучия, повергло ее в смятение. Может ли честный человек радоваться процветанию страны, если в самой основе этого заложено нечто вызывающее тревогу? Но в то же время почему нужно скорбеть о прошлом, с его нищетой, хибарами, полуголодным существованием, короче, о том, что противно здравому смыслу, в сущности, бесчеловечно? Флоранс совсем запуталась и уже сама не знала, чего хочет. Больше всего она опасалась встречи с Квотой, по крайней мере до того времени, пока у нее сложится более твердое мнение обо всем происходящем. Ее отношение к этому человеку было по-прежнему двойственным – с одной стороны, ей нравился его ум, притягательная сила, которая влекла к нему и ее и всех остальных, но, с другой стороны, ее пугала его развязность, беспринципность, то, что он так безжалостно пользуется своей силой. И она не хотела снова подпасть под его влияние.

Вот почему она решила оттянуть встречу с Квотой. Первым делом надо продолжить начатое ею обследование и по рассказам людей попытаться создать себе собственное, объективное, непредвзятое мнение о том, к чему привела деятельность Квоты. Отказаться по возможности от старых предрассудков и личных пристрастий...

На следующий день была пятница, Флоранс вспомнила, что рассказал ей накануне Эстебан: именно пятница для большей части тружеников Хаварона – служащих, агентов, приказчиков, комиссионеров, людей самых различных профессий – стала добавочным выходным днем, чтобы они могли посвятить его покупкам, и ей любопытно было посмотреть, как все это происходит. Вместо того чтобы с самого утра поехать в контору, она села в такси и попросила отвезти ее на главную площадь в центре города, где были расположены крупнейшие магазины столицы.

По дороге она обратила внимание на огромное количество плакатов, больших и малых, на которых стояло одно лишь слово: «Оксигеноль». «По-видимому, какой-то новый препарат, – подумала она, – вот его и рекламируют так широко». Но что это – моющее средство? Лекарство? Ничего, скоро она это выяснит.

Флоранс вышла на площади и решила прогуляться. Если только уместно употребить это слово, когда ты не можешь ступить шагу, подхваченная густой толпой. Слава богу, на небе ярко сияло июльское солнце, а то бы Флоранс решила, что наступил сочельник. С лихорадочной поспешностью мчались нагруженные пакетами люди. У входов в магазины была толкотня, словно при посадке в автобус в часы пик. Все торопились, переругивались, чертыхались. Раньше так вели себя только женщины на распродаже удешевленных товаров, вырывая друг у друга остатки тканей, шляпки, чулки и перчатки, а теперь сильный пол не отставал от слабого. Флоранс видела, как весьма уважаемые мужчины штурмовали прилавки и, странное дело, бросались прежде всего на дорогие вещи, такие, как кинокамеры последнего выпуска, телевизоры, акваланги для подводной охоты... Флоранс заметила скромно одетого человека, который стоял в сторонке, прислонясь к колонне, и вытирал со лба пот, у его ног лежал огромный лодочный мотор, что выглядело совсем странно, так как Тагуальпа – горная страна и в ней нет судоходных рек. А судя по виду незнакомца, трудно было предположить, чтобы он мог себе позволить провести отпуск во Флориде или Акапулько. Флоранс подошла к нему.

– Сеньор... – робко начала она.

Мужчина поднял на нее глаза. От усталости взгляд у него был затуманенный.

– ...Простите меня за бесцеремонность, – продолжала она, – но я приехала в вашу страну как гостя и мне хотелось бы задать вам один вопрос. Если вы, конечно, не возражаете.

Он кивнул ей, но жестом попросил ее подождать минутку. Затем он распахнул пиджак, Флоранс увидела у него под мышкой странный флакон, вроде маленькой бутылочки содовой, только с длинным носиком, задранным вверх. Мужчина нажал какой-то рычажок – послышался свист вырвавшегося газа, потом он сделал два глубоких вдоха, прикрыв глаза. Когда он снова взглянул на Флоранс, в глазах его блеснул живой огонек.

– Грандиозно, – сказал он. – Слыхали? Последняя новинка.

– Нет, а что это такое?

– Оксигеноль. Кислород пастеризованный, витаминизированный и прочее. Восстанавливает силы. Только приходится часто заряжать... Да, так что же вы хотели узнать?

Флоранс замялась.

– Я боюсь показаться нескромной...

– Ну, что вы, пожалуйста, не стесняйтесь.

– Вы уезжаете в отпуск? К морю, наверное?

Ее вопрос несколько озадачил незнакомца.

– Нет, – ответил он, – я поеду к своему отцу в горы.

– Однако вы, если не ошибаюсь, купили лодочный мотор.

– Купил.

Он улыбнулся и добавил:

– Красивый, правда?

– Но что же вы собираетесь с ним делать?

– Собственно говоря, я пришел за подтяжками, а продавец... Ну вы же знаете, что это за люди...

– Но лодка-то у вас есть?

– У меня? К счастью, нет.

– Так для чего же тогда мотор? И почему – к счастью? – Недоумение Флоранс все возрастало.

– К счастью, потому что в следующем месяце я вынужден буду купить лодку. И она, к счастью, стоит дорого. Иначе мне в два счета понизят жалованье.

Только теперь Флоранс все поняла, она вспомнила слова Эстебана: заработная плата находится в прямой зависимости от количества покупок... Еще одно жестокое и гениальное изобретение этого чудовища Квоты! Так вот чем объясняется этот ажиотаж у прилавков с дорогими товарами! Ко всему еще сейчас конец месяца.

Флоранс вышла из магазина с тяжелым чувством. Был уже полдень, и она стала искать кафетерий, где можно было бы позавтракать. Теперь она уже не удивлялась тому, что у всех прохожих обеспокоенные и напряженные лица. Они как маньяки лихорадочно шарили глазами по витринам в надежде обнаружить какую-нибудь вещь, которой у них еще нет, которую они еще не успели купить, на худой конец хотя бы модель нового выпуска...

В баре кафетерия Флоранс уселась на высокий табурет среди двадцати посетителей. Но и здесь ее поджидало разочарование: когда она заказала салат с яйцами, на нее посмотрели с недоумением. В таком случае с тунцом или с помидорами? На лице официанта появилось

выражение подозрительности и презрения. У них есть только омары по-термидорски, лангусты по-нейбургски, русская икра, седло косули, жаворонки, овсянки. И впрямь все посетители бара ели эти дорогие блюда, но с той же кислой скучающей физиономией, так же торопливо, как раньше они проглатывали кусок ветчины, горячую сосиску или рубленый бифштекс. Флоранс еще не потеряла вкуса ко всей этой гастрономической роскоши, и она получила истинное наслаждение от гусяного паштета с трюфелями, хотя тупое безразличие соседей слегка испортило ей удовольствие.

Выйдя из кафетерия, она свернула на улицу генерала Гроппо, героя борьбы за независимость, и внимание ее привлекла вывеска, пробудившая уйму воспоминаний: «Священные когорты прогресса». Отец Эспосито! Она вспомнила, как святой отец месяц обхаживал Каписту, чтобы вытянуть у него пожертвования, а потом сам попался на удочку Квоты и вернул пожертвования в стократном размере.

Так вот, значит, где его благотворительная столовая. Время обеда еще не наступило, однако двери были отперты. Флоранс вошла.

В первую минуту она решила, что ошиблась. А может, просто забыли снять вывеску? Столовая переехала, и заведение вступило, если можно так выразиться, на иную коммерческую стезю. Ничто здесь не напоминало благотворительной столовой, к тому же в помещении не было ни души. То, что увидела Флоранс, скорее уж походило на выставку бытовых приборов: различные модели холодильников, стиральные машины и машины для мойки посуды, водонагреватели, морозильники, металлические шкафы, мойки из нержавеющей стали, из пластика и фаянса, вдоль стены тянулись душевые установки из разноцветного фаянса и сверкающей хромированной стали. Флоранс с трудом пробралась сквозь нагромождения всего этого фаянса и полированного металла. Наконец она очутилась в кухне, где стояли огромные ультрасовременные плиты с электрическими вертелами, решетками для поджаривания мяса, духовками на инфракрасных лучах, автоклавы, машины для резки овощей, усовершенствованные мясорубки, разнообразные мельницы и сотни других предметов, назначение коих было ей не известно. Недоставало здесь только одного – запаха кухни. И поражало мертвящее бездействие всех этих механизмов. Вдруг Флоранс услышала за своей спиной глубокий вздох.

Она живо обернулась. В уголке на табуретке сидел отец Эспосито, высохший, сгорбленный, с бессильно опущенными руками, он мрачно и удрученно смотрел на Флоранс. Не человек, а призрак.

– О, вы здесь, отец мой! – воскликнула Флоранс.

Видел ли он ее? Взгляд у него был отсутствующий...

– Вы меня узнаете?

– Да... Если не ошибаюсь... – безучастно пробормотал священник.

– Вы часто приходили к нам в «Фрижибокс», – напомнила ему Флоранс.

– Да, да... – прошептал Эспосито и умолк.

Вдруг он распахнул полы пиджака, нажал на рычажок, и Флоранс снова услышала свист выходящего газа. Несколько секунд Эспосито с лихорадочной жадностью вдыхал газ. Наконец лицо у него просветлело, взгляд оживился. Губы сложились в подобие улыбки.

– Да, да, – повторил он. – Вы сеньорита Флоранс.

– Племянница Самюэля Бретта, вы же хорошо его знаете.

– Да, да... Но ведь вы уезжали? – вспомнил старик. – Значит, вернулись...

И он посмотрел на нее, словно на привидение. Внезапно глаза его увлажнились и слеза

медленно поползла по носу.

– Вот до чего я дожил, – качая головой, проговорил он униженно и безнадежно.

– По правде сказать, – осторожно начала Флоранс, оглядывая кухню, – я, признаться, удивилась. Почему вы один? Где же ваши кухарки? Ведь не сами же вы готовите обеды?

– Обеды! – выкрикнул Эспосито.

Его крик был похож на рыдание.

– Неужели вы сами не видите? – Он ткнул рукой в сторону плиты. – Какие уж там обеды! – И голос его дрогнул. – Откуда мне взять деньги на обеды, дорогая моя сеньорита, когда я кругом в долгах, когда у меня полно просроченных векселей, все пожертвования уходят на их оплату, и все равно денег не хватает. Бездонная бочка какая-то... Обеды! – повторил он с отчаянием и стыдом и обхватил голову руками.

– Ну, а как же... ваши бедняки? – с ласковым сочувствием спросила Флоранс.

Эспосито поднял голову. Он посмотрел на нее с таким же недоумением, как тот официант в кафетерии. Потом, словно эхо, он переспросил:

– Мои бедняки? – медленно поднял к потолку обе руки и бессильно уронил их. – А где мне прикажете брать бедных, дитя мое? Здесь такого натворили, пробудили в них такие желания, для удовлетворения коих эти несчастные готовы на все: даже на то, чтобы работать. И получают они огромные деньги! Нет, просто невероятно!

Но слова священника вызвали у Флоранс обратную реакцию.

– В таком случае, отец мой... раз больше нет неимущих, раз они хорошо зарабатывают, мы все должны радоваться. Раз нищета исчезла...

Эспосито в возбуждении вскочил с табуретки.

– Так в том-то вся и беда, дитя мое. Вместе с нищетой исчезла и вера! Мои когорты тают на глазах, как восковые свечи. И даже те, кто еще остался, охладели к учению, верят в бога по привычке и только из вежливости ходят на мои проповеди. Но сердце их молчит, они попросту лицемерят! Что же делать? Как бороться против этого благосостояния?

– Вы проповедуете нищету, отец мой! – возмутилась Флоранс.

– Нет, ничуть, – живо возразил священник. – Но что делать, если богатство губит души? Убить нужду весьма похвально, а что, если при этом убивают также и человека? Взять хотя бы меня, бедного грешника, оглянитесь вокруг и скажите искренне, дочь моя, на что мне все эти вещи? Увы, отныне, куда бы я ни обратился за жертвованиями или для спасения гибнущей души, я выхожу, унося с собой либо термостат-подставку для стекания сока под вертел, либо автоматическую гусятницу. И каждый раз поддаюсь я соблазну, хотя никто меня не искушает. Увы, без искушения поддаться соблазну, не иметь даже этого предлога для извинения... Скажите, разве это не самый страшный из грехов, которому нет ни снисхождения, ни прощения? Возьмите хотя бы этот оксигеноль. Знаете, что это такое?

– Д-да, – протянула Флоранс. – Я видела рекламы....

– Так вот я поклялся себе: не поддамся на сей раз соблазну. На сей раз подобная мерзость меня не искушит, на сей раз меня не проведут... И вот посмотрите... – он печально распахнул полы сюртука, – вот он здесь. Не устоял. И я вдыхаю этот газ. – Он направил на себя струю кислорода. – Но самое страшное, дитя мое, мне это нравится. Я уже не могу обойтись без него. Вот что ужасно! Но, кажется, этот Квота – ваш друг? – неожиданно спросил он, бросив на Флоранс подозрительный взгляд.

– Ничего подобного, – ответила она, – просто он...

– Тем лучше, тем лучше, дитя мое. Потому что я прямо скажу вам, этот человек –

настоящий преступник. Он низвергнет нас в пучину порока.

– Вы несправедливы, отец мой, – сурово заметила Флоранс.

Она сама изумилась своим словам. Что толкнуло ее на защиту Квоты. Всеобщее повышение заработной платы? Исчезновение нищеты, о чем отец Эспосито скорбит так, словно у него вырвали сердце из груди?

– Но скажите, отец мой, разве это справедливо упрекать Квоту за то, что благодаря ему столько людей могут больше не мерзнуть, не голодать...

– Этого у меня и в мыслях не было! – возразил священник, подняв дрожащую руку. – Но что он дал взамен? Разве вы не заметили, во что превратились люди в нашей стране? Пресыщенные автоматы, обожравшиеся до тошноты, словно гуси, которых откармливают всевозможными радиоприемниками, холодильниками, мотоциклами, лодками, пианино, и, несмотря на это, погибающие от смертельной тоски и посему жаждущие, чтобы их подвергли новым пыткам.

– Знаете, отец мой, – пыталась еще сопротивляться Флоранс, – роскошь как женщина: она становится пыткой только для того, кому недоступна...

– ...и еще, естественно, для того, кто вынужден ею владеть, не имея на то ни малейшего желания, – живо отозвался священник. – А сейчас уже никто ничего не желает. У каждого слишком много всего, и, несмотря на это, он должен покупать, покупать, покупать без конца. Так продолжаться не может. Нет, нет, не может.

На этот раз Флоранс не нашлась, что возразить. Они молчали, погруженные в свои мысли. Потом Флоранс сказала:

– Отец мой, приходите хоть завтра к нам в контору. Мы вместе обсудим все эти дела, может быть даже с Квотой.

И действительно, Флоранс приняла теперь твердое решение: она встретится с Квотой. У них будет серьезный, возможно даже резкий, возможно даже мучительный, разговор, но иного выхода нет – положение слишком опасное. Ибо отец Эспосито прав, прав по крайней мере в одном отношении, думала Флоранс, люди настолько пресытились всем, что у них нет больше никаких желаний, даже у тех, которые, подобно привратнику Эстебану, сами еще этого не осознали, не отдают себе в этом отчета, а посмотрите, как в день, выделенный для покупок, они носятся сломя голову по магазинам, мучительно пытаясь отыскать какую-нибудь вещь, которая еще может их прельстить. Зачем? Чтобы ее приобрести. Ведь они вынуждены покупать, иначе им понизят жалование, а на что им столько денег? Для того чтобы покупать вещи, в которых они не нуждаются? Иными словами, покупая, они сохраняют свои высокие ставки, и это дает им возможность покупать, чтобы сохранить...

У Флоранс даже голова закружилась – так нелеп, так кошмарен был этот заколдованный круг. Она бросилась бежать. Она ворвалась в контору. Она спросила, здесь ли Квота. Она хочет его видеть. Немедленно. Пусть бросит все дела.

И все же она удивилась, когда он явился к ней почти сразу же, едва ему доложили о ее желании поговорить с ним. Казалось, он был счастлив увидеть Флоранс, во всяком случае если судить по вздернувшей уголки его губ радостной улыбке, которая так редко появлялась на этом тонком, бесстрастном лице. Зато Флоранс при виде Квоты сразу же заледенела. Этот дьявол в образе человека обладал даром убивать все чувства. Она уже сама не знала, ненавидит ли его, восхищается им, презирает или боится...

Однако Квота обеими руками сжал руку Флоранс – жест вообще ему несвойственный – и, задержав ее в своих ладонях, внимательно оглядел девушку.

– Европа пошла вам на пользу, – сказал он. – Вы чудесно выглядите.

Флоранс не нашлась, что ответить. Она осторожно высвободила руку. Ей не хотелось обижать его, но в то же время не хотелось быть излишне приветливой и дружески интимной. В первую минуту Квота как будто удивился ее сдержанности – видимо, он не ожидал такого приема. Потом чуть нахмурился, сморщил губы и криво усмехнулся:

– Что-нибудь случилось? Ну хотя бы поздоровайтесь со мной после двухлетней разлуки.

Флоранс улыбнулась и любезно сказала:

– Здравствуйте...

Она протянула ему руку, которую только что отняла, но тут же снова отняла ее. Потом она опять улыбнулась, как бы говоря: «Вы уж извините меня», тряхнула головой и опустила глаза.

– Да, – проговорила она, – случилось...

– Я надеялся, – сказал Квота, – что мы помиримся...

Она подняла голову, беспомощно развела руками, глубоко вздохнула и ничего не ответила. Молчал и Квота, потом проговорил:

– Н-да, ваше поведение не слишком ободряет...

Флоранс задумчиво поглядела на него.

– А вы полагаете, что мне хочется вас ободрить? – тихо спросила она.

Улыбка сошла с лица Квоты, но он, видимо, не обиделся. В его глазах сквозило любопытство, в котором были и укор и ирония.

– Неужели вас не учили в детстве говорить спасибо?

Но Флоранс не сдавалась.

– Спасибо? Да я ничем не обязана вам! – твердо возразила она.

– Вы – нет. Ну а дядя?

Флоранс с насмешливым пренебрежением поджала губы.

– Дядя Самюэль? Он или другой – это же чистая случайность. Просто он первый попался вам на пути, вот и все.

– Но это еще не причина быть неблагодарной.

– Пожалуй, да, – согласилась Флоранс.

Она готова была признать себя неправой, чтобы хоть немного обелить Квоту.

– Больше того, – продолжала она, – я рада отметить, что вы повсюду добились потрясающих успехов. Вот видите, я объективна. Ваши успехи еще поразительнее, чем я представляла себе, живя вдали. В первую очередь – высокие ставки. Взять хотя бы Эстебана – до вас он зарабатывал сто песо, а теперь, по его словам, получает три тысячи. Думаю, это правда.

Но Квота удивился ее удивлению: ведь ни для кого не секрет, сказал он, что благодаря ему в Хавароне, где раньше была самая низкая в мире заработная плата, сейчас она самая высокая. Даже выше, чем в Соединенных Штатах.

Пусть так, согласилась Флоранс, но такая высокая оплата труда связана со странными, мягко говоря, обязательствами... К чему они приводят, она смогла убедиться собственными глазами утром, так как сегодня пятница, нерабочий день, выделенный для еженедельных покупок. И Флоранс весьма живо нарисовала Квоте картину, которую своими глазами наблюдала: исступленно мечущиеся, обуреваемые страхом не выполнить норму покупок люди, толкотня, ажиотаж, человек с лодочным мотором, несчастный, изможденный Эспосито, слоняющийся словно тень среди монументов современной техники, которые разорили его самого и его столовую...

Квота даже бровью не повел. Он выслушал эту обвинительную речь с невозмутимым спокойствием. Когда она на секунду остановилась перевести дух, он спросил:

– Ну и что из этого?

– Неужели вы ни о чем не сожалеете? – воскликнула Флоранс. – И вы не чувствуете хоть капельку тревоги? Стыда? Угрызений совести?

Нет, Квота не производил впечатления человека, которого мучает хотя бы одно из этих чувств. В ответ он лишь изрек как бесспорную истину:

– Раз мы производим холодильники, мы должны их продавать.

– Но зачем тогда вы их производите?

– То есть как зачем?

– Ведь у всех уже есть холодильники и даже больше, чем надо! – крикнула Флоранс.

– Черт побери, да для того, чтобы их продавать.

Сказано это было с такой искренностью и простосердечием, что Флоранс на мгновение растерялась. Может, он смеется над ней? Нет, не похоже. Просто он действительно так думает. И так же думает Эстебан и другие покупатели, которых она видела, все тагуальпеки: по их мнению, все это проще простого и само собой очевидно. Какой ужас!

– Ну вот... – Флоранс удрученно вздохнула. – Вы даже не замечаете, что все это превратилось в бессмыслицу, в абсурд. И дядя Самюэль не замечает. И Каписта. Вы превратили Тагуальпу в страну каторжников...

Квота удивленно посмотрел на нее.

– Катгоржников, приговоренных к принудительным покупкам, – уточнила Флоранс. – Я хочу понять наконец, в чем тут дело. – Она снова вздохнула. – Можно задать вам еще один вопрос? Даже если это ни к чему не ведет.

– Разумеется.

Флоранс помолчала немного, стараясь собраться с мыслями.

– Мне показалось вначале... – медленно проговорила она, – впрочем, так думают многие... даже утверждают, что это чем-то напоминает эксперимент Мао Цзэдуна... Так вот, мне показалось вначале, что вы руководствуетесь научными целями. Что вы хотели испытать преимущества вашего опыта на первых порах в такой маленькой стране, как Тагуальпа, а уж затем внедрять его и в другие страны. Это логично. И даже прозорливо. В общем, мы служили вам в качестве подопытных кроликов. Но теперь, когда ваш метод оправдал себя, – продолжала она взволнованно, – когда вы доказали – и доказали сотнями примеров, даже сверх надобности, – что с помощью вашего метода можно продать все, даже очки слепому и ботинки безногому... когда вы победили по всем статьям, что же, черт побери, вы хотите доказать еще? Зачем вы продолжаете свои эксперименты?

Квота промолчал. Потом сел на краешек стола перед Флоранс и сказал:

– А я-то считал вас умной девушкой.

Флоранс поразили и слова Квоты и тон, которым они были произнесены.

– Спасибо, – проговорила она, и в ее голосе прозвучала скрытая ирония, но, пожалуй, это была всего лишь жалкая попытка сохранить свое достоинство, ибо в душе она уже приготовилась услышать веские доводы, которые опровергнут ее обвинения. Она ждала. Она надеялась. Сумеет ли он оправдать то, что до сих пор в ее глазах не имело никакого оправдания. Но он только спросил:

– Неужели вы запомнили, с чего я начинал?

– Не процветающая, но честная фирма, – ответила Флоранс, делая последнюю попытку не сдать своих позиций.

– Вернее, прогорающая, если уж говорить откровенно. – Слова эти сопровождалась безжалостной усмешкой, тронувшей уголки губ Квоты. Флоранс хотела ему ответить, но Квота остановил ее движением руки.

– Это не упрек, именно такую фирму я и искал. И страна подходящая – такая, где основным занятием особой мужского пола была игра в пулищ, а женского – адюльтер. Торговля? Никто о ней и не думал. Она оживала лишь дважды в неделю, в базарные дни. А тем временем промышленность потихоньку угасала. Разве не так?

– Так.

Флоранс никак не могла понять, куда он клонит. Квота нагнул, не спуская с нее горящего взгляда.

– Скажите, Флоранс, скажите честно и откровенно, разве можно терпеть, чтобы в двадцатом веке, пусть даже в такой стране, как Тагуальпа, экономика находилась в столь плачевном состоянии? Ведь это угроза всей нашей цивилизации, Флоранс, – продолжал он, отчеканивая каждое слово. – Вот в чем истина. Единственная. И потому я считаю только с ней. Понятно?

Флоранс слушала. Ждала. Она сама еще не знала, понимает его или нет. Он выпрямился. И жестко проговорил:

– И я взял это решение на себя.

Квота сжал правую руку в кулак и повернул, как бы нажимая на ручку двери.

– Два года напряженного труда, и эти бедолаги наконец обрели смысл жизни. Они поняли дух торговли. Поняли наконец, что их жизнь имеет смысл и благодаря мне полна надежд.

Последние слова Квоты не вызвали у Флоранс недоумения, словно их-то она и ожидала. Она затаила дыхание. Она ждала, что наконец-то он все объяснит.

– В чем же вы меня упрекаете? – продолжал он. – В том, что люди покупают теперь в три раза больше холодильников, пианино и умывальников, чем им требуется? Правда, покупают. Но почему они покупают?

Квота поднял руку. Флоранс по-прежнему ждала.

– Потому что, – отчеканил он, – потому что они понимают все, они все одобряют и с радостью и гордостью вместе со мной ведут бой на переднем крае ради величайшей из побед.

И Квота закончил:

– ...ради триумфа современной экономики, Флоранс!

Может быть, Флоранс ждала продолжения. Но Квота замолчал. Рука его упала. Он сказал все. В груди у Флоранс стало совсем пусто.

– А зачем он нужен людям? – спросила она, то ли в последнем порыве надежды, то ли уже с иронией.

– Кто?

– Триумф современной экономики?

Квота взглянул на нее, как на диковинного зверя, и бесстрастно проговорил:

– Странный вопрос...

Усмехнувшись, он добавил:

– С таким же успехом вы могли бы меня спросить, зачем Шаляпину нужен был триумф в «Борисе Годунове»... Не ищите здесь смысла, слава довольствуется сама собой, она увенчивает свое чело своим собственным лавровым венком. Триумф нашей экономики, Флоранс, это есть и триумф нашей цивилизации. Они неотделимы друг от друга. Они составляют единое целое, и победа одной из них – это также победа другой.

Как раз в это время какие-то часы, а их в кабинете было множество, пробили половину.

– Вот, кстати, можете сами убедиться, – сказал Квота, – сейчас половина шестого...

Он бросил взгляд на соседние часы.

– Хм... примерно половина...

Спрыгнув со стола, на котором он сидел, Квота подошел к окну.

– Школьники уже пришли домой. Каждый ребенок, выпив чашку шоколада, сядет за пианино или возьмет виолончель и примется разучивать гаммы. А в первые дни моего пребывания здесь, если я случайно оказывался в этот час на улицах, меня поражала тишина. Мне было очень неуютно. Эта тишина преследовала меня целых полтора месяца, которые мне показались бесконечными. Но наконец где-то там, в восточной части города, зазвучали первые гаммы. Мое первое пианино, Флоранс! Затем появилось еще одно, в северной части. А потом – десять, двадцать, тридцать... Послушайте сами!

Квота резким движением распахнул обе створки окна. И тотчас же в комнату, словно дикая кавалерия, ворвалась чудовищная какофония, какая-то мешанина мелодий, невообразимый винегрет, составленный из звуков пианино, скрипок, флейт, кларнетов, фаготов, гитар, а к ним еще присоединились орудия проигрыватели, радиоприемники и

транзисторы. Все это взвивалось ввысь, нависало над городом, как грозное небо, вихрилось и ничем не напоминало музыку.

– Слышите? – с гордостью спросил Квота. – Эти фанфары – награда мне. О коммерческих успехах в этом городе меня извещают особым образом, шумным и торжественным. Я могу ежедневно следить за темпами развития и расширения торговли. Вы обратили внимание, насколько сильнее озвучены западные районы, где живут более состоятельные люди, нежели восточная часть города? А вот там, к югу, музыкальный провал, полное отсутствие звуков, прислушайтесь, и вы это уловите. Там район боен. И знаете, эта зона тишины терзает меня, словно больной зуб. Но погодите, я готовлю проект постановления, согласно которому убой скота будет сопровождаться игрой оркестра, я уже заручился поддержкой Общества защиты животных. Но все же эта тишина ничто по сравнению с тем, что творится за городом, в деревне.

Квота закрыл окно. В кабинете сразу стало тихо. Лишь напрягая слух, можно было уловить нестройные приглушенные звуки, и, казалось, весь город окутан саваном музыкальной суеты.

– Деревня! – повторил Квота, и в голосе его послышались горечь, презрение, ненависть. – У вас никогда не было желания полюбопытствовать, что она из себя представляет? А мне месяц назад случайно пришлось там побывать. Из-за плохой видимости отменили рейс самолета, и я вынужден был поехать на машине. Вы даже не представляете себе, что это за зрелище.

– Вы так думаете? – У Флоранс еще хватило сил на иронию. Она была растерянна. Она уже ни на что больше не надеялась, но при всем своем желании не могла не слушать этого человека, поглощенного своей чудовищной маниакальной идеей. Он словно гипнотизировал ее.

– Эти луга, эти леса, холмы, – продолжал Квота, – повсюду эта зелень, и никакого следа промышленности и торговли, их и в помине нет! А этот идиотский боярышник вдоль дорог, по которым трусят ослы! И это в двадцатом-то веке! Просто оскорбительно! Оскорбление цивилизованному человеку.

Квота зашагал взад и вперед по кабинету. Он сжал кулаки, стиснул зубы.

– Но я наведу там порядок, – угрожающе сказал он. – В ближайшие месяцы вся моя деятельность будет направлена на торговлю автомобилями. Сейчас они уже заполнили мостовые и даже тротуары городов. Прекрасно! Но этого мало! Пусть их будет переизбыток. Пусть выплеснутся за пределы города. Пусть, словно муравьи, наводнят все шоссе, дороги, проселки. Пусть на мертвых доселе перекрестках зачернеют скопления машин, пусть это будет походить на банку с паюсной икрой.

Квота устремил взгляд в пространство, словно мысленно любовался этой воображаемой картиной, и в глазах его блеснула жестокая радость. Голос его окреп, и он продолжал лирическим тоном:

– И тогда, Флоранс, в этих деревнях, на этой пустоши разовьется современная промышленность. Тысячи и тысячи путешествующих автомобилистов, застрявших в пути, потребуют, чтобы к их услугам предоставили станции обслуживания, мотели, бассейны для купания, музыкальные автоматы, площадки для игры в гольф, бары, дансинги, рестораны. И вот тогда-то все эти пустынные долины, рощи – места разврата, – вся эта неискоренимая трава, эта безобразная зелень наконец-то исчезнет под бетоном, кирпичами, железом. Не будут больше тощие ослы щипать боярышник! На смену им придет великая эра сосисок и

ромштексов по-татарски, сэндвичей с ветчиной, с крутыми яйцами и сыром, потребуются миллионы банок консервов. Бессмысленное журчание замшелых ручейков сменит здоровое урчание сытых желудков. Работу кишечника будут регулировать не горстка ягод земляники, а тонны слабительных средств. Вместо сирени и роз...

– Но, Квота, это же бред! – не выдержала Флоранс. Она в ужасе выкрикнула эти слова так громко, что Квота прервал свою вдохновенную речь и удивленно спросил:

– Что это с вами?

Флоранс долго шагала по улицам, пытаясь успокоить расхолодившиеся нервы. Опять она сбежала от Квоты, как тогда, еще во время его первых опытов. «Простите, я ухожу... я хочу подумать». Конец их бестолкового разговора лишил ее последних сил.

– Значит, – кричала она, – под видом развития туризма вы собираетесь лишить туристов и природы и свежего воздуха?

– Ничего подобного, – возражал Квота. – Они будут покупать сжатый чистый воздух в баллонах на заправочных станциях.

– А ради того, чтобы распродать побольше слабительного, – продолжала она кричать, – вы вызовете запор у всех жителей Тагуальпы? В таком случае почему бы вам не приправлять ваши сосиски висмутом?

– Я уже думал об этом, тогда бы мы смогли одним махом сбыть залежи и висмута и касторки.

«Ну как спорить с таким человеком? Он ослеплен своей манией», – думала Флоранс, шагая по улице. А вдруг и она, Флоранс, тоже ослеплена своими чувствами? Она поддавалась порыву гнева. Она не права. Ведь было бы несправедливо отрицать бесспорную заслугу Квоты хотя бы в том, что уровень жизни в Тагуальпе значительно возрос, а до его появления был ниже среднего мирового, сейчас уровень жизни в Тагуальпе превосходит не только европейский, но даже уровень жизни богатого американского соседа. Так как же можно желать возвращения к прошлому? Не она ли сама сказала бедняге Эспосито: «Вы проповедуете нищету, отец мой». Где же правда? Где?

Но что будет, если Квота пойдет еще дальше? Если осуществит свои намерения? Ведь он не оставит в стране ни одного клочка земли, где люди могли бы свободно вздохнуть. «Это же необходимо, чтобы жить, Квота, чтобы жить», – мысленно убеждала она его и тут же слышала его возражение: «А как жить без торговли?» Да, именно такими словами он и ответил бы ей. Все сводится у него к этой единственной области человеческой деятельности, только под этим углом зрения он видит мир. Кто он? Фантазер? Или просто маньяк? Ведь его маниакальные идеи граничат с идиотизмом, ибо при таких темпах через десять, а может, даже через пять лет или через несколько месяцев люди купят автомобилей и пианино в пять, десять раз больше, чем они могут использовать... их даже некуда будет ставить... что тогда придумает Квота? Что изобретет, чтобы продолжить свой эксперимент?

«Вот о чем надо было его спросить, – думала Флоранс, – вот как надо было ставить вопрос». Речь идет уже не о чувствах. Это чистая логика. Такая же бездушная, как сам Квота. А для объективного человека, каким считает себя Квота, это ясно как дважды два четыре, он же сам всегда с холодной улыбкой требует ясности...

Флоранс решительно повернула обратно.

Уже по дороге она угадала его ответ: «Займемся экспортом». Но здесь-то он заблуждается. Из-за его политики повышения заработной платы в зависимости от сумм, потраченных на покупки, неслыханно поднялась себестоимость товаров, а следовательно, и цены на них. Они настолько превышают цены, существующие в остальных странах, что там даже не придется создавать таможенных барьеров, дабы оградить себя от «тагуальпекского чуда». Сознательно или нет, но Квота добился того, чтобы его опыт не выходил за рамки in

vitro и он мог, таким образом, словно в лаборатории, наблюдать на примере немногочисленного населения Тагуальпы, к чему приводит чрезмерное изобилие. Впрочем, к таким же последствиям привело бы подобное изобилие и во всем мире, если бы экспансия экономики на каждом из пяти континентов достигла столь же значительных успехов, каких добился Квота в Тагуальпе...

Флоранс остановилась, пораженная. Пораженная открытием, к которому привели ее рассуждения. Оказывается, то, что сегодня верно для Тагуальпы, неизбежно будет истиной для всей планеты завтра или послезавтра. Потому что все страны – одни быстрее, другие медленнее – тоже изо всех сил стараются активизировать, насколько это возможно, развитие своей промышленности. Потому что, не расширяя экономической экспансии постоянно (а следовательно, беспредельно!), они не смогут сохранять экономическое равновесие, которое, подобно велосипеду, устойчиво лишь при движении вперед...

Собственно говоря, что делает Квота? Он лишь торопит неотвратимую судьбу, ускоряет этот процесс, но он не вносит в него ничего нового. Эта мысль ужаснула Флоранс. Можно подумать, что на опыте Тагуальпы он хочет нам всем показать, какая судьба неизбежно ждет Америку, Европу, весь мир!..

Только сейчас она заметила, что весь обратный путь она чуть ли не бежала бегом и взлетела по ступеням лестницы почти так же быстро, как недавно спустилась по ней. Но сейчас ею владело иное чувство – страх. Страх за те страны, которые она любит. За Францию и Италию. За Прованс и за Калабрию. И опять она ждала от Квоты каких-то новых откровений. Уж он-то наверняка все это обдумал. Иначе и быть не может. Флоранс сторала от нетерпения, ей хотелось знать, что он ей ответит. Какой он видит выход из положения. Должен же быть какой-то выход. Непременно должен быть. Иначе невозможно!

Квота, казалось, ничуть не удивился ее возвращению. Ждал ли он ее? Во всяком случае, встретил ее он без иронии и без обиды. Наоборот, он мило, с отеческой снисходительностью улыбнулся ей, как бы говоря, что может все понять. И снова он устроился на краешке стола, а Флоранс села в кресле напротив него. Она теребила носовой платок.

– Ну что? – спросил Квота.

Флоранс извинилась. Она постаралась объясниться. Она сообщила ему, к каким выводам пришла. Теперь она поняла, что вся деятельность Квоты направлена на то, чтобы экономическое развитие Тагуальпы шло в стремительном темпе, который не прочь были бы взять и другие страны, если бы это зависело только от них. Может быть, она ошибается?

– Нет, – сказал Квота.

Вот именно это-то и беспокоило, мучило, даже пугало ее. Поначалу она считала, что ею руководят сентиментальные соображения, сожаление о былых временах. Но теперь она поняла, что причины куда серьезнее. Теперь она предвидит катаклизмы. Полный и неизбежный крах. Соображения ее исходят из элементарной логики и математически точны. Возьмите хотя бы Эстебана с его восемью умывальниками, возмущалась Флоранс. Два из них за неимением места он вынужден был упрятать на чердаке. Разве может он еще покупать умывальники? Так что же Квота думает предпринять тогда, когда у каждого количество вещей – автомобилей, холодильников и прочего – будет в десять, в сто раз превышать их потребности? Что еще он станет им продавать?

Флоранс с облегчением заметила, что ее вопрос не застал Квоту врасплох. И не смутил

его, потому что он спокойно ответил:

– Постараемся понять друг друга.

Он подтянул рукава. И она узнала этот характерный жест – жест преподавателя из Камлупи. Равно как и тон, каким он сказал ей, что не следует зря бросаться словами. Что, к примеру, она подразумевает под понятием «потребности». У нее в голове явная путаница. Наши насущные потребности – то, без чего нельзя прожить, – действительно невелики. В чем же они состоят? В очень немногом: иметь кров, постель, хлеб. Все, что сверх этого, – уже не «потребности». Это комфорт. Излишество. Роскошь, развлечение, короче говоря – наши аппетиты. Здесь потребность – это желание, принявшее хронический характер. Следовательно, Флоранс неправильно ставит вопрос. Вопрос надо ставить так: что станут делать люди, когда приобретут в десять, в сто раз больше любившихся им вещей.

– Хорошо, пусть будет так, – согласилась Флоранс. – Но разве это что-нибудь меняет?

– Решительно все! – ответил Квота. – Допустим, что наши аппетиты, как и наши насущные потребности, ограничены. Но в отношении чего? Только в отношении к тем предметам, которые существуют. Ведь не могут же люди пресытиться чем-то заранее! Значит, мы будем изобретать потребности, вот и все! Разве наши предки в прошлые века могли испытывать потребность в телевизоре или телефоне? Они великолепно обходились без них. Но стоило их изобрести, и мы оказались в их власти. То же можно сказать и о таких «потребностях», как кофе, чай, аспирин, губная помада, нейлоновые чулки, не говоря уже об автомобиле. Я вижу, дорогая, как вы, нервничая, курите сигарету за сигаретой, а разве у Клеопатры, например, могла быть такая потребность? Вот видите. И такие примеры можно приводить до бесконечности. Подымитесь со мной на пятнадцатый этаж, я покажу вам наши лаборатории коммерческого психоанализа.

– Лаборатории чего? – изумилась Флоранс.

– Коммерческого психоанализа. Разве дядя вам не говорил о них?

Пока они ждали лифта, Квота рассказал Флоранс об этом новом научно-исследовательском отделе.

– Правда, он существует недавно, и результаты его работы пока еще весьма скромны, – говорил Квота. – Однако уже сейчас они позволяют надеяться на многое.

Спустился лифт, и они вошли в него.

– Так о чем мы говорили? – продолжал Квота. – Ах да, об изобретении, о создании новых потребностей, по мере того как существующие будут отмирать. Каким образом? При помощи психоанализа. Ибо в каждом из нас сидят заторможенные с детства разнообразнейшие желания, которые, если их вытащить на свет божий, могут воплотиться в товары широкого потребления. Среди этих желаний есть и глупые или неосуществимые, такие, например, как желание, нажав кнопку, разом перенестись через Атлантический океан. Эти отбрасываются. Другие же, наоборот, оказываются весьма плодотворными. Возьмем хотя бы оксигеноль. Вы знаете, что это?

– Да, к сожалению, уже видела.

– Замечательное достижение. И мы обязаны этим молодому доктору Спицу, весьма увлеченному своей работой. Однажды он спросил старика, который по утрам заправляет бензином его машину: «Как самочувствие?» Тот в шутку ответил: «Неважно, вот если бы немножко подкачать...» А для специалиста по психоанализу любое слово, любая шутка имеют глубокие корни в подсознании человека. Спиц заставил старика разговориться, и тот, следуя ассоциации идей, перешел от «подкачать» к «втягивать», «вдыхать», «задышаться» и

так дошел до кислорода. «Почему?» – спросил доктор. «Да мне кажется, не так будешь задыхаться, если глотнуть чуток кислорода», – пояснил старик.

Флоранс с Квотой вышли из лифта.

– Мы проделали опыт на наших служащих, – продолжал Квота, – и получили великолепные результаты. Дело тут, конечно, не столько в кислороде, сколько в самовнушении, о котором напомнила мечта старика. Самовнушение вызывает определенный рефлекс, тот, в свою очередь, порождает привычку, то есть потребность. Оксигеноль покупается нарасхват. Хотите попробовать?

В комнате, куда они вошли, вдоль стен тянулись металлические шкафы. В одном из них стояли алюминиевые флаконы различной формы. Квота сунул Флоранс под жакет какой-то флакон, и он аккуратно лег между грудью и подмышкой, так что снаружи его совсем не было видно. Флоранс нажала на рычажок, и ей в лицо ударила струя газа с запахом не то перца, не то амбры. Флоранс почувствовала прилив бодрости: в этом не могло быть никаких сомнений.

– Вы уверены, что дело здесь не в кислороде?

– Только никому не говорите, но это не чистый кислород. Чистый было бы опасно. Мы смешиваем его с азотом и углекислым газом...

– Но это же просто сжатый воздух?

– Боже мой, ну конечно...

Флоранс удивленно моргнула.

– Как же так... как же...

– Я уже объяснил вам: дело в самой мысли. И вы тоже поддались самовнушению. А теперь пойдете, я вам еще кое-что покажу.

Они пошли по застекленной галерее, вдоль которой помещались небольшие кабинеты. В каждом кабинете на диване лежал человек, а за ним, сидя, наблюдал психоаналитик с блокнотом в руке. Оттуда доносилось непрерывное, похожее на молитву бормотание.

Флоранс и Квота с минуту на них смотрели, потом пошли дальше.

– А где вы набираете ваших... ваших... как вы их называете, пациентов?..

– Не бойтесь, говорите откровенно – больных. Ведь они и впрямь больны, их болезнь – пресыщение. И они жаждут лишь одного: чтобы из них извлекли новые желания. Причем больных мы не ищем, мы даже не в состоянии принять всех жаждущих.

– И каковы результаты?

– Пока еще весьма скромны, как я вам уже говорил. В большинстве случаев – всякая ерунда. Но ведь это только начало.

Квота достал из шкафа ботинки на толстой резиновой подошве, усеянной дырочками.

– Ботинки – распылитель духов, – объяснил он, – изобретенные после сеанса психоанализа с одним почтальоном. Мы ждем жары, чтобы пустить их в продажу.

Из другого шкафа Квота вынул брюки, задняя часть которых надувалась и при легком нажатии выпускала воздух.

– Результат психоанализа одного бумагомарателя, – сказал Квота. – Сейчас разрабатывается другая модель подобных брюк, предназначенных для кавалеристов, для потребностей армии.

Из следующего шкафа Квота извлек несколько предметов, по форме напоминавших лимоны.

– Психоанализ драматурга: слезоточивые бомбы для трагедий и веселящие – для

комедий. Уменьшенные модели – для похорон и свадеб.

Квота вытащил из ящика кожаный кошелек старомодного фасона, такого не найдешь даже в захолустной деревне, но тут же бросил его обратно.

– Нет, никчемная штука, – сказал он.

– Все-таки покажите...

– Психоданализ старой крестьянки: кошелек на резинке. В провинции на них огромный спрос. Но этот предмет противен нашей цели, поскольку он предназначен для накопления денег. Мы вынуждены были снять его с продажи. Ага, вот наша последняя новинка.

Квота взял с полки какой-то предмет, напоминавший человеческую ладонь, снабженную гибким шлангом. Электрический моторчик на батарейке приводил пальцы в движение. При нажатии на кнопку из-под ногтей высыпалось немного порошка.

– Скребница для почесывания труднодоступных мест с головкой самонаведения и распылителем порошка, вызывающего зуд, – объяснил Квота и кинул щепотку порошка за воротник Флоранс. – Много совпадающих психоданализов.

От возмущения и зуда у Флоранс на минуту перехватило дыхание.

– Ой! – крикнула она наконец. – Это отвратительно! Ой! Дайте скорее мне эту штуку!

Она схватила ручку-скребницу и принялась ожесточенно чесать себе лопатки, спину, поясницу, сердясь и наслаждаясь одновременно.

– Прекрасное изобретение, не правда ли? – осведомился Квота.

– Вы лучше скажите... ой... что это просто... не могу... ой... омерзительная шутка, – проговорила Флоранс, продолжая, однако, с наслаждением чесаться. – Только не уверяйте меня... Ай! Ой!.. что вы говорите серьезно.

– А почему бы и нет? – живо возразил Квота. – А если я вам предложу чихательный порошок, это, по-вашему, тоже будет злая шутка? А ведь потребность нюхать табак твердо держала в своих тисках наших прадедов и прабабок в течение трех веков, если не больше. Пари держу, что изысканный зуд, если его по-настоящему широко разрекламировать и найти для него подходящий лозунг, может продержаться не менее долго. «В чем ангельское наслаждение? Где чешется – чесать, в том нет сомнений!» Посмотрите на себя, Флоранс, вы взбешены, но в то же время помимо воли вы уже попали в рабство, вы наслаждаетесь последними вспышками упоительного зуда...

Флоранс хотела было возразить, но страшный зуд не давал ей сосредоточиться, и она, расчесывая себе спину, стонала от удовольствия и унижения.

И все-таки Флоранс еще сомневалась, что Квота говорил вполне серьезно. Ей казалось, что он относится к ней с насмешливой нежностью. Поэтому когда он сказал: «Ну, здесь мы пробыли достаточно, теперь пойдем, я покажу вам много интересного», – у Флоранс мелькнула надежда, что все это вопреки заверениям Квоты было лишь мистификацией с целью ее испытать.

В следующей комнате Квота продемонстрировал Флоранс ряд американских новинок, которые, по его словам, уже продавались в лучших магазинах Нью-Йорка на Бродвее и на Седьмой авеню, в Америке для их изобретения даже не пришлось прибегать к психоанализу: достаточно было немного воображения, а это подтверждает, что творческие возможности человека беспредельны, подчеркнул Квота; одна из новинок, показанных Флоранс, – гребенка, всасывающая перхоть, – предназначалась мужчинам, вторая – парик из древесных стружек красного или палисандрового дерева в зависимости от мебели в доме – дамам; затем специальная краска для газонов, которая окрашивала их в такой яркий цвет, что настоящая трава в соседнем саду казалась совсем бесцветной. Был там и пульверизатор для опрыскивания старых машин, что придавало им запах только что сошедших с конвейера, и они уже не производили такого удручающего впечатления; и счетная линейка, находившая за вас в Библии нужный стих, который поможет вам в каждодневных делах и будет благоприятствовать всем вашим начинаниям; и черный кружевной гарнитур против сексуальной робости: трусики и лифчик с тремя аппликациями из красного бархата – в виде руки, сжимающей пальцы; и фарфоровая статуэтка одалиски, огромные груди которой вынимались и служили одна – солонкой, другая – перечницей, а что именно предназначалось для хранения горчицы – лучше и не уточнять; и отороченное норкой сиденье унитаза с центральным отоплением – для особо чувствительных задов; и распределитель соответствующей атмосферы для светских приемов, имитирующий смех и оживленный рокот голосов; и флюоресцирующий крем для изменения выражения лиц покойников, чтобы они во время похоронной церемонии не выглядели такими печальными; короче, когда Флоранс поняла, что «беспредельные творческие возможности человека» в действительности свидетельствуют лишь о дурном вкусе Квоты, а главное, что, к величайшему сожалению, эти творения не просто причуды свихнувшихся специалистов по психоанализу, что они уже заполнили витрины на Таймс-сквер, Мичиган-авеню и вскоре будут красоваться на Пикадилли, Виа Венето и Елисейских полях, она не выдержала: закрыла руками глаза, заткнула уши пальцами и застонала от отвращения и ужаса при мысли, что все это, возможно, и есть картина будущего, что необходимость придумывать все новые и новые потребности приведет homo economicus – с помощью психоанализа или без него – к полной деградации и унижению, и она крикнула Квоте, что если груди-солонки, унитаза с норкой, оксигеноль, краска для травы, консервированный смех и сладострастный зуд станут неотъемлемой частью нашего будущего, то лучше уж сейчас, немедленно удалиться в монастырь и жить там в окружении выбеленных стен и молчаливых монахинь.

Квота жестом остановил ее и принялся искать что-то в шкафу.

– Минуточку, – сказал он, – в таком случае у меня есть для вас... Власяница из стеклянной ваты для кающихся грешников, пластмассовые плети для самобичевания... Сейчас найду... Минуточку...

На мгновение Флоранс потеряла дар речи. «Если он шутит, то это уже чересчур, – подумала она, – а если он говорит серьезно, значит, он сумасшедший и мир обезумел. Или же обезумела я». Она резко повернулась к Квоте спиной и вышла из комнаты; не дожидаясь лифта, она бросилась бежать по запасной лестнице. «Шутник ли Квота, циник или больной, страдающий манией величия, – все равно он чудовище, – думала Флоранс, перескакивая через ступеньки. – Нельзя идти на поводу у него и ему подобных. Надо бороться с эпидемией глупости! Надо, пока не поздно, поднять всех людей, поднять Францию, Европу, весь земной шар. Даже у нас еще не все потеряно. Пусть зараза поразила дядю Самюэля, но все-таки не до такой же степени – я ведь его знаю! – не может он не понять наконец, что это сплошное безумие...»

Флоранс продолжала бежать. В коридорах царило оживление. Она наткнулась на группу служащих, которые весело смеялись, почесываясь скребницами, распыляющими порошок.

– Сеньорита Флоранс, видели эту новинку? – крикнул Эстебан, когда она приближалась к ним и впервые со дня приезда она заметила на благодушной физиономии швейцара прежнее веселое, даже счастливое выражение. – Поразительно, – хохотал он, – ай... ой, ой, ой... «В чем ангельское наслаждение? Где чешется – чесать, в том нет сомненья!»

Возмущенная Флоранс в ярости, горя желанием мести, толкнула дверь в кабинет. Там она увидела Бретта с Капистой, которые, восторженно гогоча, тоже предавались неслыханным радостям, которые им доставляли чесательный порошок и почесывающая десница.

Окаменев, Флоранс застыла на пороге. Вскоре за ее спиной появился Квота. По его лицу чувствовалось, что он торжествует, хотя и пытается скрыть это.

– Дядюшка! – крикнула наконец Флоранс, уже ничего не соображая от ярости. – Как вы можете?.. Как вы... Немедленно выбросьте вон эту гадость!

– Да ты что! – удивленно возразил Бретт. – Наоборот, это блестящая находка! – И, повернувшись к Квоте, добавил: – На сей раз ваши психоаналитики попали в точку, поздравляю! Ты не представляешь себе, – вновь обратился он к племяннице. – ...Ой-о!.. А-ах... Хочешь попробовать? Вот увидишь сама, как... Ой!

Вместо ответа Флоранс схватила его за лацканы пиджака и с силой тряхнула.

– Дядя, опомнитесь! Прекратите немедленно, не то я зарычу.

Эта вспышка отрезвила Бретта и Каписту, и они перестали чесаться.

– Что? – пробормотал Бретт. – Что такое? Что случилось?

– А то, – дрожа от возмущения, сказала Флоранс, – что достаточно я здесь насмотрелась, хватит. Я вижу – бороться поздно, слишком поздно. И я уезжаю.

– Куда?

– В Европу. Первым же самолетом.

Дядя вздрогнул, словно его ударили.

– Да успокойся, успокойся ты, – уговаривал он ее. – Не горячись. Ты ведь только что приехала.

Флоранс попыталась взять себя в руки.

– Дядя, – сказала она твердым голосом, – выслушайте меня. Сейчас вам придется сделать выбор – и окончательный.

Бретт почувствовал, что близится катастрофа.

– Сделать выбор? Кому? Мне? – пролепетал он. – Но... между чем и чем?

Флоранс решительным жестом показала на Квоту, который стоял за ее спиной.

– Между этим человеком и мною.

После ультиматума Флоранс воцарилось глубокое молчание.

– Надеюсь... надеюсь... ты... ты пошутила, – заикаясь, пробормотал наконец Бретт, но по голосу его чувствовалось, что он сам не верит собственным словам.

Флоранс твердо повторила:

– Или он, или я. Еще никогда в жизни я не говорила так серьезно.

Квота настороженно наблюдал за этой сценой. Потом шагнул вперед.

– Я действительно опасюсь, дорогой Бретт, – невозмутимо проговорил он, – что у нас с вашей племянницей точки зрения на жизнь несовместимы. Но я никогда не прощу себе, дорогой мой друг, если из-за меня в вашей семье произойдет разлад. Поэтому, если вы не возражаете, не будем обсуждать этот вопрос.

Его слова лишь усилили волнение Бретта.

– Не понимаю... что вы хотите этим сказать?

– Я буду в отчаянии, если стану причиной драмы в вашей семье. К тому же я и так часто укоряю себя, что слишком долго пренебрегал своими обязанностями педагога...

– Погодите, не торопитесь, черт побери, говорите яснее. Что вы собираетесь делать?

– Да просто вернуться в колледж, в Камлупи, вот и все.

Эти слова, произнесенные совсем спокойным тоном, поразили Бретта и Каписту словно удар молнии. Они даже на минуту потеряли дар речи, потом вдруг Бретт взорвался.

– Вы! – крикнул он, задыхаясь. – Из-за какой-то вздорной болтушки!

И, повернувшись всем корпусом к Флоранс, брызгая от волнения слюной, бросил:

– Противная девчонка, чего ты лезешь не в свои дела?

Каписта, побагровев от ярости, тоже подошел к Флоранс.

– Ах, значит, вот зачем вы вернулись? – крикнул он ей прямо в лицо. – Вас за этим прислали? Что на Квоту точат зубы, это я давно подозревал, но здесь никто, слышите вы, никто не позволит... – И вдруг он завопил: – Это же диверсия! Вас запросто выставят из нашей страны, и гораздо быстрее, чем вы сюда прибыли!

Но Флоранс не слушала его, она не спускала глаз с Бретта.

– Дядюшка, милый, дорогой, ну, прошу вас – пусть он уедет, раз он сам предлагает, – настойчиво твердила она.

Ее ласковый, но полный тревоги голос, ее упорство подействовали на Бретта.

– Ты совсем потеряла голову, – сказал он уже менее резким тоном. – Да отдаешь ли ты себе отчет в том, что... Пойди-ка лучше отдохни, а завтра, когда одумаешься, мы вернемся к нашему разговору.

– Зачем, пусть она все выскажет сейчас...

Бретт вздрогнул, увидев, как Квота ласково улыбается Флоранс.

– Я ее прекрасно понимаю, – продолжал Квота, – и не могу на нее сердиться. Неудивительно, что мои слишком реалистические взгляды на жизнь привели в смятение столь чувствительную натуру.

Флоранс по-прежнему не обращала на него внимания. Она обняла дядю Самюэля.

– Дядя... Любимый мой дядюшка, послушайте меня. Сейчас вы богаты, и, вот видите, я, – Флоранс повернулась к Квоте, – благодарю его за это: спасибо, Квота, большое, большое вам спасибо. А теперь, дядюшка, милый, умоляю вас, пусть он уедет! Чего вам еще надо? Стать еще богаче? А зачем? Что вы сможете приобрести такого, чего у вас еще нет? Третий

типофон? Четвертое пианино? Шестой автомобиль? Или вы собираетесь коллекционировать ваши дивиденды, как филателист марки? Или на манер Эстебана коллекционировать часы и умывальники? Неужели вы не видите сами, какое будущее ждет нас всех, если этот человек не прекратит свою деятельность?

– А ты знаешь, что нас ждет, если он прекратит? – В голосе Бретта снова зазвучал гнев, и Флоранс опешила. – Всего два года пробыла в Европе – и уже забыла азы нашего ремесла? Коммерция беспощадна – «Кто не движется вперед, тот отступает назад». Либо иди вперед, либо подымай! Замолчи! Мне осточертели твои интеллигентские разговорчики!

– Но я же молчу...

– Слава богу! Еще бы посмела спорить со мной! Знаем мы вас, идеалистов, софистов и иже с ними! Экономике на одних добреньких чувствах не создашь! Скажи, хоть когда-нибудь, еще со времени египетских пирамид, кто-нибудь из вас, из таких вот благородных, как ты, из вас, кичащихся своим добросердечием и чистой совестью, кто-нибудь из вас спас народы от голодной смерти? Вот уже сорок веков такие, как ты, торгуют воздухом, красивыми словами, а я тем временем продаю вполне конкретный, реальный товар – комфорт, счастье, здоровье детей, радость жизни. Знаешь, что будет, если наша торговля замрет? – продолжал греметь Бретт. – Я сразу же прогорю, это уж бесспорно. А если уедет Квота, моя торговля замрет! Значит, снова начнется безработица, нищета. Ты этого хочешь?

– Дядя, родненький, не сердитесь, – мягко проговорила Флоранс, когда Бретт остановился, чтобы перевести дух. – Но умоляю вас, взгляните трезво в лицо действительности: что вы называете комфортом? Квартиры, забитые всякими немислимыми вещами доверху, так что они чуть из окон не вываливаются? Вы называете счастьем жизнь автоматов, в ужасе мечущихся по магазинам, лишь бы выполнить обязательную норму покупок? Вы называете радостью жизни смертельную скуку, которой охвачены эти превращенные вами в идиотов люди, да им уже ничего не хочется, они набрасываются – как и вы сами только что – на чесательный порошок, чтобы всласть почесаться, словно обезьяны, взгрустнувшие в неволе. Возьмите хотя бы беднягу Эстебана...

– Эстебана?

На сей раз Флоранс перебил Каписта. Он слишком долго сдерживал себя, и наконец терпение его лопнуло.

– Эстебана! Вот именно – Эстебана! – восклицал он. – Ну-ка, позовите его сюда, и мы посмотрим. Нет, да вы соображаете, что говорите!

Каписта подошел к двери, распахнул ее и крикнул:

– Эстебан! Эстебан! – и, повернувшись к Флоранс, добавил: – Сейчас вы услышите, что он вам ответит!

– Эстебан, – сказал Каписта несколько секунд спустя, стараясь говорить как можно спокойнее, – приготовьте чемоданы, чтобы упаковать вещи сеньора Квоты.

– Сеньор Квота собирается попутешествовать?

– Да. Он снова будет преподавать в колледже Камлупи.

– Но он... не покинет нас насовсем? – с беспокойством глядя на Квоту, спросил Эстебан. Квота сделал шаг вперед.

– Боюсь, что придется вас покинуть, Эстебан, – с усмешкой проговорил он. – Мои ученики меня ждут.

Эстебан переменился в лице. Он побелел.

– Значит, вы уезжаете насовсем?

– Боюсь, что так, – ответил Квота. – Моя работа здесь кончена, дела идут хорошо, видимо, можно обойтись и без меня...

– Ну уж нет, – прервал его Эстебан хриплым от волнения голосом. – Ну уж нет, – повторил он, – вы не можете уехать! Дела, дела, как будто, кроме них, ничего и нету! А мы, а наша заработная плата, наши пятницы и все прочее? Конечно, ваши ученики – они и есть ваши ученики, но мы тоже имеем на вас права!..

Эстебан даже весь побагровел от сдерживаемой злости, он притопывал ногами, сжимая и разжимая кулаки.

– Ежели желаете знать мое мнение, – кричал он все громче и громче, – то вот оно: когда вы от нас уедете, что-нибудь непременно произойдет, начнется революция, уж поверьте мне! Люди, чего доброго, спалят ваш колледж, слово даю. И я, глядишь, буду в первых рядах поджигателей!

Флоранс подошла к нему и тронула его за руку.

– Эстебан, успокойтесь... – ласково сказала она. – Вспомните-ка, что вы мне вчера говорили.

Швейцар посмотрел на нее, теперь лицо у него побледнело от ярости.

– Я помню одно – что я зарабатываю три тысячи песо в месяц! – Голос его дрогнул.

– Но тем не менее у вас долги... – все так же мягко напомнила Флоранс.

– Возможно, но зато у меня две машины да три фортепьяно...

– От которых у вас лопаются барабанные перепонки.

– А может, мне нравится, чтобы у меня перепонки лопались!

– Полноте, Эстебан! Если бы вы удовлетворились одним хорошим пианино...

– А почему это я должен удовлетвориться одним, – грубо оборвал ее Эстебан, – раз я достаточно зарабатываю, чтобы иметь целых три? И куда вообще вы клоните, сеньорита?

Несмотря на его явно враждебный тон, Флоранс решила не сдаваться.

– Когда я вас спросила, счастливы ли вы, Эстебан, вы мне ответили, что...

– Возможно, я наговорил глупостей, – снова прервал Флоранс Эстебан, злобно и с вызовом глядя на нее. – Но мне хорошо, вот и все. А тому или той, кто осмелится тронуть хоть волосок на голове сеньора Квоты, я первый крикну: «Руки прочь!» Уж поверьте мне!

И тут, словно желая поддержать Флоранс, в разговор вмешался Квота и, не глядя на нее, сказал примирительным тоном:

– Спасибо, Эстебан! И успокойтесь, я еще не уехал, и никто не собирается заставить меня «накручивать волосы на бигуди». Впрочем, я убежден, – тут он взглянул на Флоранс с такой самоуверенной, спокойной улыбкой, что в душе ее снова поднялась буря возмущения, – сеньорита Флоранс, увидев воочию ваше счастье, вопреки своим личным взглядам на вопросы экономики доставит нам большую радость и останется с нами.

– Нет, ни за что! – воскликнула Флоранс, с отчаянием глядя на Эстебана. – Вот, значит, до чего дошло дело! Слава богу, я еще не успела распаковать свои вещи. Я уезжаю немедленно! Прощайте!

Флоранс направилась к двери, Бретт побежал за ней, тщетно пытаясь удержать племянницу.

– Не надо, девочка, не надо! Ты не можешь так поступить со мной!

Еще некоторое время из коридора доносились их голоса, потом все стихло. Квота, Эстебан и Каписта стояли молча. Квота, казалось, был совершенно спокоен и лишь загадочно улыбался. Эстебан и Каписта обменялись насмешливым взглядом, пытаясь

держаться непринужденно, но по их лицам видно было, что давалось им это нелегко.

После долгих уговоров Бретту удалось добиться от Флоранс только одного: сегодня ночью она не сядет на самолет, а останется до утра. Да и то он чуть было не испортил все дело, когда, войдя вместе с Флоранс в гостиную, машинально включил все телевизоры, а числом их было ровно шесть, столько, сколько программ – тагуальпекских, американских и мексиканских – принимал Хаварон. Когда Флоранс увидела, а главное – услышала, как в комнату одновременно ворвались двадцать четыре реактивных самолета, свора собак, с лаем преследующая в тундре медведя, мальщ, с ревом требующий кока-колу, артиллерийская перестрелка из документальных кадров о падении Берлина, паровые прессы, штампующие новейшие кузова «Америкен-моторс», и конкурс джазовых оркестров, мощность коих измерялась в децибелах, она поняла, что сейчас лишится чувств от нервного потрясения. Бретт едва успел выключить телевизоры, потому что Флоранс, вооружившись пресс-папье, уже готова была кинуть его в первую очередь в ревущего младенца и потом уж заняться джазом, собаками, самолетом, пушками и паровыми молотами.

Ужин прошел в натянутом молчании. После ужина Флоранс принялась изучать расписание самолетов. Подняв глаза, она увидела растерянное лицо дяди Самюэля и села рядом с ним на тахту. Она взяла его за руку и грустно ему улыбнулась. После долгого молчания Бретт наконец решился и тихо спросил:

– Ты действительно хочешь меня покинуть?

Флоранс ответила не сразу. Собравшись с мыслями, она мягко, но в то же время не допускающим возражения тоном попыталась объяснить ему всю серьезность создавшегося положения. Она рассказала дяде о том, что увидела и услышала за сегодняшний день: об обезумевшей толпе, о магазинах, о толкотне у прилавков, о человеке с лодочным мотором, о несчастном Эспосито с его складом бытовых приборов и, наконец, о своем разговоре с Квотой, о его образе мыслей, о его бредовых проектах, доходящих до того, что он мечтает добиться несварения желудка поголовно у всех жителей Тагуальпы, чтобы продавать им слабительное, а ее дядюшка Бретт ничего не видит, ничего не понимает, находит все это нормальным и даже замечательным...

– Квота внушает мне ужас, но вас, дядечка дорогой, мне жаль до боли. Я не хочу быть свидетелем того, что с вами произойдет. «Иди вперед или подыхай! Кто не двигается вперед, тот отступает назад! Если я остановлюсь, я разорен!» Разве вы не помните Катоблепа?

Бретт удивленно поднял брови. Флоранс еще крепче сжала его руку.

– Ну как же так, вспомните у Флобера в «Искушении святого Антония»... Было такое легендарное чудовище, ужасно глупое, и именно из-за своей фантастической глупости оно чуть не увлекло святого отшельника в нирвану, в пропасть блаженного небытия... До того глупое, ну вспомните, что оно пожирает свои ступни, не понимая, что это его собственное тело. «Либо иди вперед, либо подыхай!» А Квота вместе с его Катоблепом жрут не только свои ступни, они пожирают уже ноги и зад, и пожирают с такой жадностью, что скоро подавятся собственными потрохами. Ну, а дальше-то что будет, дядя, что дальше? Насколько, по-вашему, их еще хватит, если они будут так обжираться?

Бретт тщетно искал веского ответа, аргумента. Да что там, образ этого Катоблепа, словно взрывная волна, пробудил в нем былые тревоги... А вдруг Флоранс права? А вдруг

это пресловутое «экономическое развитие», с которым носятся сейчас деловые круги всего мира, – тот же Катоблеп?

– Это ужасно, – услышала Флоранс шепот Бретта.

Она не верила своим ушам. Неужели ей удалось так скоро переубедить дядю? И действительно, он продолжал:

– Надо бы повидать Квоту. Надо ему все это сказать. Прости, я накричал на тебя, но ты же знаешь, я всегда бешусь, когда сомневаюсь в своей правоте... Не уезжай. Подожди хоть несколько дней. Не оставляй меня снова одного с этим дьяволом в образе человека. Может, ты и права. Может, и впрямь ему лучше вернуться в свой колледж. Если он останется здесь, нас, возможно, ждут черные дни.

– Пусть будет так, – согласился Квота.

Когда на следующее утро после разговора Флоранс с дядей Самюэлем пришли к Квоте, тот сразу же по выражению их лиц понял все. Однако он не показал виду, что взволнован. Он предложил им сесть. Со своей обычной усмешкой он выслушал Бретта, который поделился с ним своими опасениями и даже упомянул для убедительности Катоблепа. Когда Бретт умолк, Квота принялся медленно ходить взад и вперед по кабинету.

– Пусть будет так, – повторил он серьезным тоном. – Вы правы, оба правы, это совершенно ясно.

Бретт похолодел. Неужели и Квота сейчас признает...

– Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кого вы считаете Катоблепом. Если не ошибаюсь, это выпад против вашего покорного слуги?

Квота резко остановился и повернулся лицом к Бретту и Флоранс.

– Скажите, дорогой друг, кто придумал этого самого Катоблепа? Уж не я ли, по-вашему? Как бы не так. Он родился сто лет назад, точнее, вместе с началом промышленной эры и массового производства. Я же, как и все прочие, лишь получил его в наследство, и получил таким, каков он есть: самоуверенного болвана, облизывающегося от удовольствия. И совершенно верно, что рано или поздно, с моей помощью или без нее, все равно он сожрет свои собственные потроха. Это уж вернее верного...

– Значит... – вскричал Бретт.

– Значит, главная проблема не в этом. Вы сами выразили суть современного мира, дорогой Бретт, «Либо иди вперед, либо подыхай». И мы не в силах ничего изменить. Следовательно, проблема проста – не сдохнуть. А значит, идти вперед, действовать. Иными словами – продавать. Другого выхода нет. «Все прочее литература», а у нас времени нет на то, чтобы убаюкивать себя красивыми словами. Или сравнениями с мифологическими чудищами. Мы должны продавать, и опять продавать и продавать, все больше и больше. И все время выискивать новые методы, чтобы не остановиться на полпути. Если ваша страна может обойтись без моих методов, я буду только рад, пусть другие предложат что-нибудь лучше.

– Но что с нами будет, когда у людей действительно окажется переизбыток всего? – нетерпеливо спросил Бретт, ибо Квоте впервые не удалось его переубедить. – Если у них и правда начнется несварение желудка? Если они не захотят больше ничего покупать? Совсем ничего? Если они объявят забастовку?

– А разве кто-нибудь вас уверяет, что этого не произойдет? – спросил Квота. – Я скажу даже больше – ваше «если» излишне. Производить товары в изобилии – значит постепенно

подготавливать роковой финал. Это ясно, как дважды два – четыре.

– Значит... – повторил Бретт, покрываясь холодным потом.

– Значит, чтобы выкарабкаться, нужно сделать выбор, это ясно всякому. Есть только два выхода. Либо властной рукой уравновесить производство и потребление, другими словами, прийти к социализму. А это означает конец частного предпринимательства, конец западной цивилизации. Либо по примеру Америки – как бы это ни претило вашей милейшей племяннице – все время создавать новые потребности, раньше чем будут удовлетворены прежние. И действовать так, чтобы Катоблеп сжирал свою лапу медленнее, чем у него отрастет вторая. Вот в этом и заключается моя работа, job, над этим трудятся наши научно-исследовательские лаборатории. Кстати, – без всякого перехода обратился он к Флоранс, – я вам искренне благодарен.

Флоранс с недоумением посмотрела на него.

– Нет, нет, действительно благодарен от всего сердца, – продолжал Квота. – Только после разговора с вами я понял, что допустил грубейшую ошибку в организации наших лабораторий. Я глубоко вам за это признателен. Я даже не могу вам высказать как!

Но Флоранс насторожилась. К чему это он клонит...

– Пожалуйста, не втягивайте меня в ваши гнусные истории, – сухо бросила она.

– Вот именно! – Квота энергично вскинул руку, словно подсек рыбу. – Вот именно в этом моя ошибка! В том, что я с самого же начала не втянул вас. Вы бы помешали нам совершить уйму глупостей! Таких, например, как этот злосчастный чесательный порошок. Я целиком согласен с вами, что подобная мысль могла родиться только у пошляка! Извините меня.

– Значит, вы это поняли, – удивленно и даже с некоторым волнением пробормотала Флоранс.

– Конечно, это же противно здравому смыслу, – проговорил Квота тоном гордеца, вынужденного признать свою ошибку. – Равно как и унитазаы с норкой, столь полюбившиеся американцам, или их груди-солонки, краска для озеленения травы. Да, я вам признателен за то, что вы открыли мне глаза. Очень признателен, хотя не могу не упрекнуть вас: и вы тоже виноваты. Как вы могли бросить меня? – с горьким высокомерием закончил он.

– Я? Вас! – пробормотала Флоранс. – Ну, знаете...

Ей хотелось швырнуть ему в лицо, что он нахальный, дерзкий и в то же время наивный и обольщающийся наглец, но, не найдя подходящих слов, чтобы сформулировать свои противоречивые мысли, она так и не закончила фразы.

– Да, вы бросили нас: меня и вашего дядю, – продолжал Квота, закрепляя свои позиции, – бросили на Каписту и целую армию лавочников, которые ничего не понимают, да и не хотят понимать, кроме своей выгоды. Вы, вы покинули нас и ничуть не интересовались, каких глупостей мы здесь можем натворить.

– Но как же я могла помешать... – пыталась протестовать Флоранс, которой оставалось только защищаться.

– Да одним вашим словом, вашим жестом, улыбкой, наконец... – продолжал Квота грустно и даже – тоскливо. – Ведь когда мужчина ведет дела один, что он такое? Просто скот. Но если рядом с ним стоит женщина, с ее чувствительной, тонкой натурой, с ее врожденным чувством изящества, и напоминает ему о хорошем вкусе, красоте...

– Да вам наплевать на хороший вкус и красоту! – возмущенно прервала его Флоранс в последней попытке взбунтоваться. – Как вы осмеливаетесь... Ну, хорошо, оставим ваши

туфли-пульверизаторы, скребницы и консервированный смех для банкетов и свадеб, раз уж вы якобы жалеете, что пустили их в торговую сеть. Но кто же, как не вы, завалили весь город проигрывателями, роялями, приемниками, разными там орфеолами, радиолами? Вам удалось размножить их в умопомрачительном количестве, так что музыка теперь лишена для людей всякой прелести, не приносит им удовольствия. Знаете, до чего вы довели меня? – крикнула она в исступлении. – Я стала мечтать о склепе, о пещере, о ските, да, да, о спокойном и тихом убежище, где бы ничего не было, ничего, наконец, где ничегошеньки нельзя было бы купить, а главное – ничего нельзя было бы услышать! Звуконепроницаемый погреб с совершенно голыми стенами!

– Вот видите, – мягко вставил Квота.

– Что? – задыхаясь, спросила Флоранс.

– Какие прекрасные идеи приходят вам в голову. Насколько вы мыслите тоньше и изысканнее наших психоаналитиков... Каждому универсальному магазину – по часовне молчания! – вслух мечтал Квота. – Кинотеатры, шум и толкотня на улицах... Пусть люди покупают порции тишины, как они сейчас покупают музыку...

– Да вы что, смеетесь надо мной? Покупать! Покупать! Все время покупать! А речь идет совсем о другом – нужно, чтобы сначала понравилась вещь, а уж потом бы ее покупали, а не наоборот. Нужно, Квота, покупать только то, что тебя привлекает!

– Вот видите, вот видите, – воскликнул Квота. – «Покупать только то, что привлекает». Прекрасно сказано! Нет, вы все-таки преступница!

– Я? – возмутилась удивленная Флоранс.

– Бросили нас на произвол пошлости, – сказал Квота. – И вы хотите вновь совершить такое же преступление! Флоранс, вы, одна вы среди нас можете пробудить у толпы вкус только к хорошим и изящным вещам.

– Почему одна я?.. – спросила Флоранс.

– Да, да, одна вы, – повторил Квота. – В ваших силах пробуждать в людях тягу к искусству, к гармонии, разжечь в них благородные потребности, выявить пока еще смутное желание приобщиться к духовным ценностям, вырваться из серенького существования, из прозябания!

– Да, но как же я могла...

– Ну, конечно, куда легче, – продолжал Квота унылым, огорченным голосом, – дезертировать, сбежать в Европу и эгоистично наслаждаться там всеми прелестями старой цивилизации, ее прекрасными соборами, греческими храмами...

– Но я же...

– Вместо того чтобы выполнять здесь свой долг, свои обязанности – тяжелые, возможно даже неблагодарные, но возвышающие душу...

– Вы имеете в виду...

– Вместо того чтобы помочь нам бороться с этим мерзейшим Катоблепом, доставшимся нам в наследство от наших отцов, с нашими тупицами психоаналитиками...

– Квота, если бы вы... если бы я...

– Вместо того чтобы помочь мне создать Народный институт изящных искусств и культуры, о котором я мечтаю...

– Значит, вы хотите...

– ...Вместо того чтобы помочь мне перестроить наши торговые училища, ставя своей целью повсеместное распространение красоты и хорошего вкуса...

- Но, если вы и впрямь задумали...
- Да, Флоранс, в этой области предстоит все создавать заново, а вы уезжаете и снова оставляете нас одних...
- Но как же я могла догадаться...
- Однако теперь вы все знаете, Флоранс. Теперь, когда вам известно, какая задача стоит перед нами...
- Квота, я...
- Вот чего мы от вас ждем, укажите нам, что нужно сделать для исправления наших ошибок, вносите смелые предложения...
- Вы хотите... вы хотите, чтобы я осталась?
- Квота одним прыжком очутился рядом с Флоранс.
- Значит, вы остаетесь, Флоранс?
- Я... то есть как... – растерянно пробормотала Флоранс.
- Bravo, Флоранс! Спасибо! Дайте мне вашу руку.
- Квота схватил ее руку, не дожидаясь, пока она ее протянет, и крепко стиснул в своих ладонях.
- Но за что? За что спасибо? – лепетала она, застигнутая врасплох, слишком удивленная, чтобы сопротивляться ему.
- Жестом профессионального фокусника или полисмена Квота надел на запястье Флоранс браслет, который тут же защелкнулся, словно наручники.
- Это небольшой сувенир в благодарность за ваше согласие. Ведь вы согласились, не правда ли?

В первую минуту Флоранс возмутилась было поступком Квоты, но потом, взглянув на браслет, в который были вделаны шесть миниатюрных часов, обрамленных бриллиантами, замерла от восхищения.

– Я приготовил вам этот подарок по случаю вашего возвращения, – продолжал Квота с улыбкой. – Так пусть же сейчас он скрепит и, так сказать, ратифицирует данное вами обязательство остаться с нами.

Флоранс обуревали самые разноречивые чувства: то ей чудилось, что она попала на удочку Квоты, то, что действительно довела его до раскаяния, а если это так, тогда она просто обязана остаться здесь, чтобы помочь исправить его ужасные ошибки; сыграли свою роль и великолепный браслет, и милое внимание, о котором свидетельствовал этот подарок, и неразгаданная тайна души этого человека, безусловно обладающего притягательной силой и в то же время отталкивающего. Не зная, что делать, она подозвала Бретта:

– Дядечка! Взгляните-ка! Это же просто чудо!

Они принялись вместе разглядывать браслет: одни часики показывали время, а остальные – число, день недели, месяц, фазы луны и знаки зодиака.

– Нет, это просто безумие, – сказал Бретт. – Честно говоря, Квота, я даже не уверен, может ли Флоранс принять от вас такой...

– Это не подарок, а контракт, – все так же улыбаясь, перебил его Квота. – Итак, Флоранс, значит, – мы договорились, поздравляю вас!

– О чем договорились? У меня от вас голова кругом идет!

– Вы ведь согласились принять на себя руководство?.

– Какое руководство?

– Руководство лабораторией коммерческого психоанализа.

Лицо Квоты сразу приняло холодное озабоченное выражение, он вложил какие-то бумаги в кожаный коричневый портфель и сказал:

– Я должен бежать, меня ждет министр. Вот ваше назначение. – Глядя куда-то мимо Флоранс, он протянул ей листок.

Флоранс взяла бумагу, пробежала ее и, подняв глаза на Квоту, радостно проговорила:

– Значит, я могу прекратить производство этого мерзкого чесательного порошка?

Квота уже застегивал замок портфеля.

– Собственно говоря, – по его отчужденному, небрежному тону чувствовалось, что он старается увильнуть от прямого ответа, – боюсь, вы немного опоздали. Он уже поступил в продажу, мы вложили капитал... Впрочем, подайте мне докладную...

Он направился к дверям.

– Но могу я хотя бы, – Флоранс шла за ним, – пока что приостановить производство остальных изобретений такого рода?

– Трудновато... Здесь тоже могут возникнуть всяческие непредвиденные препятствия... Мы еще поговорим об этом.

– Вы обещаете мне? Ведь теперь нам столько всего нужно обсудить... Столько проектов...

– Ну конечно же, – бросил Квота, не оборачиваясь. – Чутьочку терпения, и все будет в порядке, вот увидите. – И он повернулся к Бретту: – До завтра, дорогой.

Уже стоя в дверях, он взглянул на Флоранс:

– Чуточку терпения, и главное не беспокойтесь. Я вас извещу.

Много позже Флоранс, должно быть, не раз спрашивала себя, как она могла пропустить мимо ушей последние слова Квоты, ведь он даже не попытался видоизменить свою классическую формулу, а это ясно свидетельствовало о том, что он просто-напросто применил свой испытанный и безошибочный метод, чтобы убедить ее остаться, а значит, остаться и самому. Но Квота и впрямь досконально изучил человеческую душу и понимал, что Флоранс, горя нетерпением немедленно же приступить к работе, вмешаться в их дела, все изменить, поставить все на правильный путь, вряд ли даже услышит его слова и таким образом просто не узнает его излюбленной формулы.

Он предвидел и дальнейшее развитие событий. Предвидел, что Флоранс, возглавив лабораторию, непосредственно столкнувшись с проблемами коммерции во всей их сложности, подчинится диалектике производства и сбыта; когда она, занимая к тому же важный пост, окажется лицом к лицу с проблемами, требующими безотлагательного решения, она будет не так разборчива, утверждая предложения психоаналитиков. Короче, он предвидел, что, как только Флоранс окажется в одном ряду с теми, кто должен изо дня в день, хочет он того или нет, подчиняться приказу: «Либо иди вперед, либо подыхай!», она будет действовать так же, как все, и так же неизбежно пойдет вперед.

Да, Флоранс внесла свежую струю в исследовательскую и изобретательскую работу лаборатории коммерческого психоанализа – так по крайней мере заверил ее Квота, и здесь он не лгал, – но именно в силу этого он мог в остальном дурачить ее как хотел, да, она натолкнула изобретателей на мысль создать новинки, которых можно было не стыдиться, как, например, блюстителю тишины, приглушавший в общественных местах слишком громкие голоса, или «тотализатор в искусстве»; это нововведение обязывало многочисленных завсегдатаев ипподромов делать ставку не только на лошадь, но и на двух победителей аукциона, давших наибольшую цену за две картины: современную и старинную, что прививало вкус к живописи, учило разбираться в ней, любить ее; зато Флоранс, как и все прочие – как дядя Самюэль, Каписта, члены правления фирмы, члены Национального совета по производству и даже само министерство торговли, – поддалась общей гонке, вызванной постоянным опасением, что покупатель пресытится, что ему все надоест, что снизятся темпы производства, и поэтому она все слабее и слабее сопротивлялась выпуску тех товаров, которые раньше возмущенно осудила бы, а может быть и осуждала.

В первый раз, утверждая выпуск подобных изделий и пуская их в продажу, Флоранс еще пыталась найти себе какие-то оправдания. Но затем, войдя в новое русло жизни, она все реже искала для себя смягчающие обстоятельства. А потом и вовсе перестала искать. Квота прекрасно знал, что человек, привыкнув к чему-нибудь, прежде всего перестает настороженно к этому относиться. Он прекрасно знал, что Флоранс в конце концов не будет больше обращать внимание на то, что вначале ей так претило.

Разумеется, случалось иногда, чаще всего это бывало в те дни, когда она получала вдруг открытку или какой-нибудь подарок из Франции или Италии, ее вдруг снова охватывал ужас и она принималась бунтовать. Или когда она, уехав на машине отдохнуть за город, внезапно обнаруживала, что куда-то исчезла прелестная зеленая долина или лесистый пригорок, и оказывалось, что за время ее отсутствия здесь наспех возвели на редкость уродливые здания новых торговых центров с автомобильными стоянками, тянущимися на несколько гектаров,

станциями обслуживания, большими магазинами, автоматами, павильонами, торгующими кока-колой и мороженым, крикливыми огненными рекламами, которые вспыхивали по вечерам, без передышки кружились перед глазами, ослепляя, словно множество разноцветных солнц, как фейерверк, вызывали тошноту. Или когда ей попадались статистические данные об уровне жидкости в канализационных трубах, по этим данным – их обычно передавали в конце телевизионной программы – можно было судить о качестве передачи, если уровень жидкости почти не менялся – значит, дело было плохо, если же он, наоборот, сразу резко понижался, это свидетельствовало о том, что все шесть миллионов зрителей были захвачены зрелищем, до конца передачи не отходили от экрана телевизора и только потом все разом бросались в уборные. Вот это единодушное действие мочевых пузырей и унитазных бачков, как и расплзшиеся за городом, словно раковая опухоль, магазины и торговые помещения, вызывали у Флоранс бывлые приступы гнева, и тогда она проводила бессонную ночь.

Но в отличие от былых времен это теперешнее состояние длилось недолго и все к утру как-то сглаживалось: только эгоисты или слишком равнодушные люди могут, ежедневно принимая участие в жизни огромного предприятия, не разделять принципов, на коих оно зиждется. И Флоранс постепенно стала смотреть на все глазами Квоты: «Конечно, это Катоблеп. Но мы уже сожгли все корабли. Теперь, чтобы не пойти ко дну, необходимо создавать новые потребности в более быстром темпе, чем удовлетворяются старые. Иного выхода нет. А ваша задача, Флоранс, следить за тем, чтобы наши психоаналитики не преступали разумных границ».

Первое время Флоранс упорно пыталась держаться в намеченных рамках. Но вскоре требования рынка вынудили ее пойти на небольшие уступки. А еще позже ей пришлось свести свои требования к минимуму. Пока наконец она не поняла, что стремится к недостижимому идеалу, и отказалась от него совсем.

И одновременно чувства Флоранс в отношении Квоты претерпели глубокие изменения. Ее с самого начала и влекло к этому человеку и отвращало от него. Но с тех пор, как ей удалось подавить в себе то, что возмущало ее в Квоте, осталось лишь преклонение перед ним, слепая вера в него. Достаточно Квоте было сказать одно слово, и она подарила бы ему свою любовь. Но он, к чести своей, не воспользовался ее чувствами, чтобы привязать Флоранс к себе еще более крепкими узами, нежели деловые. Но, возможно, это было его очередной уловкой: дойдя до определенных границ, неразделенное чувство, обычное усердие, рабочий пыл приобретают окраску слепой преданности, а то и обожествления любимого человека. Вскоре Флоранс стала его самой верной, самой деятельной помощницей. За короткий срок в ней заглохли последние ростки критического мышления, которое некогда заставляло ее так яростно бунтовать против Квоты.

Способность критически мыслить вернулась к Флоранс гораздо позже, только после того, как она стала свидетельницей многих событий.

По правде говоря, в первые же месяцы работы на новом посту Флоранс обнаружила, что Квота и его система одержали отнюдь не такие уж крупные победы, как ей это показалось сначала. В Тагуальпе существовала значительная группа промышленников, упорно сопротивлявшихся нововведениям. Хаварон был безоговорочно в руках Квоты и фирмы «Бреттико». Но в провинции, желая противостоять их господству, промышленники объединились в картели. Во главе их стоял Спитерос, которого вскоре после появления Квоты изгнали из «Фриголюкса», перекупленного Бреттом.

Эта коалиция упрямых промышленников вела противоположную Квоте политику. Таким образом она надеялась со временем если не одержать победу, то хотя бы нейтрализовать враждебную систему. Так, Квота видел будущее фирмы «Бреттико» в фактически ничем не ограниченном расширении производства и надеялся таким путем добиться ее процветания. И пока он наводнял Тагуальпу промышленными товарами, Спитерос и иже с ним ограничивали в своем секторе выпуск товаров широкого потребления, строго следили за тем, чтобы их количество не могло удовлетворить спроса. Спитерос считал, что рано или поздно они победят в этом состязании, что их разумная умеренность поможет найти экономическое равновесие, а бешеная гонка Квоты, по их утверждениям, наоборот, подрывает самые основы экономики, граничит с безумием.

Но, по единодушному мнению жителей Тагуальпы, две враждующие группировки расходились главным образом в политике заработной платы. Все прочее вытекало именно отсюда. На предприятиях «Бреттико» заработная плата, которая устанавливалась прямо пропорционально сумме, истраченной на покупки, была выше, как уже говорилось, чем в Соединенных Штатах. А Спитерос и его единомышленники волей-неволей вынуждены были удерживать заработную плату на возможно более низком уровне. В первое время это приводило к значительной утечке рабочей силы с их предприятий, во всяком случае до тех пор, пока фирма «Бреттико» могла принять этих людей в свое лоно. Потом этот процесс замедлился, а вскоре и совсем прекратился, так как штаты были уже заполнены. Борьба между Квотой и Спитеросом создала новую торговую географию страны. Квота и его партнеры властвовали в Хавароне, Порто-Порфино и остальных крупных городах, а их противники пока еще контролировали провинциальные городки. Труд рабочих на предприятиях Спитероса оплачивался низко, себестоимость товаров тоже была низка, и продавали их по гораздо более дешевым ценам, чем товары фирмы «Бреттико». Не слишком-то дешево, так как товаров было мало, и в силу закона спроса и предложения на них удерживалась довольно высокая цена. Таким образом, группа Спитероса при ограниченном количестве товаров получала большой процент прибыли, а Квота с его единомышленниками при массовом производстве – маленький. Если же сравнить суммы прибылей, то в обоих лагерях они были примерно равны. Разница заключалась лишь в том, что в провинции люди, получая низкую заработную плату (а многие там вообще сидели без работы), жили бедно, чуть ли не в нужде, а жители городов, находившихся в сфере влияния группы Квоты, даже, пожалуй, излишне разбогатели. В глазах Флоранс эта разница имела первостепенное значение, и она окончательно связала свою судьбу с гениальной системой

Квоты, против которой вначале собиралась бороться.

Понятно, во всей стране по каналам прессы, радио и телевидения велась ожесточенная борьба между обоими направлениями, даже, можно сказать, – обеими партиями, а еще вернее – между двумя группировками, ибо за всем этим скрывалась, естественно, глухая политическая борьба. Группа Спитероса высмеивала Квоту и его единомышленников, величала их не иначе как «плеторианцами», «сторонниками изобилия», поскольку сами они отдавали предпочтение не опасному переизбытку товаров широкого потребления, а разумному их ограничению. Квота не остался в долгу и окрестил их осторожную торговую политику «контролем над рождаемостью». Определение это оказалось настолько метким, что в конце концов, когда речь заходила о Спитеросе и его приверженцах, то их называли не иначе как «мальтузианцы».

«Сторонники изобилия» и «мальтузианцы» старались всеми силами завоевать общественное мнение, каждый со своей стороны приводил столь убедительные доводы и столь убийственно критиковал соперника, что Бретт, который всегда умел найти повод для беспокойства, вдруг заколебался. А что, если правы «мальтузианцы»? Квота только плечами пожимал.

– Ваши «мальтузианцы» с их «мальтузианством», – говорил Квота, – это тот же Катоблеп, но только не так ярко выраженный. У нас, «сторонников изобилия», чудовище кормится своими собственными лапами, это верно, но мы хоть стремимся к тому, чтобы у него прежде, чем он успеет сожрать их, выростали на смену новые лапы. Так что в конечном счете он жиреет. Наш Катоблеп – счастливчик. А вот вашим «мальтузианцам» не терпится обречь его на голодный паек, единственная его пища – собственные ноги, и пусть он себе худеет, пусть стонет: они порождают нищету, лишь бы нажиться, не тратя больших усилий, не напрягая ни воображение, ни мозг, ни мускулы. Неужели же они, по-вашему, правы?

Флоранс была согласна с Квотой, по тем же мотивам его поддерживала большая часть населения. И в том числе те рабочие, которые благодаря изобилию, царящему в больших городах, быстро обуржуазились. И они, естественно, поставили во главе своих профсоюзов таких руководителей, которые представляли их самые заветные чаяния, а чаяния эти сводились к тому, чтобы выбиться в буржуа. И вот эти руководители, которым нечего было теперь защищать, кроме как собственные посты, тайно поддерживали Квоту, по его указанию устраивали собрания и выдвигали требования, которые в конце концов оборачивались против «мальтузианцев».

Этот раскол общественного мнения, понятно, нашел свое отражение и в правительстве. Там тоже образовались две партии. Часть министров покровительствовала «сторонникам изобилия». Но остальные – а их было большинство! – противились действиям Квоты, пугавшим их своей смелостью; эти предсказывали грандиозный кризис. Движимые инстинктом самосохранения, они мечтали спустить дело на тормозах и с этой целью оказывали весьма сильное давление на президента Тагуальпы Фенимора Лапаса, стремясь добиться его поддержки.

Вся власть в Тагуальпе принадлежала президенту, роль парламента была сведена к простой канцелярии, формально утверждавшей его решения, которые фактически имели силу закона. Декрет, подготовленный «мальтузианцами» и их сторонниками-министрами, ждал только подписи президента, по этому декрету заработная плата снижалась почти до того уровня, который установили Спитерос и его группировка. Новый закон должен был подорвать систему Квоты и свести на нет все завоевания «сторонников изобилия». Кроме

того, предусматривалось уменьшить в десять раз производство товаров, обложив их огромным прогрессивным налогом. Но Лапас никак не мог решиться подписать этот декрет.

Он боялся общественного мнения, противодействия профсоюзов, волнений, забастовок. Боялся также, что немедленно падет кабинет министров, ибо девять министров из двадцати двух подкуплены «сторонниками изобилия», и они, вне всякого сомнения, подадут в отставку, придется формировать новое правительство, а во время междуцарствия положение президента будет не из веселых, тем более что даже сам министр внутренних дел – хотя открыто он и не оказывал предпочтения ни одному из лагерей – не слишком скрывал свое тайное покровительство Квоте и его друзьям, и в политических кругах страны это было хорошо известно.

Но «мальтузианцы» все-таки оказывали решительное давление на правительство. И особенно оно усилилось после того, как Квота предпринял попытку подчинить себе экономически некоторые секторы, находящиеся в руках противника, – пусть видят, как сжимается вокруг них кольцо. Почуввав опасность, Спитерос и его единомышленники решительно надели на правительство с требованием, чтобы Лапас подписал декрет о снижении заработной платы и повышении налогов на промышленные товары. Ходили слухи, что министры, сторонники Спитероса, заявили президенту о своем выходе из кабинета, если тот немедленно не утвердит новый закон.

Узнав об этом, Квота обрадовался.

– Ну, наше дело в шляпе, – потирая руки, твердил он.

– Вы думаете, они подадут в отставку? – недоверчиво спросил Бретт.

– Надеюсь, что нет! – рассмеялся Квота. – Думаю, Лапас подпишет декрет.

– Но если он подпишет, нам будет нанесен жестокий удар.

– Главное, не волнуйтесь, – успокоил его Квота, но не стал вдаваться ни в какие объяснения.

На сей раз давление «мальтузианцев» оказало желаемое действие. Фенимор Лапас, правда, не сразу, но представил декрет парламенту на голосование. Парламент немедленно принял декрет, отклонив все поправки.

– Дожили! – стонал Бретт. – Очевидно, вы этого хотели, да? Теперь мы погибли?

– Да неужели? – сказал Квота.

Увидев торжествующую улыбку, осветившую тонкое лицо Квоты, Флоранс поняла, что он уже давно готовился к этой минуте.

В деловых кругах ожидали, что на следующий же день после голосования девять министров – сторонников Квоты, несколько месяцев тормозивших утверждение нового закона, подадут в отставку. Президент Лапас, желая избежать правительственного кризиса, предусмотрительно наметил на тайном заседании девять «мальтузианцев», кандидатов в министры, которым намеревался передать портфели оппозиционеров. Но, к великому его удивлению, оппозиционные министры и не подумали выйти из правительства. Внешне они самым что ни на есть демократическим образом согласились с решением большинства. Обескураженный президент не знал, радоваться ли ему или тревожиться.

На бирже акции «мальтузианских» предприятий резко подскочили, зато акции фирмы «Бреттико» обесценились. Однако Квота предвидел это и заранее, пока курс на них был еще высок, распродал сам и велел другим членам правления распродать небольшими пакетами значительную часть акций. Теперь же он сам и по его указанию все прочие скупили эти акции по дешевке. Таким образом, у держателей акций оказался огромный капитал

наличными, который Квота хранил в сейфах и только ждал подходящего момента, чтобы пустить деньги в оборот.

Поначалу общественное мнение Тагуальпы разделилось. Осторожная по самой своей природе мелкая буржуазия одобряла закон, ограничивавший чрезмерные, с ее точки зрения, притязания тех, кто жил на заработную плату. Рабочие же, служащие и чиновники, как и следовало ожидать, встретили новый закон в штыки. Профсоюзы устраивали собрание за собранием. Принятые резолюции резко осуждали решение правительства и требовали отмены «драконова закона». Страну лихорадило, волнения главным образом захватили крупные города и, конечно, в первую очередь Хаварон, где заработная плата была особенно высока. Каждую субботу происходили демонстрации. По мере того как приближался день, когда закон об ограничении заработной платы должен был войти в силу, манифестации на улицах столицы становились все более многочисленными. Демонстранты несли плакаты: «Сохранение нашей заработной платы либо смерть!», «Да здравствуют «сторонники изобилия!»», «Долой драконовы законы!», «Лапаса на виселицу!».

К концу месяца, во время грандиозной манифестации, самым популярным стал новый лозунг, выведенный огромными буквами на плакатах: «Квоту к власти!»

Сам Квота все это время держался в тени и нигде не показывался.

Будучи человеком осторожным, президент Лапас пытался отсрочить хотя бы на время введение непопулярного закона. Он знал по опыту, что люди обычно выливают весь свой гнев во время демонстраций, а затем постепенно остывают. Он хотел взять их измором.

– Пусть лихорадка утихнет сама собой, – говорил он.

Но «мальтузианцы» во главе со Спитеросом придерживались иного мнения.

– Нет, – говорил Спитерос. – Надо заставить их подчиниться силой. Воспользуемся подходящим моментом. А такой момент наступил. Профсоюзы размякли от четырех лет «сладкой жизни», и, если мы проявим решительность, они даже пикнуть не посмеют. Они так и не удосужились обеспечить себя забастовочным фондом: денег у них нет, и они продержатся не больше недели. Следовательно, бой им надо дать именно сейчас.

Фенимор Лапас вынужден был уступить. Первого числа следующего месяца закон вошел в силу. И тут же на всех предприятиях рабочие немедленно прекратили работу. Многие заводы были заняты бастующими рабочими. Спитерос требовал применить силу, чтобы заставить их уйти.

– Нет, нет, – отказывался Лапас. – Пусть забастовка изживет самое себя. Она не может длиться долго. Вы же сами говорили, у профсоюзов нет денег, чтобы ее поддерживать.

Однако вопреки прогнозам правящих кругов забастовка не прекращалась. Только через некоторое время стало известно, что фирма «Бреттико» помогает бастующим, даже тем, кто занял ее собственные заводы, и на это идут средства, накопленные Квотой в результате биржевых операций.

Узнав об этом, «мальтузианцы» пришли в ярость. Спитерос требовал ареста и предания суду вожakov забастовщиков. Лапас отнесся к известию более хладнокровно и предпочел иное решение – он заявил, что правительство согласно вступить в переговоры с профсоюзами. Однако переговоры ни к чему не привели. Лапас предлагал кое-какие уступки в отношении заработной платы, но профсоюзы требовали безоговорочной отмены «драконовых законов». Моральное состояние бастующих было на высоте, и трудно было надеяться, что они уступят. Но и Лапас не мог уступать, это грозило падением кабинета министров. Он вынужден был пойти на применение силы.

Президент объявил в столице чрезвычайное положение и приказал очистить предприятия от бастующих, а рабочих в принудительном порядке привлечь к работе. Но рабочие не подчинились приказу и остались на местах. Лапас решил бросить против них отряды охраны порядка, национальную гвардию и жандармерию.

Именно этого момента и ждал министр внутренних дел, чтобы предать Лапаса. Ни национальная гвардия, ни отряды охраны порядка даже не вышли из казарм. К месту событий прибыла одна лишь жандармерия, но она натолкнулась на пикеты забастовщиков. После первых же стычек на заводах были образованы революционные комитеты. Неизвестно откуда у забастовщиков появилось оружие. Лапас спешно отозвал жандармерию. Он попытался прибегнуть к помощи армии, но главнокомандующий, приверженец «сторонников изобилия», за которыми, по его мнению, должна была остаться победа, не спешил выполнять приказ президента. Лапас, будучи человеком умным, трезво оценил ситуацию и понял, что остался лишь один выход – обратиться за помощью к Квоте, популярность которого была залогом того, что его послушают, будут ему повиноваться. Только ему! Лапас пригласил к себе Квоту.

Квота отклонил приглашение.

Лапас послал к нему своих эмиссаров с предложением возглавить канцелярию министерства труда, затем посулил ему портфель министра промышленности и, наконец, предложил пост вице-президента.

Квота отклонил все эти предложения.

Положение на заводах становилось с каждым часом все тревожнее. Кое-где рабочие решили сами управлять предприятиями и приступили к работе. Банковские магнаты и крупные промышленники, даже сторонники «мальтузианцев», перепугались. И отrekliсь от Спитероса. Шестеро из министерского большинства, почувствовав, куда дует ветер, присоединились к оппозиции, которая таким образом получила перевес. Они потребовали, чтобы немедленно был созван кабинет министров. Когда на заседание явился Лапас, его провели в соседний кабинет и заперли. И там он подписал сперва отмену нового закона, а затем собственную отставку. Министр внутренних дел не прочь был бы арестовать президента. Но кое-кто из министров, преданных друзей Лапаса, тайком выпустили его и помогли бывшему президенту бежать через подвал и канализационные трубы. Он улетел на собственном самолете в Мехико. Там он пребывает и по сей день, покоровшись судьбе, огромное состояние – плод десятилетнего пребывания у власти – значительно облегчает и скрашивает ему жизнь.

Президент еще блуждал по канализационным трубам, когда Квота, за которым отрядили его друзей, победителем явился во дворец. Он вышел на балкон, откуда его представили народу как нового президента, и был встречен всеобщим ликованием, однако все были несколько удивлены его невозмутимым спокойствием, его холодностью. Но это вызвало к нему еще большее уважение, граничащее с преклонением. Желая утвердить свою власть, Квота первым делом прибег к референдуму. Требовалось ответить «да» или «нет» на следующий вопрос: «Согласны ли вы предоставить неограниченные полномочия президенту Квоте и одобряете ли вы политику неуклонного повышения заработной платы?»

Даже ярые республиканцы не могли ответить «нет», хотя формулировка «неограниченные полномочия» и вызвала беспокойство. В итоге 98,76 % голосов было подано за Квоту. Став отныне вторым после бога властителем Тагуальпы, Квота ввел для всей страны закон о зависимости заработной платы от суммы, истраченной на покупки.

Промышленники-«мальтузианцы» были поставлены в такие условия, что им пришлось волей-неволей проводить политику «сторонников изобилия», ввести систему экспансивной экономики и в первую очередь принять принципы Квоты в области торговли, которые они до тех пор решительно отвергали. Теперь благосостояние и процветание распространилось по всей стране. Флоранс, которую Квота сделал своим личным секретарем, окончательно сложила оружие – в ее глазах Квота был блистательным главой государства, победившим нищету. Она забыла о своих былых претензиях и теперь выказывала ему только восхищение и преданность. Одно слово этого великого человека, один взгляд, и она подарила бы ему свое сердце. Но он не давал ей к этому повода. Было ли это сдержанностью, честностью... Скорее всего Флоранс была для него, как и все окружающие, просто-напросто орудием, пусть привлекательным и симпатичным, но вполне заменимым. И Флоранс не заблуждалась на сей счет. Возможно, его холодная привязанность к ней причиняла ей муку. Но она не сердилась, не держала на него зла. Наоборот, она лишь еще больше уважала его за эту твердость.

Флоранс стала верной и бескорыстной союзницей Квоты как раз в тот час, когда его система дала первые трещины.

За полтора месяца – от начала забастовки до того момента, как Квоту призвали в качестве спасителя государства, – вся торговля, особенно в крупных городах, свелась к минимуму – к продаже одних лишь продовольственных товаров. И вот эти-то полтора месяца сыграли роковую роль: люди впервые увидели, что, помимо продуктов первой необходимости для ежедневного потребления, они, несмотря на закрытие магазинов, не нуждаются ни в чем, оказывается, у них дома есть все, что можно только пожелать, и даже больше, чем нужно. Правда, выводы из этого они сделали не сразу. И, как мы видели, голосовали за Квоту чуть ли не единогласно. Закон об установлении прежних высоких ставок был отмечен празднеством. В небе над Хавароном и Порто-Порфино сверкали фейерверки, были сожжены чучела Спитероса и бывшего президента Лапаса, по улицам торжественно носили огромные портреты Квоты, но когда после трехдневных развлечений люди снова получили свое жалованье, они задумались – на что потратить деньги. За те полтора месяца, пока не на что было покупать и никто почти не ходил в магазины, они привыкли к тому, что у них много свободного времени, обрели душевное спокойствие и возможность радоваться жизни, то есть именно то, чего они были лишены в последние годы. И вот в конце месяца, когда перед ними снова встала дилемма – либо опять носиться по магазинам и покупать, либо отказаться от высокой заработной платы, – некоторые вдруг обнаружили, что так много денег им совершенно не нужно, ибо они не испытывают ни малейшего желания тратить их на излишества. В первые месяцы таких было меньшинство. Но Квота не обманывался. Несмотря на незначительность этого явления, он сумел почуять первые признаки смертельной опасности.

Для начала он издал декрет, по которому практически все покупки должны были оплачиваться по кредитным книжкам. В Европе эта система пока еще не получила широкого распространения, но в Америке это самый удобный, а потому и самый распространенный способ оплаты покупок – требуется только иметь счет в банке. Благодаря такой книжке можно совершить любую покупку без банковских чеков и без наличных денег. Вы предъявляете книжку в кассу, там записывают ее номер, и остальное уже не ваше дело: за вас рассчитается банк. Весьма удобно, даже чересчур удобно, потому что таким образом вы

залезаете в долги: ведь всем известно, насколько легче поддаться соблазну, когда не надо ни отдавать денег, ни проставлять цифру на чеке. Итак, Квота издал декрет, по которому запрещалось оплачивать наличными покупки, превышающие один песо. За исключением проезда в автобусе или в метро, покупки газет и сигарет, все прочие расчеты производились по кредитной книжке. Как и предвидел Квота, его нововведение подействовало на торговлю, как укол камфары на сердечную деятельность: на некоторое время коммерция оживилась прямо на глазах. Однако Квота не заблуждался, он знал, что это терапевтическое средство принесло лишь временное облегчение, что скоро потребуются более радикальные методы лечения и о них следует подумать заранее.

Однажды он сказал Флоранс:

– Насколько я помню, вы, кажется, связаны с отцом Эспосито?

– Как сказать... в общем-то, да...

– Передайте ему, что я хотел бы с ним повидаться.

Флоранс не встречалась с Эспосито довольно давно, с того самого дня, когда она, явившись к нему, увидела его, несчастного, подавленного, среди многочисленных бытовых приборов и агрегатов.

Когда бедняга Эспосито вошел в кабинет Квоты, Флоранс не знала, смеяться ли ей или плакать.

И впрямь у святого отца была какая-то странная, танцующая походка, что объяснялось его туфлями, разбрызгивателями духов. Из пневматических брюк, предназначенных для людей, ведущих сидячий образ жизни, не был полностью выпущен воздух, и старик шагал, широко расставляя ноги. Из-под пиджака торчали, разумеется, трубка кислорода и рука-скребница. Вдобавок на шее висела продолговатая коробка микротелевизора, с помощью которого можно было принимать передачи в любое время и в любом месте. На голове у Эспосито красовалась шляпа с биноклем, предназначавшимся для театра, бегов и спортивных состязаний. Транзисторный антифон, созданный специально для духовных лиц, вполголоса бубнил: «Священные когорты, поднимайтесь!», а безотказный трембик шепотом читал молитву.

Заметив Флоранс, отец Эспосито с виноватым и огорченным видом воздел руки к потолку, как бы говоря: «Сами видите, дочь моя, до чего я докатился...»

– Здравствуйте, отец мой, – сказал Квота, словно ничего не замечая. – Располагайтесь как дома. Ваши когорты в порядке? – спросил он, помогая священнику снять с себя всю эту сбрую.

– О, мои когорты! – простонал Эспосито, и в его голосе прозвучало ожесточение. – Вы же прекрасно знаете, что по вашей вине, сын мой, они растаяли как снег на солнце.

– Как? По моей вине? – лицемерно удивился Квота.

– А по чьей же еще? – ответил Эспосито. – Разве я не похож на шута? Разве не превратили вы меня в автомат? В покупательную машину? Разве ваша дьявольская система не сделала всех жителей страны подобными машинами, а ведь мой долг – нести им священное слово, но ни у меня, ни у них не остается минуты свободной для духовной жизни.

– Значит, отец мой, вы предпочитаете, чтобы они хлебали ваш нищенский суп?

– Это софистика! – резко отрезал Эспосито. – Я отвергаю такую постановку вопроса.

– Значит, вы считаете, – мягко, даже слащаво пропел Квота, – что благосостояние не препятствие религии?

– Конечно, нет! Но при условии – не переступать границу, как по наущению самого

дьявола сделали вы, сын мой!

– Bravo, святой отец! Садитесь. – И Квота любезно подтолкнул Эспосито к мягкому креслу. – Я рад, что мы нашли с вами общий язык!

– Общий язык! – возмутился священник, ворочаясь в кресле. – У меня с вами найдется общий язык только тогда, когда вы придете ко мне просить отпущение грехов.

– А в чем же я провинился?

– Прежде всего вы должны покаяться в гордыне, – прогремел Эспосито.

– Затем?

– Затем публично признать свои ошибки, отречься от своего безрассудства, осудить его роковые последствия.

– А если я этого не сделаю?

– Тогда не ждите от меня помощи, я откажу, о чем бы вы ни попросили у несчастного слуги божьего, хотя и не представляю, чем могу быть вам полезен. Зачем вы позвали меня?

– Отец мой, я действительно нуждаюсь в вас, но и вы в такой же степени нуждаетесь во мне. – Квота говорил серьезно, и голос его прозвучал озабоченно. – Вы сказали, что ваша паства теряет веру, а это скверно, очень скверно, просто отвратительно. Без религии нет совести, без совести нет чувства долга, а раз так – существующий порядок и экономика окажутся под ударом. Я верну вашу паству, отец мой, это и в моих и в ваших интересах. Больше того, если вы меня послушаетесь, я увеличу ее во сто раз.

Бедняга священник заерзал в кресле, и Квота, выждав, продолжал с холодной улыбкой:

– Но если я покаюсь в своих, как вы говорите, «грехах», тогда я, уж конечно, буду бессилен что-либо сделать.

Эспосито растерянно захлопал ресницами.

– Не будем возвращаться к средневековью! – сказал Квота неожиданно резким тоном. – Прошли те времена, отец мой, когда веру вколачивали в души с помощью нужды, страданий и страха. Доверьтесь мне, и мы вместе с вами привьем ее самыми современными методами, в условиях гигиены и изобилия. И прогресса, отец мой, ведь вы же сами это поняли еще задолго до меня.

Волнение священника усиливалось.

– Сын мой, право, не знаю... боюсь, как бы...

– Положитесь на меня, отец мой, страшиться вам нечего. Правда, веру не продашь на метры, как обои, это более тонкий товар, и требует он соответствующего подхода. Но, надеюсь, я неплохо зарекомендовал себя здесь. Итак, отец мой, дайте руку и будем действовать вместе, я знаю, вы принадлежите к той категории служителей бога, которые не ослеплены религиозной рутинной, больше верят в дух, чем в букву писания, и прекрасно понимают, что, если пастух отстанет, стадо обгонит его. Ну, а что касается меня, то я доказал делом, что держу свои обещания. Если вы поможете мне, через несколько месяцев мы пополним поредевшие ныне ряды верующих, превратим их в армию благочестивых муравьев.

– Странная у вас манера говорить о вере, сын мой... Товар! Нет, видно, нам с вами не по пути...

– Не следует придирается к словам, отец мой. Разве так уж важно, каким путем ваши овечки вернутся в лоно церкви, главное, чтобы они вернулись. Разве вы оставите на произвол судьбы желтеющие нивы? Если я брошу семена в землю, разве вы пренебрежете урожаем? Откажетесь жать созревшие колосья?

– Но почему... хотелось бы понять, почему вы стремитесь помочь мне, бедному священнику?..

– Отец мой, я хочу, чтобы люди ловили любое ваше слово. Пусть каждый вечер, в час молитвы, все жители Тагуальпы видят и слышат вас по телевидению. Каждый вечер вы будете напоминать им об их долге и не только по отношению к богу, но и к кесарю. Об их религиозном и об их гражданском долге. В плане религии это значит чтить создателя, а в гражданском – покупать товары. Таким образом, экономика перестанет быть чем-то низменно житейским, мы облечем ее в священные покровы. Вот чего я жду от вас, отец мой. Кроме того, не забывайте, что когда ваша секта, – продолжал Квота, словно все уже было решено, – разрастется с моей помощью, она построит новые храмы, приобретет тысячи предметов религиозного культа, ей потребуются кирпич, цемент, лес, черепица, стекло, медь, свечи, ладан, витражи, требники, органы и еще многое, многое другое, – словом все то, чем изобретательный ум способен пополнить обряды и богослужения. Какой богатейший рынок сбыта! Вы краснеете, отец мой, но почему этого надо стыдиться? Какая религия стыдилась своего богатства? Разве Ватикан, разве храмы Бенгалии не владеют неисчислимыми богатствами? Я обещаю вам богатство, отец мой. Глядя на вашу секту, остальные религии старой, отставшей от века церкви умрут от зависти. Скажите одно лишь слово...

– Но вера... ведь вера не продается, как простые рубашки, и я...

– Все продается, отец мой, все, разница лишь в методе. Мы же продаем утомленным людям тишину, пустыню, небытие – чудесное изобретение присутствующей здесь сеньориты. Ну, а если нам не повезет, если мы ничего не добьемся, что тогда? В худшем случае все вернется к прежнему. Вспомните-ка о Паскале и рискните, святой отец. Рискните ради веры, вы же ничего не теряете!

– Дайте мне время поразмыслить, сын мой... – взмолился Эспосито и, увидев, что Квота нахмурился, добавил: – Недельку, не больше... Ну, три денечка... Два?

– Нет. – И Квота нетерпеливо мотнул головой: – Вы должны решить немедленно. Вы знаете отца Альтамираса?

Услышав это имя, Эспосито побледнел. Полная противоположность ему самому, Альтамирас слыл человеком решительным, который ради достижения своих целей не останавливался ни перед чем. Эспосито задрожал.

– Основателя секты «Небесные профсоюзы»? – спросил он, не в силах скрыть беспокойства.

– Тоже весьма прогрессивная секта, – сказал Квота, – и к тому же процветающая...

– Ну, положим, это только он так говорит! – резко возразил священник, побуждаемый завистью к конкуренту.

– Нет, это правда, мне известны их доходы, – безжалостно настаивал Квота. – Завтра он придет ко мне. Неужели вы дадите себя обойти?

– Значит, надо вот так, сразу... – пролепетал отец Эспосито.

– Куй железо, пока горячо, – вот в чем мудрость, отец, поверьте мне. Ну чего вы сопротивляетесь? Все готово, дело только за вами... Одно лишь слово над этим святым Евангелием... одно обещание...

– Слово?

– Даже не слово, одно движение вашей руки, – живо сказал Квота, подсовывая Евангелие под ладонь Эспосито. – Bravo! – воскликнул он. – Спасибо, поздравляю вас, отец мой, вы

показали себя человеком дела! Наш союз будет плодотворным, можете не сомневаться. Итак, во имя экономики Тагуальпы, во имя процветания ваших «когорт», ради вящей славы господней!

Квота поднялся, широко раскинув руки, словно протягивая дарующие длани. Эспосито робко улыбнулся и глубоко вздохнул. И вздох этот выражал боязливое недоверие, умиротворенную, трусливую покорность перед свершившимся фактом и первые проблески рождавшейся надежды.

– Так с чего же мы начнем? – спустя несколько минут нетерпеливо спросил Эспосито. – Я имею в виду наше общее дело. Вы уже разработали план?

– Чутьочку терпения, – ответил Квота, подталкивая священника к выходу. – К чему такая спешка, времени у нас хватит, мы с вами еще повидаемся.

– Но мне уже не вмоготу ждать, – сладострастно хихикнул священник. – Право, я как ребенок... о мои овечки! Я горю желанием приняться за дело.

Квота помог Эспосито нацепить его антифон, микротелевизор, скребницу и баллон с кислородом.

– Ну, отец мой, до скорой встречи, – сказал он, протягивая Эспосито его шляпу с биноклем. – Чутьочку терпения, и все будет в порядке. Я вас извещу...

– Надеюсь, вы не сделаете ему ничего плохого? – встревоженно спросила Флоранс, когда святого отца удалось наконец выдворить. – Было бы просто ужасно злоупотребить таким простодушием...

– Полноте, отец мой... то бишь, дочь моя... то есть моя дорогая Флоранс, еще неизвестно, кто чем злоупотребляет, – заметил Квота. – В конце концов, что такое его церковь? Страховое общество для предусмотрительных душ. Но награды святой отец прикарманивает, а все неприятности пусть расхлебывает боженка. Делает он это, не сомневаюсь, из самых чистых побуждений... Пусть это будет простодушием, если вам так хочется... Ну, пошутили и хватит. Не заставляйте меня повторяться. Мне нужна религия – все равно какая, лишь бы она помогла воспитать в людях нравственную дисциплину, ибо без нее кое-какие меры, необходимость в которых давно назрела, не только не встретят у населения должного признания, но даже вызовут сопротивление.

– Ах так... а какие же меры?

– Поедемте со мной на заседание кабинета министров, и вы услышите сами.

Час спустя Квота говорил министрам:

– Сеньоры, судя по некоторым бесспорным признакам, пока, к счастью, еще малочисленным, но пренебрегать коими было бы неблагоприятно, у потребителей наступило своего рода пресыщение, потеря аппетита. Наша обязанность – немедленно начать борьбу с этими явлениями.

Если мы тщательно изучим американскую экономику, то заметим, что руководствуется она одной бесспорной истиной, а именно: чем скорее вещь приходит в негодность, тем скорее нужно заменять ее новой. Тогда как, чем выше качество товара, тем больше оттягивается его замена, что в корне противоречит основам экспансивной экономики.

Отсюда вытекает всем известный закон: увеличение выпуска определенного товара требует сокращения срока пользования им потребителем.

Что было сделано до сегодняшнего дня? Были изучены и установлены сроки, которые нельзя превышать, чтобы не отвратить клиента от покупок. Казалось бы, вполне логично. Но так ли оно на самом деле? Может быть, вместо того чтобы идти навстречу покупателю и производить добротные вещи, нам следует поступить как раз наоборот: воздействуя на покупателя, выпускать товары, которые будут приходить в негодность в максимально короткий срок.

Обратимся к наиболее яркому примеру, к нейлоновым чулкам. Вначале, когда их

требовалось ввести в моду и вытеснить шелковые, их делали практически неизносимыми. Но это, естественно, имело чисто временный характер. Когда с шелковыми чулками было покончено, наладили выпуск таких нейлоновых чулок, которые уже через несколько недель начинали «ползти». Затем, постепенно они делались все менее прочными, до той поры, пока покупатели не стали выражать свое неудовольствие. Таким образом, выяснилось, что в случае, если срок носки чулок меньше недели, их просто перестают покупать, что грозит затовариванием. Но было ли это доказано на практике или это только наше предположение? Вот в чем вопрос!

Я лично, например, убежден, что вполне возможно найти способ постепенно приучить женщин к мысли, что чулки носят три дня, один день, полдня, а то и один час.

Все сказанное относится не только к нейлоновым чулкам, но и к любому товару. Возьмем хотя бы автомобильные моторы. Почему к ним не применяется это золотое правило? Почему их изготавливают из сверхпрочной стали? Это же нелепость, это противоречит экономике, а тем самым и государственным интересам. Нелепо и недопустимо, чтобы двигатель работал, хотя машина прошла уже тридцать тысяч километров. Наш долг – запретить употребление специальной стали для производства моторов. Наоборот, необходимо обязать промышленников производить двигатели только из легких сплавов, затем перейти к пластигласу, а там и к фарфору. Так, постепенно понижая качество продукции, мы приучим автомобилистов к мысли, что первое время мотора будет хватать на двадцать тысяч километров, потом – на десять тысяч и, наконец, на тысячу километров, мало-помалу все будут считать эту цифру вполне нормальной. Вот, сеньоры, в чем первейшая задача наших конструкторских бюро.

Однако было бы неосмотрительно рассчитывать на то, что поначалу это мероприятие не встретит сопротивления со стороны покупателей. Поэтому мы уже сейчас должны подготовить ряд приказов, которые пресекли бы в самом зародыше любое проявление недовольства.

Сеньоры, пусть и здесь нам примером послужит Америка. Посмотрите, что там происходит хотя бы в области недвижимого имущества. Сначала они строили небоскребы, рассчитанные на шестьдесят лет. Однако очень скоро поняли, что такой долгий срок ущемляет интересы строительных компаний. И вот теперь, как только небоскребы переходят двадцатипятилетний рубеж, их облагают такими огромными налогами, что куда выгоднее сносить их и воздвигать новые. Это дало замечательные результаты: строительство настолько расцвело, что недавно конгрессу было предложено сократить срок до пятнадцати лет. Их метод, сеньоры, указывает наш долг. Наш долг – установить для каждой вещи ограниченный срок пользования, по истечении которого на ее владельца налагается столь тяжелый налог, что он вынужден будет отделаться от нее. Нужно добиться такого положения, чтобы после года работы старого автомобиля, холодильника, телевизора их было бы дороже сохранять, чем купить новые. И скоро, очень скоро, можете мне поверить, этот налог, равно как и элемент непрочности, заложенный во все промышленные товары, будет считаться совершенно обыденным явлением. Постепенно мы сможем еще сократить эти сроки. В конце концов покупатели примирятся с тем, что нужно заменять машину каждые три месяца, тем более если за это время она благодаря употреблению слишком тонкого стального листа приобретет вид старой кастрюли. Наша задача – достичь того, чтобы у владельца машины, которая отслужила полгода, появился комплекс неполноценности и ему было бы стыдно ездить на таком драндулете. Или же, если он не

клянет на эту удочку, мы задушим его налогами.

Сеньоры, я рассказал вам лишь о самых первейших неотложных мерах. Впоследствии нам предстоит еще другая работа. Но всему свое время. Тем более что нам еще нужно преодолеть кое-какие трудности – технические, финансовые, психологические, иначе меры, предусматриваемые нами, не принесут желаемого эффекта. Задача всех нас – разработать детально эти меры, а затем проследить, чтобы они внедрялись осторожно, с умом.

Каждое министерство должно подготовить соответствующие материалы. Я хотел бы, сеньоры, получить их в самое ближайшее время.

В месяцы, последовавшие за этим знаменательным заседанием кабинета министров, решения постепенно и умело, как того требовал Квота, проводились в жизнь. Флоранс в качестве руководителя лаборатории коммерческого психоанализа имела возможность проследить этот процесс: сначала новые меры вызвали сопротивление, затем покупатели постепенно смирились, а под конец и совсем привыкли к новшествам Квоты, и то, что впоследствии получило название «обязательного товарообмена» и «коэффициента непрочности», и впрямь было внедрено без рывков и в относительно короткий срок. Правда, на черном рынке торговали старыми прочными двигателями и бытовыми электроприборами, срок пользования которыми уже истек для их владельцев, но эти торговые операции проводились в весьма скромных масштабах. Проповедь, которую отец Эспосито ежевечерне читал по телевидению между двумя матчами кетча (то есть при наибольшем числе телезрителей), принесла свои плоды. Следуя указаниям Квоты, святой отец без передышки твердил о том, что нет для христианина лучшего способа почтить на нашей земле бога, как проявить себя хорошим гражданином, хорошим отцом семейства и хорошим, то есть покорным и дисциплинированным, покупателем, так что со временем, как и следовало ожидать, его проповеди внесли в умы слушателей необходимую для пользы дела путаницу, и верующие в глубине души действительно поверили, будто покупают множество вещей не по необходимости, не по принуждению, не по личному желанию, а выполняя свой долг гражданина и христианина. На жульнические махинации пускались лишь немногие, да и то все их осуждали. В большинстве своем люди были довольны и гордились тем, что каждые три месяца у них появлялась новая машина, каждый месяц – новый холодильник. Совесть их была чиста не только по отношению к государству, но и к богу, а сознание того, что они выполняют волю господню, пробудило в них желание посещать церковь, чем недавно еще они пренебрегали. Ряды «священных когорт» пополнились, секта, как и предсказывал Квота, вступила на путь процветания, что навеки сделало Эспосито его преданнейшим союзником.

Вдобавок ко всему успех «обязательного товарообмена» и «коэффициента непрочности» разрешил на время и проблему переизбытка вещей, позволил обладателям тесных квартир, куда уже нельзя было втиснуть ни одного нового приобретения, избавившись от всего лишнего, спокойно делать новые покупки, и люди облегченно вздохнули. Теперь миновали их мучения, когда к концу месяца приходилось носиться по магазинам, чтобы выполнить обязательную норму: отныне покупатели уже не ломали себе голову над тем, что бы им приобрести такого, чего у них еще нет. Наступила эра ликования и всеобщего благоденствия, и Флоранс поверила, что благодаря гению Квоты наконец-то страна обрела устойчивое равновесие, которое отныне уже не нарушится.

Не столь отрадны последствия «обязательного товарообмена» и «коэффициента непрочности» сказались попозже. Впрочем, Квота, судя по всему, их тоже предвидел и, чтобы помочь делу, еще задолго до того, как всполошились жители Тагуальпы, стал постепенно проводить реконверсию промышленности.

Вследствие все убыстрявшегося «товарообмена» производство автомобилей, водонагревателей, холодильников и других бытовых приборов достигло небывалой цифры, намного опередив Соединенные Штаты, хотя численность населения там в двадцать раз больше. Пропорционально увеличению производства увеличилось и количество негодных автомобилей, различных агрегатов и приборов, которые считались отслужившими свой срок. За несколько месяцев вокруг городов, на каждом свободном клочке земли, где можно было устроить свалку, выросли кладбища автомобилей и самого разнообразного железного лома, превратив пригороды в этакие Альпы. Люди с беспокойством взирали на эти горы листового железа, автомобильных покрышек, кухонной утвари и прочего хлама, которые достигали неслыханной высоты, угрожая задушить жителей городов. Как же от них избавиться?

Однако все с облегчением вздохнули, когда сначала медленно, а потом все убыстряющимися темпами приступили к разборке и вывозке этих огромных отвратительных пирамид из моторов, ржавеющих под тропическими ливнями, шасси, автомобильных каркасов, покореженных листов железа и прочих вовсе непонятных предметов, начисто потерявших свой первоначальный вид. Один за другим подъезжали грузовики, тоннами увозя железный лом на склады тех самых переоборудованных заводов, где день и ночь работали гигантские прессы. Автомобили, холодильники, пианино, телевизоры, стиральные машины расплющивали, разрезали, снова грузили на машины и отвозили в Сьерра-Херону. Гуськом, бесконечной вереницей, словно звенья цепи, грузовики преодолевали сто шестьдесят поворотов горной дороги, которая вела к озеру Оросино, скидывали в воду свой груз и, надсадно рыча на спуске, спешно возвращались на заводы, чтобы вся эта карусель действовала бесперебойно.

Можно было предвидеть, к чему это приведет, но Квота и здесь предусмотрел все. Он не стал дожидаться, пока уровень воды в озере поднимется настолько, что оно выйдет из берегов, и заранее распорядился возвести вокруг него дамбы, а ниже течения построить плотину и электростанцию, которая, кстати, будет снабжать электроэнергией прессы. Вот тут-то и должна была возникнуть идеальная промышленная система, при которой процесс перевозки и уничтожения металлолома самоокупался. Но сразу же возникла еще одна проблема – куда девать избыток электроэнергии? С помощью конструкторских бюро Квота разработал смелый проект снабжения городов холодом: во всех крупных населенных пунктах под тротуарами проведут трубы, что значительно понизит температуру, и горожане, привыкшие к тропической жаре, вынуждены будут завести электрообогреватели, и таким образом излишки электроэнергии будут использоваться даже летом.

В связи с этим стали подумывать о создании в ближайшее время новой, доселе не известной в тропических странах отрасли промышленности по производству теплой одежды. Кое-кто из промышленников, которым приближенные президента под секретом сообщили об этих планах, стали скупать пастбища для разведения мериносов, другие же подписали контракты с канадскими охотниками на монопольное право приобретать у них всю пушнину. Самые предусмотрительные торговцы заранее в огромном количестве запасались нафталином и прочими дезинсекционными средствами.

Между тем Квота, который со свойственным ему гениальным предвидением, казалось, все обдумал заранее, столкнулся вдруг с реакцией населения, удивившей его своим размахом.

Все это изобилие, это богатство совершенно неожиданно утомило людей. Нередко массовые явления носят такой вот внезапный характер. Это как пламя, которое вспыхивает из медленно тлеющих углей, как землетрясение, которому предшествовали еле заметные толчки. Еще накануне торговля из-под полы старыми двигателями, сделанными из настоящей стали, старыми прочными приборами была редким явлением, и вдруг, в один прекрасный день, она приобрела массовый характер. Если раньше люди по религиозным соображениям, отчасти благодаря проповедям отца Эспосито, не позволяли себе заниматься спекуляцией, то теперь все преграды сразу вдруг рухнули, исчезли, перестали сдерживать людей. Казалось, людям до смерти надоели их новые машины, которые они с гордостью и с удовольствием вначале меняли каждые три месяца, надоели все эти товарообмены, превратившиеся ныне из радостного события в монотонные будни. Глубокая тоска по прежним добротным машинам, которые служили по два-три года и к которым привязывались, как к доброму коню или верному слуге, распространилась с быстротой эпидемии гриппа. Старые машины входили в моду, впрочем, это было больше чем мода, за ними гонялись со страстью, упорно, цены на них достигли фантастических размеров. Тяга к прочности, к высокому качеству товаров распространилась на все бытовые приборы, выпущенные раньше и избежавшие пресса, ими торговали на черном рынке, и эти торговые операции ошеломляли своими масштабами.

Были изданы строгие законы, чтобы в корне пресечь эту опасную моду. Для нарушителей устанавливалась возрастающая шкала наказания, начиная с небольшого штрафа и кончая заключением в тюрьмах для рецидивистов, а для упорных спекулянтов – даже каторжные работы. Недозволенная торговля уменьшилась, но репрессии оставили тягостный след в умах, где постепенно зрело открытое возмущение. Сначала в столице возникло движение, которое вернее всего было бы назвать забастовкой покупателей. Не желая платить высоких налогов и стремясь избежать штрафов и тюрьмы, люди в положенный срок избавлялись от своих холодильников и автомобилей, но взамен ничего не приобретали. Демонстративно засунув руки в карманы, они не только не желали заходить в магазины, но даже не приближались к ним. Происходили манифестации, забастовщики несли плакаты с требованием отмены «коэффициента непрочности», налога на старые вещи и «товарообмена». Были разгромлены склады фабрик растворимой от дождя одежды, в школах и детских садах сожгли летние сани, сделанные из картона. Толпа зрителей помешала гонкам грузовых машин, введенным Квотой и ставшим национальным спортом, во время которых каждое воскресенье разбивались тысячи машин. Постепенно движение охватило и провинцию.

Квота и его правительство надеялись, что, проявив терпение, они сумеют образумить этих забастовщиков нового типа. Главную ставку они делали на женщин, считая, что те не смогут долгое время обходиться без удобств, к которым они уже привыкли. Сперва их предположения как будто оправдались. Прошло полтора месяца, и забастовщики пошли на попятный. Их напугало падение чуть ли не до нуля заработной платы, вызванное тем, что

они перестали покупать. Кроме того, женщинам и впрямь надоело делать все собственными руками, обходиться без горячей воды, холодильников, пылесосов и стиральных машин, и они подговорили мужей капитулировать. Торговля возродилась. Кризиса, казалось, удалось избежать.

В этот критический момент Флоранс, как истинная женщина, вдвое больше преданная мужчине, когда его преследуют неудачи, чем когда балует судьба, развила бешеную деятельность, показав себя неутомимой, энергичной, осторожной, гибкой и умелой. Но когда кризис миновал, ее стали одолевать сомнения и тревоги. Из дня в день она принимала участие в работе лаборатории коммерческого психоанализа, изучала результаты тестов и только дивилась общности реакций: все жаждали стабильности, тянулись к долговечным вещам, никто не хотел снова переживать лихорадку насильственных покупок, утомительное обновление своего хозяйства, словом, желали именно того, за что боролись забастовщики.

Пока длился мятеж, Флоранс отгоняла личные чувства. Но как только опасность миновала, она с ужасом поняла, что вновь испытывает к Квоте и его системе неприязненное чувство, как после возвращения из Европы. Теперь она слишком привязалась к этому человеку, не могла сразу отречься от него и пыталась поэтому подавить вновь вспыхнувшее в ней возмущение. Поначалу ей показалось, будто она достигла цели. И вот как раз в это время Квота на ее глазах самым бесстыдным образом замял скандал с трехфазеином.

Вот уже несколько недель американская, а за ней и мировая пресса кричала о новом весьма многообещающем открытии ученых мексиканского университета. Как и всегда, ничем не брезгающая в погоне за сенсацией желтая пресса заранее подняла шумиху. Однако было похоже, что группа мексиканских ученых действительно открыла новый антибиотик, намного превосходящий пенициллин, стрептомицин и даже интерферон. Во всяком случае, если бы этот факт подтвердился, можно было бы говорить о настоящей революции в медицине. Препарат назвали «трехфазеином», ибо его получали, пропуская трехфазный ток через хлоробутолонеомицинофенилдиэтиламиноэтанальнопроизводную соль, и таким образом в азоте, входящем в состав воздуха, происходила постепенная полимеризация благородных нитратов, напоминающих по своей структуре некоторые гормоны. Новое средство через дыхательные пути проникало в кровь, а затем распространялось по всему организму, истребляя болезнетворные микробы, другими словами, практически излечивало все болезни. Если верить прессе, исчезали даже камни в печени и опухоли. Кое-кто уже произнес слово панацея. Препарат, однако, не был пущен в продажу, так как требовал еще доработки и тщательной проверки, исключаяющей вредные побочные явления. Но это, как утверждалось, дело всего нескольких месяцев, а может быть, даже недель.

Затем произошло нечто странное: о лекарстве совершенно перестали говорить. Прошли недели, месяцы, и ни одна газета даже не упомянула об этом поразительном всеисцеляющем средстве. Публика, уже привыкшая к нравам современной прессы, каждые три месяца сообщающей о новом радикальном способе лечения рака, тоже не обратила внимания на этот заговор молчания. Однако через осведомленных людей стало известно, что исследования по каким-то таинственным причинам приостановлены. Утверждали, что врачи запретили этот препарат, так как он не вполне безопасен для организма. Но ходили и иные слухи: выпуск трехфазеина нанесет якобы огромный урон фирмам, производящим антибиотики, и исследования были прерваны отнюдь не после вмешательства врачей, а –

фабрикантов лекарств. И сторонники последней версии связывали запрещение трехфазеина с неожиданным визитом Квота в Мехико, имевшим место за неделю до того. Зато другие утверждали, будто им известно из достоверных источников, что сопротивление исходит от министерства здравоохранения. В ученых кругах, где ходили все эти разноречивые слухи, царило смятение. Квота, по своему обыкновению, был невозмутим.

Однажды утром, когда Квота работал с Флоранс, вошел швейцар и протянул ему регистрационную карточку посетителя, который хотел повидаться с президентом. Квота, нахмурившись, долго изучал ее.

– Что это такое? – полюбопытствовала Флоранс.

Квота не ответил. Он, видимо, обдумывал, принять ли ему посетителя или нет.

– Ладно, – сказал он наконец швейцару, пожав плечами. – Тем хуже для него. Проведете его ко мне, когда я позвоню.

– Кто это? – тихо спросила Флоранс.

– Руководитель научно-исследовательского центра Мехико.

– Ах вот как! По поводу трехфазеина?

– Совершенно верно.

– Но почему же «тем хуже для него»?

– Сейчас увидите.

После мгновенного колебания Флоранс сказала:

– Значит, то, что говорят, верно?

– Что именно?

– Что вы ездили в Мехико для того, чтобы добиться прекращения исследований. С одной лишь целью – не допустить конкуренции в той области, где у вас имеются свои интересы...

Квота покачал головой и горько усмехнулся:

– Вот так и пишется история!

– Значит, это неправда?

– Правда. Но на самом-то деле все произошло совсем иначе. Впрочем, сейчас вы сами в этом убедитесь.

Квота нажал кнопку звонка, и вскоре в кабинет вошел посетитель. Это был мужчина лет шестидесяти – типичный, как решила Флоранс, старый ученый, какими их представляет себе публика: детски наивное выражение чуть испуганного лица, которое он довольно неуклюже пытался скрыть под личиной человека сурового и решительного. Простодушные голубые глаза, высокий лоб в ореоле седых кудрей дополняли классический образ профессора.

Он поклонился Флоранс, подошел к Квоте и сказал:

– Сеньор президент, я буду говорить без обиняков.

Чувствовалось, что он сжег за собой мосты, желая побороть непреодолимую застенчивость.

– В чем дело, профессор? – осведомился Квота.

– Вы сами великолепно знаете, – ответил ученый.

Он помолчал и без околичностей добавил:

– Вы убийца.

– Ого-го! – воскликнул Квота.

– Наша работа успешно продвигалась вперед. Но из-за вашего вмешательства, под вашим давлением мексиканское правительство запретило нам ее продолжать.

– Совершенно верно, – подтвердил Квота.
– Ради грязных делишек вы отняли у человечества, у многих миллионов больных возможность быстрого и верного излечения.
– Вполне возможно.
– Как же так... – начала было Флоранс.
Квота обернулся к ней.
– Я ездил в Мехико по просьбе здешних врачей.
– Да? Значит, они считают, что средство небезвредно? – спросила Флоранс.
– Оно совершенно безвредно, – отрезал профессор.
– Правильно, – согласился Квота. – Но если мы пустим его в продажу, вы представляете, какая произойдет катастрофа?

– Катастрофа? – удивилась Флоранс. – Катастрофа для кого?
– Но я же только что вам сказал... – Квота загадочно улыбнулся, – ... для врачей.
Флоранс широко открыла глаза и уставилась на профессора, чьи голубые глаза тоже расширились от удивления.

– Неужели вы не понимаете, – продолжал Квота. – Если это средство поступит в продажу, все болезни, Флоранс, или почти все будут побеждены. При помощи обыкновенного шпелселя. Вечером человек болен, а наутро – здоров. Терапия, доступная даже детям, даже неграмотным. А значит, если я не ошибаюсь, медицина больше не нужна. А тем более – не нужны врачи...

И, резко повернувшись к посетителю, Квота спросил:

– Сколько врачей, по вашему мнению, сеньор профессор, насчитывается хотя бы только в Мексике и Тагуальпе?

– Я не... по памяти я не могу привести точную цифру.

– Сто шестьдесят пять тысяч. А во всем мире? Больше шести миллионов! Не считая миллиона студентов, которые уже связали свою жизнь с медициной. Об этом вы подумали, профессор?

Ученый открыл было рот, но промолчал.

– А о двенадцати или пятнадцати миллионах младшего медперсонала, мужчин и женщин, о санитарях, работающих в клиниках и больницах, о двадцати миллионах фармакологов и аптекарей, о лаборантах, химиках, об огромной промышленности патентованных средств, в которую, не отрицаю, вложены и наши средства, о фабрикантах, выпускающих тьюбики, пузырьки, коробочки, и о тысячах санитарных машин, миллионах кроватей, миллиардах простыней, резиновых изделий, вате, стеклянной и фарфоровой посуде, о линолеуме, об огромной армии, об океане рабочих и работниц фабрик и заводов, изготавливающих все это – пусть, я опять же не отрицаю, некоторые из них принадлежат нам, – об издателях брошюр, касающихся аллергии и старческого катара дыхательных путей, – об этом вы подумали, профессор?

– По правде говоря... признаться, – пробормотал ученый, моргая глазами, – ...не отрицаю...

– Шестьдесят или сто миллионов населения земного шара живут за счет больных, и вот в один прекрасный день все они окажутся на улице... О чем вы пришли просить меня, профессор? Дать вам возможность продолжить вашу работу? Вы берете на себя огромнейшую ответственность, но вы, конечно, готовы ее на себя взять.

– То есть... – беззвучным голосом прошептал ученый.

– Вы не принадлежите к породе малодушных, которые отступают, боясь ответственности за последствия своих действий.

– Конечно, но...

– Даже несмотря на то, что вы точно знаете теперь, скольких мужчин и женщин ваш трехфазеин убьет гораздо более верным способом, нежели болезни или врачи...

– Сеньор президент...

– И скольких он сожжет на медленном огне, ибо они погибнут от нужды, холода, голода... Но раз вы так уж настаиваете, профессор, пожалуйста. Выполняйте свой долг. Ставьте на ноги больных и уничтожайте здоровых.

– Не надо меня... Не надо нас...

– Я согласен. И не будем больше говорить об этом. Завтра же я отправляюсь в Мехико...

– Послушайте...

– Сегодня же вечером я объявлю прессе о принятом решении.

– Сеньор президент!

– Как только лабораторные работы закончатся, мы начнем выпускать трехфазеин здесь, у нас. Меньше чем за месяц страна будет им обеспечена. Весь земной шар – меньше чем за девяносто дней.

– Сеньор президент! Сеньор Квота!

Профессор уже чуть ли не кричал.

– Да, я слушаю, в чем дело? – спросил Квота.

– Подождите, подождите. – Профессор даже задохнулся от волнения. – Не будем рубить с плеча... У нас еще есть время... да... И потом я ведь не один. У меня есть коллеги... я должен дать им отчет... Мы не подумали...

Он вздрогнул.

– О той разрухе, об ужасающей безработице... Нет, нет... Может, надо повременить...

– ...пока нынешнее поколение врачей и аптекарей перемерет своей естественной смертью? – подсказал Квота.

– Вот именно, – быстро согласился ученый и, тут же спохватившись, быстро добавил: – Нет, я хочу сказать... что можно бы подождать... ну, хотя бы некоторое время...

Флоранс, не удержавшись, вмешалась:

– Да что вы, сеньор профессор, Квота! Ведь сейчас тысячи несчастных умирают от рака! В мучениях и отчаянии!

Профессор побледнел.

– Спокойно, спокойно! – Квота пожал плечами. – Вы же понимаете, мы думали и об этом. Но раз уж так устроен мир, из двух зол надо выбирать наименьшее.

Повернувшись к сбитому с толку ученому, Квота продолжал:

– Кстати, профессор, ваша растерянность делает вам честь, но вы не считаетесь с реальностью. Даже с точки зрения самых высоких идеалов не опасно ли одним махом ликвидировать все болезни? Давайте отбросим излишнюю сентиментальность и подумаем о том, что мы теряем, если не будет физических страданий: искупление грехов мученичеством! Чудесный пример святого Венсана де Поля! А всю эту самоотверженность, и братские чувства, и героизм в години мора. Неужели мы имеем право выкинуть за борт все эти добродетели?

– Нет. Я не согласна... – возбужденно проговорила Флоранс. – В ваших рассуждениях есть что-то... если все это так... есть что-то порочное...

– Ну, ну, ну, – прервал ее Квота, – не надо горячиться! В современном мире все взаимосвязано. Экономика – сложнейший механизм, и, если из него вынуть хотя бы самое ничтожное колесико, все рухнет. И вот эта прискорбная история – яркий пример тому.

– Хорошо, а как все-таки быть с болезнями? – настаивала Флоранс.

– Как и со всем прочим! – твердо ответил Квота. – Здоровье – прекрасная штука, спору нет. Но если оно обрекает на нужду восемьдесят миллионов невинных семей, так ли уж оно прекрасно?

– Кстати, сеньорита, – вставил ученый, – в конце концов у нас, видите ли, нет еще полной уверенности, что наши исследования дадут положительные результаты...

Флоранс изумленно взглянула на него.

– И потом, – продолжал Квота, – вспомните-ка Лурд, Лизье, Фатиму, Бенарес ^[6]. Мир без чудотворства с легкостью попадет под власть атеистического материализма, а ведь это как раз то, что нам угрожает, если исчезнут болезни. Итак, профессор, пусть вас не мучит совесть. Ваше мудрое решение свидетельствует о широте ваших взглядов, и я воздаю вам должное. До свидания, возвращайтесь в Мехико и спите спокойно. Вы предотвратили страшнейшую катастрофу! Грядущие поколения будут вам благодарны!

Флоранс не убедили все эти блестящие аргументы, на ее взгляд, опасность их крылась как раз в том, что они выступали под маской мудрой покорности судьбе.

Квота на ее глазах – и в какой уже раз! – заставил противника начисто отказаться от своих убеждений, принудил его согласиться с тем, с чем тот собирался бороться; мало того, Квота не только уговорил профессора, который приехал с одной целью – отстаивать право вести свои плодотворнейшие исследования, – прекратить их, но и заставил выступить перед коллегами в качестве защитника этого решения; этот цинизм, это безразличие Квоты к человеческому страданию вызвали в душе Флоранс новую волну возмущения, настоящий бунт. Было время, когда этот волшебник покорил ее, а потом так напугал, что она бежала от него в Европу; по возвращении на родину он возбудил в ней презрение и ненависть, но затем, сама того не заметив, она тоже позволила переубедить себя до такой степени, что с жаром поддерживала все его начинания, благоговела перед его упорством, самоотверженно помогала ему преодолевать первые трудности, и вот теперь, когда она втайне питала к этому необыкновенному человеку чувство не просто симпатии, а скорее уж любви, хотя, быть может, и не страстной, он снова вызвал у нее глубокое негодование, и она изо всех сил старалась держать себя в руках, и действительно так хорошо скрыла свое озлобление, что могла следить за этим страшным диктатором, не вызывая подозрений, как Лорензаччо у Медичи.

Возможно, сила Квоты таилась в его ледяном безразличии к людям, в его бесчувственном отношении к ближнему. Но в то же самое время здесь была и его слабость: он не заметил перемены, происшедшей с Флоранс, он по-прежнему считал ее верным, преданным его делу союзником и ничего от нее не скрывал, она, как и раньше, присутствовала почти на всех его деловых свиданиях, на всех заседаниях кабинета министров.

Именно в силу этого безразличия к людям, а также еще и потому, что льстецы-царедворцы неправильно информировали его, он долгое время не подозревал о повороте, совершившемся в общественном мнении. Первая забастовка покупателей окончилась их поражением, и, убеждал он себя, вторая, ежели она будет, окончится точно так же. И поэтому, когда вскоре после запрета трехфазеина на севере страны вспыхнула новая забастовка, он почти не обратил на нее внимания. Хотя, казалось бы, его должен был беспокоить тот странный факт, что забастовку начали имущие классы. Первые же результаты опроса, проведенного лабораторией коммерческого психоанализа, показали, что состоятельные круги охвачены чувством глубокого разочарования: если любой дворник может пользоваться такими же житейскими благами, как миллиардер, в чем же прелесть богатства? Богатые теряли вкус к жизни. За несколько недель в кругах этих избранных возникла новая разновидность снобизма – жить в нищете. Все жаждали только ветхих, ржавых, покореженных вещей, мебели, годной лишь на свалку, ковров, траченных молью, стен в сплошных трещинах. Чем более убогой была обстановка, тем легче дышалось людям. Если кому-то удавалось за бешеные деньги снять лачугу или квартиру в трущобах, все поздравляли счастливика. Началась усиленная спекуляция произведениями, считавшимися раньше безвкусными, любители продавали за бесценок своих Ренуаров к Пикассо и вырывали друг у друга академическую мазню, олеографии, настенные календари,

упрощенную живопись. Кое-как удержался один Бернар Бюффе, да и то лишь в жанре мизерабилизма. Это отвращение ко всему, о чем раньше мечталось как о неотъемлемой принадлежности роскоши и изобилия, постепенно заразило средние и даже низшие классы. Когда протест сопровождается таким вот пресыщением и отвращением ко всему на свете, тут уж ничто не поможет, и побороть его почти никогда не удастся, так как упорство людей в подобных случаях безгранично. И Квота, который поначалу думал, что эти новые забастовки, пусть даже вызванные столь необычными причинами, кончатся, как и предыдущие, полным крахом и бастующие смирятся, как человек трезвого ума довольно скоро оценил значение и опасность этого явления. Поэтому он решил пойти на крайние меры, пока зло не успело еще пустить глубокие корни. Он созвал чрезвычайное заседание кабинета министров, на которое пригласил верхушку армии, полиции и прокуратуры. В скупых словах, но достаточно ярко он нарисовал перед ними картину будущего экономики Тагуальпы в том случае, если забастовка покупателей затянется и примет еще более широкий размах. Кабинет министров в панике предоставил ему неограниченные полномочия, что было ратифицировано парламентом во время созванной этой же ночью сессии. Назавтра на стенах домов во всех городах Тагуальпы появились правительственные декреты о введении в стране осадного экономического положения. Все взрослое население в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет переходило в распоряжение военных властей, на которые была возложена обязанность следить за выполнением экстренных мероприятий – их должно было разработать правительство. Пользуясь своей неограниченной властью, Квота подготовил, а затем обнародовал закон о недвижимом имуществе, ограничивающий срок жизни капитальных строений, причем срок этот был еще меньше, чем в Соединенных Штатах. Разработали пятилетний план создания специальных строительных организаций для сноса старых зданий и возведения новых, чтобы через пять лет обновить все недвижимое имущество Тагуальпы. К концу этого срока не должно остаться ни одного старого здания. В дальнейшем срок этот будет сокращен до трех лет, а затем до одного года. Всякому, кто попытается обойти закон и сохранить здание дольше положенного срока, будет грозить тюремное заключение, а в случае повторного нарушения – каторжные работы.

В скором времени Тагуальпа превратилась в огромную строительную площадку. Одновременно начался небывалый подъем промышленности, ибо требовалось все больше стали, штукатурки, цемента, алюминия, стекла, водопроводных труб, кранов, грузовиков и бульдозеров. Таким образом, экономика уже не зависела более от неустойчивого настроения отдельных потребителей. Вскоре рабочей силы перестало хватать, и сотни тысяч, а затем и миллионы рабочих хлынули в Тагуальпу из Мексики и других стран Латинской Америки. В отличие от коренных жителей страны они буквально упивались высокими ставками, не испытывали ни малейшего отвращения к посещению магазинов и стали страстными покупателями, вполне заменив в этом отношении пресыщенных тагуальпеков. К тому же им требовалось жилье. Но так как им приходилось сначала разрушать дома, а потом уж строить новые, то спешно в план внесли дополнительные параграфы, всю страну разделили на участки для застройки, и количество этих участков постоянно увеличивалось. Повсюду вырастали новые и новые здания, а старые сносились. Все это заставляло людей – хотели они того или нет – беспрерывно переезжать на новые квартиры, заново обставлять их, заново приобретать предметы первой необходимости.

Любая попытка восстать против этих бесконечных переездов немедленно, ввиду

осадного положения, подавлялась армией и полицией. Если кто-нибудь пытался обойти закон (в новые квартиры являлись полицейские инспекторы с обыском и проверяли наличие установленного минимума новой мебели, белья, ковров и прочего), он предстал перед специальным трибуналом. Как обычно бывает, когда убеждаешься, что преодолеть препятствия нет возможности, люди после нескольких месяцев безуспешного сопротивления (по-видимому, на них действовал невиданный размах строительства, на который приезжали полюбоваться иностранцы со всех концов света) начали терять силы в этой неравной борьбе. Они смирились, а смирившись, предпочли забыть о своем бессмысленном бунте. Они покорились этой суетливой, суматошной жизни, они убеждали себя, будто она им по душе, даже сами себе не признаваясь в том, что все они фактически жертвы насилия. Итак, довольно скоро осадное положение было снято. Благодаря непрерывному процессу сноса старых зданий и возведения новых торговля достигла необычайного расцвета. Правда, нашлось с десяток скептиков, которые предупреждали с газетных полос о грозящей катастрофе и приводили даже пример Катоблепа. Правда, в Квоту стреляли – выпустили из дамского револьвера четыре пули, из которых ни одна в цель не попала, – но Квота не разрешил вести расследование, и личность террористки так и осталась неизвестной. Правда, ушла с работы и укатила в Европу одна сотрудница президента, ближайшая его помощница. Как говорили, с нею уехал и ее дядя, бывший министр. Было много и других тревожных сигналов. Но никто не хотел или не решался заострять на них внимание.

Снова вошло в моду лихорадочное возбуждение. И если случалось, что кто-то, кого еще накануне видели полным энергии, на завтра вынужден был спешно уехать лечиться, в этом обвиняли врожденную хрупкость его нервной системы. А для всех прочих жизнь шла, ускоряя до умопомрачения свой темп, ненасытно разрушались, неумоимо строились все в большем количестве дома, заводы, конторы, магазины, гаражи, больницы, сумасшедшие дома, и все равно не хватало домов, контор, магазинов, гаражей, сумасшедших домов, и все еще не хватало магазинов, гаражей, сумасшедших домов, и все еще не хватало...

Продолжение следует.

Париж, 1966

Примечания

1

«Кнок» – нашумевшая комедия Жюль Ромена, названная так по имени главного героя – ловкого медика, который убеждает всех, что каждый здоровый человек болен, хотя и не подозревает об этом. – Здесь и далее прим. пер.

[n_1](#)

2

забавная новинка, применяемая как механическое приспособление в быту (от амер. gadget)

[n_2](#)

как днем (итал.)

[п_3](#)

на опыте, в лабораторных условиях (лат.)

[п_4](#)

способ существования (лат.)

[п_5](#)

Святые места, куда совершаются паломничества
[п_6](#)

FB2 document info

Document ID: a8d38708-8aeb-102c-b202-edc40df1930e

Document version: 1.01

Document creation date: 05.05.2009

Created using: ExportToFB21, FB Editor v2.0 software

OCR Source: super-puper@mail.ru

Document authors :

- M_Lenny (M_Lenny)

Source URLs :

- <http://litres.ru/>

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon